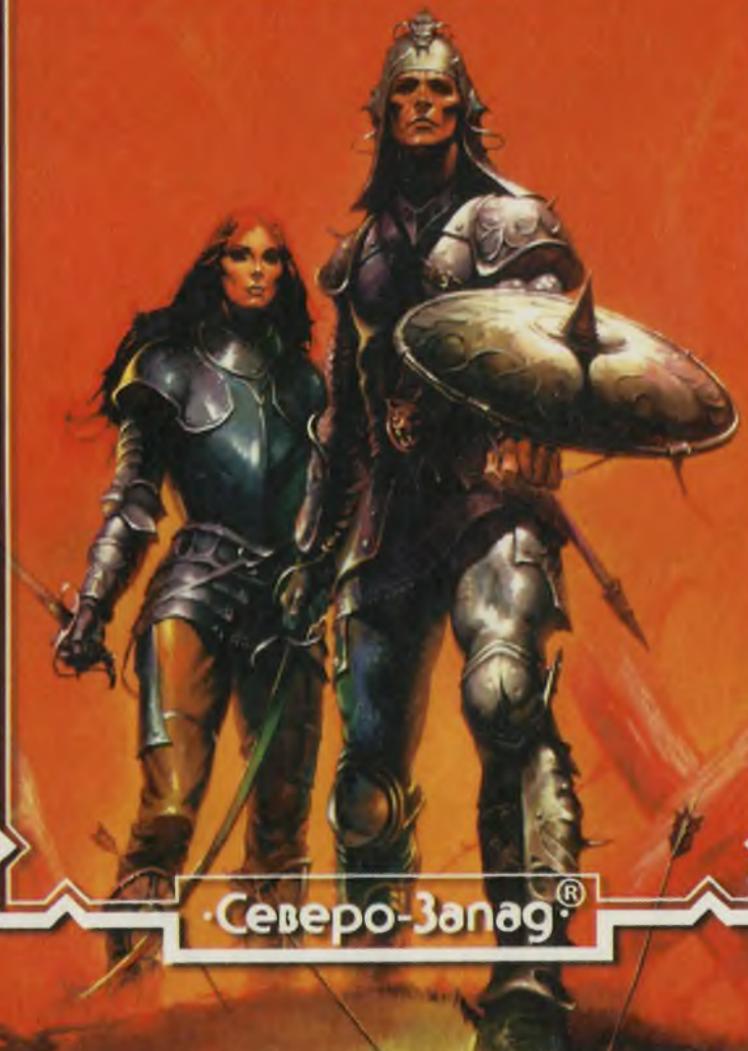
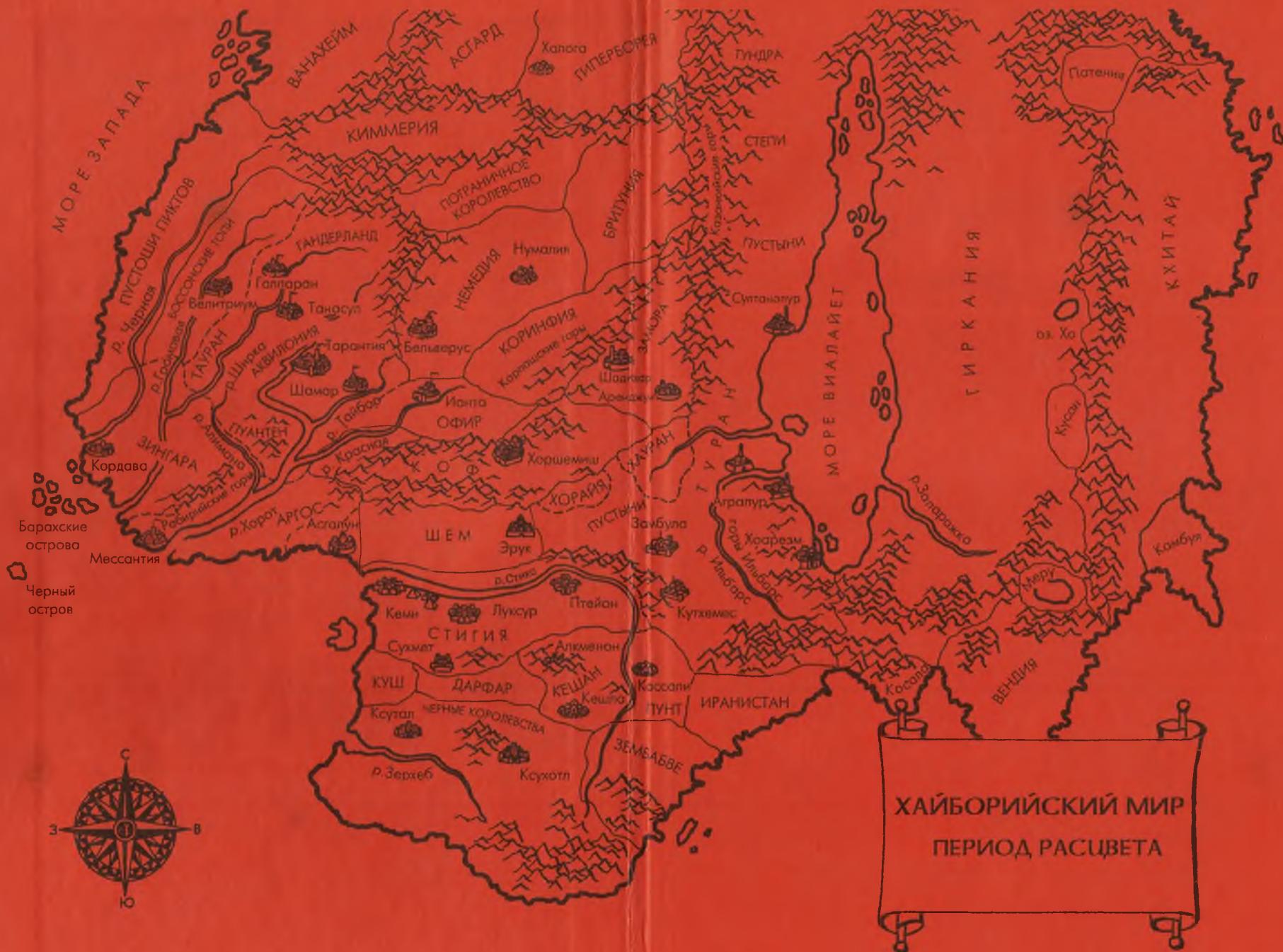

РЫЖАЯ СОНЯ

РЫЖАЯ СОНЯ
И ВЛАДЫКА
ПАДШИХ

Северо-Запад®

Санкт-Петербург
"СЕВЕРО-ЗАПАД"
1998

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
Р 93

Авторские права защищены.

*Запрещается воспроизведение этой книги или любой
ее части, в любой форме, в средствах массовой информации.
Любые попытки нарушения закона будут преследоваться
в судебном порядке.*

*В оформлении обложки использована работа Ken Kelly.
Публикуется с личного разрешения автора и его агентов.*

Р93 Рыжая Соня и владыка падших.: Роман и
повесть./ Пер. с англ.— СПб.: Северо-Запад, 1998.—
448 с.

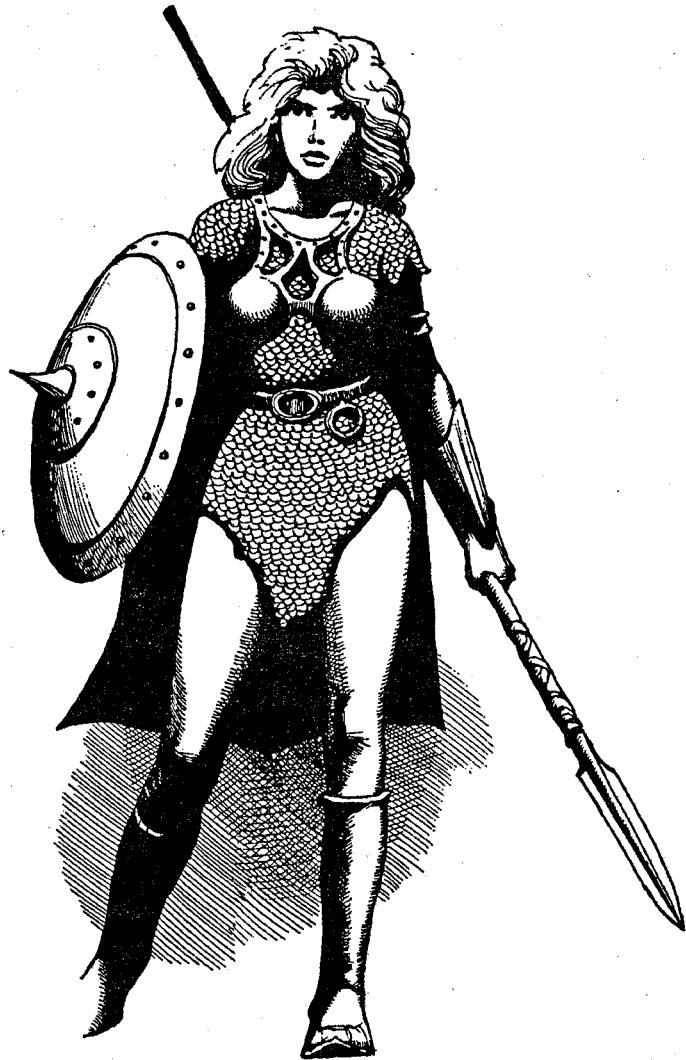
ISBN 5-7906-0058-1

84(7США)

ISBN 5-7906-0058-1

© Ken Kelly, 1982
© «Северо-Запад», подготовка текста,
серийное оформление, 1998

Глава первая

Просторная комната смотрителя храма Белой Волчицы в Шадизаре была обставлена строго и, пожалуй, даже бедно, но гостя, развалившегося в кресле напротив хозяина, это нисколько не волновало. Он устал в дороге, его измучила жара и жажда, и сейчас, с наслаждением потягивая чуть кисловатое туранское вино из запотевшего кубка, он ощущал себя на грани блаженства.

Несмотря на то что снаружи царил жаркий полдень, окна в комнате наглухо закрывали тяжелые шторы. Тем не менее света, пробивавшегося сквозь плотную ткань, вполне хватало для двоих собеседников.

Стоявший между ними стол был накрыт весьма скромно: только что приготовленное седло барашка, высокая ваза с фруктами и пузатый кувшин с охлажденным вином. Однако ни тот, ни другой мужчина не торопились приниматься за жаркое. Они пока лишь утоляли жажду да присматривались друг к другу: хотя хозяина и гостя

давно связывало общее дело, увидеться им довелось впервые.

Хозяин, опрятный и благодушный, не торопил гостя, который проделал долгий путь и нуждался в отдыхе. Он только что прибыл в славный город Шадизар. Карета, запряженная шестеркой измученных быстрой скачкой коней, еще стояла под окнами, но десять конных воинов, сопровождавших посланника, уже укрылись от дневного пекла в храме.

Надо сказать, всадники понадобились путнику не столько для охраны, сколько для солидности: и без них вряд ли кто-нибудь рискнул напасть на карету с барельефом Белой Волчицы. Хотя в последние годы дороги стали не такими спокойными, как прежде, а особенно Тракт — единственная дорога, которая связывала государства Хайбории с Гирканией и прочими землями, лежавшими восточнее Вилайета.

— Как здоровье преподобной Разары? — заговорил наконец смотритель Влтах.

— Хвала Белой Волчице, она и в сто лет останется бодрой! — несколько наигранно воскликнул приезжий, но глаза его при этом странно сверкнули, словно его вовсе это не радовало. — Впрочем, иначе и быть не может, — добавил он и тут же сменил тему: — Надеюсь, послание ты получил в срок?

— Да, господин, — торопливо ответил смотритель, склонив голову в почтительном поклоне. — Вот только...

— Что? — насторожился гость.

— Набрать столько подходящих людей я не сумел, — не поднимая глаз, ответил замориц.

— В Шадизаре перевелись воры? — насмешливо поинтересовался гость, и глаза его полыхнули хищным огнем.

Смотритель зябко поежился: он не понаслышке знал, чем грозит ему немилость матери-насторожительницы, главы клана Белой Волчицы. Отлучение от сытного и спокойного места смотрителя храма в Шадизаре оказалось бы меньшей из бед. О худшем он предпочитал не думать.

— Твоя правда, господин мой, — ответил он, изо всех сил пытаясь подавить дрожь в голосе. — Воров в Шадизаре не стало меньше, но если я буду набирать кого попало, мне не поздоровится!

— Если не наберешь дюжины, тебе тоже не сдобривать, — пообещал гость.

Приезжий чувствовал себя гораздо увереннее, чем хозяин: в крайнем случае он всегда мог свалить все на нерасторопность служителей местного храма — Следа Волчицы. Так между собой многочисленные приверженцы набирающей силу веры называли разбросанные по северо-востоку Хайбории центры культа.

— Теперь ты видишь, уважаемый Ханторек, сколь незавидно мое положение, — заметил Влтах, — я в любом случае оказываюсь в проигрыше.

— Делай то, что от тебя требуют, — с ядовитой ухмылкой посоветовал гость, — и можешь ничего не опасаться.

— В том-то и беда, — немного успокоившись, согласился смотритель, — что воров много, а вот

выбрать из них действительно достойных не так просто. С тех пор как то Туран, то Аквилония вводят в Замору свои легионы, люди с умом предпочитают края поспокойнее. Хоть Шадизар и остался прибыльным местом, но теперь здесь в основном промышляет безмозглая мелочь из тех, что быстро попадаются, да отчаянные головы, которым плевать на все! Но таких осталось совсем мало.

— Вот они-то мне и нужны! — воскликнул гость.

— Как раз их я и пригласил на сегодняшнюю встречу, — ответил Влтах, сдержанно улыбнувшись. — Однако их меньше десятка.

— Что... — начал было Ханторек, но тут же умолк, задумавшись. При всех своих недостатках он был человеком неглупым и понимал, что смотритель Влтах тут ни при чем: если самые лучшие уходят на запад, то... — Но ведь это значит, что остальные кланы поставят больше людей... — задумчиво произнес он.

— Именно, — подтвердил Влтах, — и с этим ничего не поделаешь.

— Мать Разара будет очень недовольна! — перебил его гость.

— Я вижу только два выхода, — счел возможным заговорить Влтах. — Клан расширяется на запад, и Волчица оставляет новые Следы...

— Это приведет к открытому противостоянию с нашими братьями по вере. — Ханторек покачал головой. — Мать Разара не пойдет на это, ведь все кланы делают общее дело.

— Безусловно, — покорно согласился смотритель, — но, раз мы делаем одно дело, так ли уж важно, кто внесет большую лепту?

— Не будь дураком! — вспылил Ханторек. — Ты прекрасно понимаешь, что каждый мечтает ухватить больший кусок будущего пирога! А для этого нужно поработать сейчас!

— Верно, — опять кивнул Влтах. Казалось, он даже доволен тем, что вывел из себя посланника, и заметно повеселел, когда понял: важный гость в какой-то мере зависит от него. К тому же имелась у смотрителя в запасе идея, которой ему не терпелось поделиться, не бескорыстно, конечно. — Тогда остается второй путь, — добавил он и вновь замолчал.

— И что же это за путь? — не удержавшись, поинтересовался гость.

— Никто ведь не мешает нам перемещаться по угодьям дружественных кланов. Мы можем гостить в их Следах и пользоваться поддержкой наших братьев.

— Кажется, я тебя понимаю, — кивнул Ханторек. — Путешествовать, присматриваться, потихоньку расспрашивать... А когда дойдет до дела, никто не хватится пропавшего вора!

— Разве что вздохнут с облегчением, — с улыбкой поддакнул Влтах.

— Что ж, — важно заявил гость, — я намекну об этом матери-настоятельнице, и, если идея ей понравится, ты тоже не останешься в накладе.

Смотритель смиренно опустил голову, и Хантореку почудилась ехидная улыбка на губах Влтаха.

ха. «Ладно,— непонятно на что разозлившись, подумал он,— я уж постараюсь, чтобы ты точно не остался в накладе!»

— Все это, конечно, хорошо,— добавил он вслух,— но давай-ка вернемся к предстоящему делу.

— Всего кандидатов семь,— вмиг посеръезнев, заговорил смотритель.— Шесть мужчин и одна женщина.

— Опять девка,— поморщившись, прошёдил Ханторек.— Они, как правило, бесполезны.

— Знаю, господин,— засуетился Влатах,— но здесь случай особый. Мать Разара останется довольна!

— Уверен? — недоверчиво покосился на него посланник.

— Полностью,— убежденно кивнул тот.

— Ну что ж,— Ханторек усмехнулся,— тебе и ответ держать!

* * *

В тот же самый день, в то же время на другом конце Шадизара двое мужчин встретились в уютной таверне, расположенной на берегу канала, который отделял центральную часть города от воровского квартала Пустыньки. Таверна выглядела вполне солидно, готовили тут ничуть не хуже, чем в любом заведении центра города, но отряды городской стражи по доброй воле сюда не наведывались.

Сотрапезники лениво коротали время уже за вторым кувшином аргосского розового, изредка обмениваясь ничего не значащими фразами. Со

стороны могло показаться, что два старых приятеля просто пережидают здесь жару, но вскоре одному из них надоел пустой разговор.

— И долго еще ждать? — спросил дородный преклонного возраста аквилонец с добродушным лицом.

Спутник его, сухопарый, немолодой уже замориц с обильной сединой в окладистой бороде и волосах, сдержанно хмыкнул:

— Тебе ведь не терпелось прийти сюда. Могли и не торопиться.

— И все-таки?

Замориц посмотрел на солнечный луч, который за время их ожидания успел проползти почти всю боковую стену зала, и что-то прикинул в уме.

— Думаю, что она вот-вот должна появиться,— ответил он и вновь приложился к вину.— Тебя что-то тревожит?

— Великий Митра! — воздел глаза к потолку аквилонец.— Конечно! И в первую очередь то, что она женщина!

— Напрасно,— в который уже раз принялся убеждать собеседника бородач.— Со времен Конана Великого Шадизар не знал более умелого, а главное, удачливого вора, чем эта девушка! К тому же не понимаю, о чем беспокоиться тебе? В любом случае рискует только она! Нам с тобой останется только спокойно сидеть дома и ждать.

— Тебе,— поправил его приятель.— Это ты можешь спокойно сидеть дома, но не я!

— Все равно не понимаю, что тебя тревожит?

— Твоя воровка наверняка потребует задаток!
— А что же ты хотел? — удивился бородач.— Путь-то предстоит неблизкий, да и дело отнюдь не безопасное.

— Да знаю, знаю! — Аквилонец сжал могучий кулак, не то от злости, не то от бессилия.

— Если твоим покровителям жаль денег, они могли бы выкрасть нужную вещь и сами.

Замориец равнодушно пожал плечами. Всегда одно и то же. Нет недостатка в том, что стоило бы украсть. Нет недостатка в тех, кто желал бы обладать принадлежащей другому вещью. Всегда можно отыскать человека, способного совершить кражу. Но как только дело сделано и приходит время платить, неизменно даже та скромная по сравнению с реальной стоимостью вещи цена, что запрашивает исполнитель, кажется заказчику совершенно несуразной!

— Ты прав,— согласился аквилонец.

— Впрочем,— заметил его приятель,— теперь ты все это можешь объяснить уже не мне, а вот ей.

Он показал на входную дверь. Аквилонец обернулся, желая что-то сказать, да так и замер с открытым ртом. Шадизарец смотрел на него с не-поддельным интересом. Казалось, он давно уже должен был привыкнуть к тому, как глядят на вошедшую девушку мужчины, но всякий раз словно впервые наслаждался их немым изумлением.

Много красавиц повидал немолодой уже аквилонец на своем веку, но такой ему встречать не приходилось.

Поразительная красота лица и тела и умный взгляд внимательных серых глаз — редкое соче-

тание. Гордость и достоинство еще меньше вязались с откровенностью ее наряда. Собственно, того, что принято называть одеждой, на девушке не было вовсе. Только дорогие, выполненные будто не оружейником, а, скорее, ювелиром доспехи прикрывали самые интимные места.

Незнакомка вошла походкой королевы, небрежно кивнула обоим мужчинам, словно с ними девушку связывали долгие годы знакомства, и уселилась за их стол.

— Зачем ты звал меня, Харіб? — мягко и негромко спросила девушка.

Тот, к кому она обратилась с вопросом, уже подхватил стул из-за соседнего стола и устроился напротив девушки.

— Я нашел тебе заказчика, Соня.

Девушка еще раз, уже внимательнее, окинула взглядом аквилонца, и тому показалось, что ее серые глаза не просто осмотрели — обыскали его. Он никогда прежде не испытывал и тени робости, общаясь с женщинами, но сейчас поежился и с трудом подавил поднявшееся было в душе раздражение: не хватало еще оробеть от взгляда девки!

— Ты уверен, что она, тот человек, кто мне нужен? — спросил он у заморийца, и девушка чуть заметно улыбнулась, прекрасно понимая, что творится в душе заказчика.

— Уверен,— твердо сказал Харіб.— И ты можешь не сомневаться.

— Это вы могли бы обсудить и до моего прихода. Впрочем, договоримся мы или нет,— заметила девушка,— я все равно предпочла бы осве-

житься. На улице страшная жара! — Она кивнула хозяину, который с ухмылкой наблюдал за этой сценой из-за стойки.

Тот скрылся за тяжелой шторой, закрывавшей вход во внутренние помещения, и через несколько мгновений вернулся с огромным запотевшим кувшином и тремя чистыми кубками. Замориец тут же разлил вино. Девушка попробовала, удовлетворенно кивнула и, сделав пару хороших глотков, откинулась в кресле, выжидательно глядя на мужчин.

Аквилонец хлебнул из своего кубка и едва не подавился. Его лицо сначала вытянулось от изумления, а потом побагровело от едва сдерживаемой ярости. Он еще не успел ничего сказать, когда, бросив на него быстрый взгляд, Соня развернулась к стойке и крикнула:

— Эй, Каюм! — Ее брови грозно сошлись у переносицы. — Ты никак начал разбавлять мое вино?

— Нет, нет, Соня! Что ты! — непрерывно клянясь, принял оправдываться тавернщик. — Я никогда бы не посмел!

И тут наконец аквилонца прорвало.

— Я же заказывал лучшего вина! — В сердцах он ударил кулаком о стол, и посуда жалобно зазвенела. — А полдня пил твое розовое пойло, в то время как этот чудный напиток спокойно пребывал в леднике!

— Я не виноват, господин! — захныкал толстяк, неожиданно попавший меж двух огней. — То, что ты пьешь сейчас, не принадлежит мне! Это ее вино,—

он беспомощно кивнул в сторону девушки, ища ее поддержки, — оно только хранится у меня!

— Успокойся, досточтимый, — усмехнулась Соня. — Уважаемый хозяин сказал правду. Таверна Каюма — одна из тех, где я бываю, и в каждой из них хранится небольшой запас действительно приличных вин. Моих вин. Их пью только я... И мои друзья, — добавила она, подумав.

Аквилонец нахмурился и умолк. То, что он увидел и услышал, все меньше нравилось ему. Он прибыл в Шадизар нанять вора, а вор этот оказался настолько не стесnen в средствах, что может позволить себе носить ювелирные украшения вместо доспехов и держать в десятке таверн города коллекции вин, каждая из которых стоит небольшое состояние!

Соня прекрасно понимала, о чем он думает, и не торопила его, тем более что от предстоящего заказа ожидала немалой прибыли. Она умела создавать впечатление собственной недосягаемости и путь к этому выбрала самый простой — она жила такой жизнью.

Аквилонец искоса глянул на Харива, и тот чуть заметно кивнул, подтверждая, что Соня не лжет, после чего подхватил свой кубок и отошел к хозяину, чтобы не мешать двоим договариваться. Его не интересовала суть их разговора. Он не впервые имел дело с Соней и знал, что, если она договорится с найденным для нее заказчиком, он, Харив, непременно получит свою долю от их сделки.

— Признаться, я попал в щекотливое положение, — начал аквилонец, стараясь не смотреть

ниже точеного подбородка девушки.— У меня есть для тебя работа и некоторая сумма, которую мне разрешено выдать в качестве задатка.

— Пока все складывается как нельзя более хорошо,— усмехнулась Соня.

— Я тоже так считал,— кивнул он, соглашаясь.— Но увидел тебя...— Девушка удивленно приподняла бровь, и старик поспешил объяснить: — Сумму, что я запросто предложил бы любому из тех, с кем имел дело прежде, мне даже неловко предлагать женщине, которая носит дорогие доспехи, а друзей угощает винами вековой выдержки!

— Ну,— Соня сделала еще глоток,— если дело не слишком сложное, то того кошеля, что болтается у тебя на поясе, вполне хватит. Конечно, если ты держишь в нем золото,— добавила она.

— Там золото,— подтвердил аквилонец,— но, к сожалению, дело весьма непростое.— Он поморщился, как от зубной боли, и решил не скрывать ничего: его досада, а скорее, растерянность, уже улеглась, и он понял, что именно эта девушка ему и нужна.— За последние два года четверо опытных людей пытались выполнить заказ, но ни один из них не вернулся.

— Это плохо,— с кажущимся простодушием заметила Соня.

— Да уж, чего хорошего! — воскликнул аквилонец.

— Ты не понял меня.— Она, прежде чем ответить, вновь отпила немного вина.— Плохо то, что меня теперь наверняка поджидают, хотя и людей, конечно, жаль.— Она помолчала, размыши-

ляя.— Так все-таки не пора ли объяснить, в чем суть дела?

— Ты, пожалуй, права,— согласился аквилонец и, пошарив за пазухой, выудил украшенный великолепной резьбой кинжал с усыпанной камнями рукоятью и в богатых ножнах.— Это точная копия необходимой мне вещи. Вместо камней, разумеется, цветное стекло, а вместо золота — бронза.

— Вещица славная.— Соня вынула странный изогнутый клинок из ножен и повертела в руках.— Хороша для поединка, но и для убийства сгодится.

— Это ты верно подметила про убийство,— кивнул аквилонец.— Кинжал жертвенный, и много зла через него уже пришло в наш мир и еще больше придется, если клинок останется в руках тех, кто владеет им сейчас.

— А я-то все гадала,— усмехнулась она,— зачем ты прячешь под одеждой нож, который нельзя быстро достать. И где же настоящий?

— В святилище храма Белой Волчицы.

— Тогда все просто,— ответила девушка, и мужчине показалось даже, что в ее голосе послышалось разочарование.— В зависимости от того, что ты знаешь о нем, мне потребуется от одного до четырех дней.

— К сожалению, ты не совсем правильно поняла меня,— возразил заказчик, и Соня, оторвав взгляд от искусно изготовленной подделки, удивленно взглянула на него.— То, что ты называешь храмом в Шадизаре, всего лишь один из Следов Волчицы.— Увидев немой вопрос во взгляде де-

вушки, он пояснил: — Так они сами называют центры своего культа, который расползается по всей Хайбории, как зараза.

Он посмотрел на девушку, но та молчала, ожидая его разъяснений.

— Наверное, тебе не к чему это знать, но я все-таки скажу, — продолжил аквилонец. — Клинок, с которого скопирован этот, — он кивнул на кинжал с изогнутым лезвием, — называется Клинком Тьмы. Но хранится он не здесь, в Шадизаре, а в храме Белой Волчицы, который расположен в долине Волчьего Логова, где-то в горах, отделяющих Британию от Гипербореи. — Он с тревогой посмотрел в лицо прекрасной воровки. — Что скажешь?

— Скажу, что ты верно сомневался насчет оплаты, но если к кошелью, что болтается у тебя на поясе, добавишь те два, что так заботливо упрятаны за поясом, то половину оплаты наскрошь. Что скажешь?

Соня с улыбкой посмотрела на вытягивающееся лицо аквилонца, и тот вдруг расхохотался, когда понял, что мелькнувшая у него мысль об обыскивающем взгляде девушки оказалась совершенно верной.

— Скажу, что для меня это очень плохо. Это сумма, которую мне разрешено потратить на оплату всей работы.

Он ожидал, что девушка вспылит, но она лишь пожала плечами:

— Клянусь Белом, ты прав. Но подумай, до Гипербореи, пусть даже до ее южных границ, путь не близок и пешком туда не дотопаешь.

— Я все понимаю, — прервал ее старец, но Соня как ни в чем не бывало продолжила:

— Да и времена нынче неспокойные. На Тракте разбойники пошаливают, а пробираться нехожеными тропами... — Она покачала головой. — Вряд ли ты найдешь кого-то за ту сумму, на которую рассчитывал. Ну разве что молодого болвана, готового с радостью сложить голову за любую плату, или мелкого воришку, который возьмет твои деньги и прокутит их в Аренджуне, Аграпуре или еще где-то.

— Говорить с тобой — одно удовольствие! — усмехнулся аквилонец.

— Я говорю правду. — Соня вновь отхлебнула вина и, блаженно жмурясь, добавила: — Теперь тебе решать.

— Да что ж тут решать-то? Я со всем согласен.

Он вытянул из-за пояса два увесистых кошеля, отвязал третий и передал их девушке.

— Тебе вернуться-то будет на что? — поинтересовалась она, взвешивая золото в руке.

— Обо мне не беспокойся. А кинжал оставь себе, — добавил он и достал из-за пояса мешочек из тонко выделанной кожи. — Вот чехольчик к нему. Если затянуть тесьму, то и вода внутрь не попадет. К сожалению, я не смогу помочь тебе даже советом. Знаю только, что святилище находится рядом с водой.

Она снисходительно кивнула, показывая, что это мало ее заботит, и, упаковав кинжал в чехол, спросила:

— Куда доставить кинжал?
 — Есть в Ианте храм Митры. Спросишь там отца Пайра. Это я.

* * *

В духане Саиба царило обычное для этого времени суток оживление. Большой квадратный зал с двумя примыкавшими к нему малыми, отделенными от него только плотными занавесями, наполнял нестройный гул голосов. Несмотря на отворенные настежь окна, здесь было душно, но привычные ко всему завсегдатаи не обращали на это ни малейшего внимания. Впрочем, такая выносливость гуляк не вызывала удивления, если вспомнить, что большинство из них, если не все, были шадизарцами, привычными к летней жаре и пыли и колючим зимним ветрам.

Только один человек из всего пестрого сборища чувствовал себя здесь отвратительно — невысокий, тщедушный, с благообразным, но неприятным лицом, на котором застыла гримаса презривного отвращения. Кузая козлиная бородка придавала ему вид глуповатый, особенно не вязавшийся с напускным высокомерием. И хотя в нем чувствовался природный ум, но постоянно бегавшие лисьи глазки сводили на нет это единственное достоинство.

Мужчина был молод, то есть выглядел не старше, чем лет на двадцать пять. Он, несомненно, не испытывал недостатка в средствах, хотя одевался довольно скромно. Одежда его состояла из светло-серого камзола и штанов, пошитых из превосходного бархата, и черных прекрасной выдел-

ки сапог. Маленькие пухлые руки были тщательно ухожены, но никаких украшений он не носил.

Он сидел во главе обильно уставленного едой и выпивкой стола, добросовестно потел и откровенно скучал, без стеснения разглядывая своих веселящихся собутыльников, стараясь припомнить все, что слышал о каждом из своих гостей, и представить, кто из пришедших на встречу на что годен.

По левую руку от него возвышался огромный турец с длинными усами, больше походивший на быка, чем на человека, горбоносое лицо которого казалось невыразительным, а взгляд пустым. Зато огромное впечатление производила чудовищная мускулатура громилы. Такие люди не слишком нравились Хантореку: обладая незаурядной силой, они редко пользовались мозгами, что часто приводило к самым неприятным последствиям. Правда, Влатах уверял, что этот парень (Ханторек наморщил лоб, припоминая имя туранца), Сурхан, кажется, один из самых удачливых грабителей Шадизара, но это мало о чём говорило. Когда такая громада выползает на тебя из темноты, поневоле отдашь все, что у тебя есть. К тому же турец много пил, много ел, почти не говорил, и все это тоже отнюдь не располагало к нему.

Дальше примостился самый маленький в компании человечек — щуплый немедиец. Звали коротышку Альво. Словно нарочно стремясь развеселить окружающих, он нарядился в такой же

полосатый ватный халат, как и Сурхан, отчего выглядел еще меньше. Его глаза постоянно бегали, но это никого не раздражало, наверное, потому, что Альво стремился увидеть, понять и запомнить, а не подглядеть, чтобы потом навредить. Впрочем, Ханторек об этом не думал. Он лишь с удовольствием отметил, что немедиц умен, и тут же вздохнул: жаль, щуплый, слабенький. То, что сам-то он почти не превосходил Альво ни ростом, ни статью, значения не имело... В отличие от своего огромного соседа немедиц мало ел, почти не пил, зато основной шум исходил именно от него.

Последним с этой стороны стола сидел крепыш аргосец. Его сильное гибкое тело скрывала короткая легкая куртка, ступни голых мускулистых ног защищали плетеные сандалии. Он шумно веселился вместе со всеми, не отказываясь ни от еды, ни от питья. Несмотря на то что взгляд его казался открытым и прямым, парень слыл одним из лучших в своем деле. Звали его Зарус.

На скамье напротив сидели два совершенно одинаковых человека. Когда Влтах упомянул о двух братьях, Ханторек не обратил на это внимания, зато когда встретился с ними, долго не мог отделаться от ощущения, что видит не двух людей, а одного, смотрящегося в зеркало. По словам смотрителя, братья занимались всем понемногу. Они могли ограбить прохожего, забраться как в дом, так и в карман, причем и то, и другое проделывали одинаково легко и столь успешно, что за пять лет, проведенных в Шадизаре, не попались ни разу.

Да и звали братьев подходяще — Там и Сям. Конечно, Ханторек понимал, что это не настоящие имена. Влтах поведал ему также, что родились и выросли они в Аквилонии, прошли хорошую воровскую школу в Кордаве, пару лет пиратствовали, но это занятие быстро им наскучило: слишком много воды, риска и крови и слишком мало денег. Ханторек еще раз окинул их взглядом и решил, что поторопился объявить маленького немедица душой общества. Там и Сям, пожалуй, не уступали Сурхану в способности поглощать еду и выпивку в огромных количествах и одновременно болтали не меньше Альво.

Последним, шестым, из числа откликнувшихся на зов оказался средних лет мрачный зингарец. Он молча сидел, уставившись в одну точку, и ни с кем не разговаривал. Никто не приставал к нему с расспросами и не задевал, все просто делали вид, что не замечают: наверное, хорошо знали крутой нрав молчуна.

Правда, сейчас Ханторек его вполне понимал. Он и сам начинал уже злиться. Все собирались, ждут лишь ее — никчемную девку. И, быть может, особенно разжигало его злость сознание того, что она беспочвенна: назначенное им время еще не истекло. И все-таки Ханторек злился, хотя бы потому, что вынужден был слушать пьяные разговоры и грубые шутки приглашенного на встречу сброва, который, за исключением зингарца, похоже, совсем не тяготило вынужденное безделье. Они пили, жрали и веселились, а его от одного только вида этих уродов с души воротило. Зин-

гарцу это сберище тоже, видать, пришлось не по душе, но он лишь раз спросил, чего они ждут, и, узнав, что не все еще собрались, умолк, не выказывая ни малейшего недовольства, и это тоже злило Ханторека!

* * *

Когда Соня покинула таверну Каюма, начало смеркаться. Впрочем, идти предстояло не далеко. Собственно, она и назначила эту встречу на самой окраине Пустыньки именно потому, что духан Саиба, где ее должен ждать второй заказчик, находился как раз напротив заведения Каюма. Надо было пройти всего полсотни шагов до моста и пересечь канал, чтобы оказаться в центральной части города.

Войдя в духан, девушка окинула пьяное сберище внимательным взглядом, всюду замечая давно знакомые рожи, пьяные и еще не успевшие захмелеть. Попадались, правда, и незнакомцы, но ни один из них не внушал опасений, а внутренний голос Соню еще никогда не подводил.

Осторожность, скорее, просто вошла у нее в привычку, потому что бояться ей было вообще-то нечего. Если уж Соня бралась за дело, то делала его чисто, следов не оставляла. Работала она в основном на заказ, а если и случалось совершать кражу для себя, то никогда не брала ничего, что могли бы опознать бывшие владельцы. Ее добычу в основном составляли деньги, а на них в Шадизаре любой мог купить все что ему заблагорассудится.

Соня поймала взгляд заплывших жиром глаз Саиба и, уловив его едва заметный кивок в сторону задернутой занавеси одного из малых залов, откуда доносились веселые выкрики, кивнула в ответ и направилась туда, аккуратно обходя стены. На несколько приветствий она ответила со спокойным достоинством, пару приглашений присоединиться к вечеринке отклонила, сославшись на назначеннную ей встречу, и остановилась перед шторой.

Несколько мгновений она прислушивалась к разговору и, когда узнала знакомые голоса, осторожно отодвинула полог. Движение это оказалось настолько незаметным, что никто из присутствующих не обратил на нее внимания. Собственно, ничего неожиданного она не увидела: бывшие пираты Там и Сям, Сурхан, которого за беззлобный нрав друзья прозвали Малышом, молчун Золо, проныра Альво да балагур аргосец. Всех она давно знала, кроме сидевшего во главе стола молодого мужчины в скромном, хотя и явно дорогом камзоле. Его не лишенное приятности лицо, пожалуй, даже можно было назвать красивым, но у Сони он почему-то с первого взгляда вызвал отвращение. Глаза незнакомца плутовато бегали, а взгляд, которым он время от времени одаривал собеседников, выдавал его коварный и мистерийный нрав. В манерах сквозило неприкрытое высокомерие.

Туранец оторвался от бокала, утер губы ладонью и зычно рыгнул, обдав сидевшего справа от него гордеца волной застарелого перегара. Незна-

комец брезгливо поморщился, отодвинулся и наконец увидел вошедшую.

Дальше прятаться не имело смысла.

— Привет! — бросила Соня и шагнула внутрь зальчика.

Все обернулись к ней, искренне радуясь старой знакомой и тому, что теперь можно перейти к делу. Даже невозмутимый Золо кивнул девушке и позволил себе улыбнуться.

— Мы уж тебя заждались! — радостно сообщил Зарус.

— Да я вроде бы и не опоздала,— ответила она и насмешливо посмотрела на незнакомца, который, как и многие до него, застыл с открытым ртом.

Соня и правда была невероятно хороша собой. Вьющиеся мелкими кольцами волосы цвета старой меди свободно разметались по плечам. Пышную прическу удерживал головной обруч черненого серебра с искусственной резьбой и тяжелой литой бляхой в середине, которой при случае ничего не стоило проломить противнику голову. Девушка была одета в кожаную набедренную повязку и жилет, открытый настолько, что он лишь едва прикрывал соски тугих грудей. На тонкой талии красовался широкий серебряный с золотой насечкой пояс, украшенный узорной пряжкой. К поясу крепилась кольчуга из пластин все того же черненого серебра, скрепленных между собой кованными кольцами. Она полностью повторяла форму жилета и как бы стекала вниз, защищая живот амазонки. На левом плече

прекрасной воительницы висел выполненный в том же стиле маленький щит, не больше локтя в поперечнике. Сильные руки и длинные стройные ноги защищали боевые браслеты и щитки.

Одним словом, в мгновение ока Ханторек оказался подавлен, разбит и пленен еще до начала сражения. Он не мог отвести от девушки зачарованного взгляда, а когда все-таки понял, что не плохо бы что-то и сказать, взглянул в ее серые, как грозовое небо, глаза и вновь потерял дар речи, но поклялся себе, что эта женщина будет принадлежать ему, Хантореку, чего бы это ему ни стоило.

Чтобы хоть как-то скрыть свое состояние, Ханторек жестом предложил ей сесть. Она ответила ему обворожительной улыбкой и невзначай заметила Сурхану:

— Клянусь грудями Иштар, приятель, твоими стараниями здешний повар получит сегодня прибавку!

— Почему это? — перестав жевать, простодушно прогудел турец и посмотрел на девушку красными от перепоя глазами, что только усилило его сходство с быком.

— Разве ты не знаешь, что Саиб следит, как часто посетители рыгают за столом? — нарочито удивилась она.— Так он выясняет, довольны ли гости стряпней его повара.

— Да что ты говоришь?! — обрадовался верзила и снова старательно рыгнул повару на радость.

Никак не ожидавший этого Ханторек закашлялся, едва не задохнувшись, проклиная в душе

и туранца, и повара с его великолепной стряпней, а на душе у Сони стало значительно легче. Там, а может, Сям радостно загоготал, по достоинству оценив славную шутку девушки. Альво промолчал, ехидно посмотрев на своего огромного приятеля.

— Я вижу, вы не теряли времени, дожидаясь меня,— заметила она, убедившись, что лишь фрукты остались нетронутыми.— Думаю, можно начинать. Или мы ждем еще кого-то?

Соня вопросительно посмотрела на Ханторека, но тот отрицательно качнул головой и наконец заговорил. Ему даже удалось взглянуть девушке в глаза и скрыть дрожь в голосе.

— Мне нужна вот эта вещь,— без предисловий сообщил он, поднял лежавший на столе свиток и развернул его, показывая собравшимся.

Соня посмотрела на рисунок и едва сдержалась, чтобы не выругаться: на листе пергамента был нарисован кинжал в ножнах, как две капли воды походивший на тот, что лежал в ее сумке. Свиток пошел по рукам. Приглашенные старательно разглядывали рисунок, в то время как Ханторек продолжал говорить:

— Много раз пытались мы достать его, но ни один из посланцев так и не вернулся. И вот теперь решили отправить за ним сразу нескольких человек, посчитав, что, быть может, совместными усилиями удастся сделать то, что не удавалось совершить в одиночку.

Свиток дошел до зингарца, и, бросив на него беглый взгляд, он поднял глаза на говорившего:

— В чьем доме находится эта вещица?

— Дело в том, что она не в доме,— теперь Ханторек говорил, тщательно подбирая слова,— а в одном из храмов в Гиперборее.

— Далеко,— заметил зингарец.

— Что поделаешь,— сокрушенно вздохнул Ханторек.

— Меня это не интересует,— равнодушно произнес Золо и поднялся, недвусмысленно показывая, что вовсе не шутит, а и в самом деле намерен уйти.

— Вознаграждение соответствует усилиям и риску,— растерянно пролепетал чужак.

— А я задешево вообще не работаю,— пожал плечами Золо и скрылся за занавесью.

Соня мысленно поздравила себя с удачным началом разговора: чем больше людей уйдет, тем говорчивей станет чужак, а значит, оставшимся легче будет вытрясти из него кругленьку сумму. Впрочем, главное заключалось не в этом. Коли речь шла об уже знакомой ей вещи, не мешало разузнать о ней побольше.

— А каково, кстати, вознаграждение? — поинтересовался аргосец, и Соня еще раз поздравила себя: Зарус никогда и медяка гнутоого не упускал, наизнанку выворачиваясь, лишь бы вытряхнуть из нанимателя все возможное.

Она взяла рисунок и еще раз, уже внимательнее, взгляделась в него. Сомнений быть не могло — это именно тот кинжал, о котором говорил отец Пайр! Как аквилонец назвал его? Клинок Тьмы, кажется?

— Я уже сказал, что вознаграждение весьма велико,— раздраженно ответил чужак, которому все больше не нравились эти люди.

Аргосец тем временем склонился к Соне, мельком взглянул на рисунок и присвистнул:

— Ого! Да здесь одних камней, если выколупать их из оправы, тысяч на шесть, а с оправой и вообще вдвое больше!

— Это ритуальный кинжал! — неожиданно зло выкрикнул Ханторек, и вдруг стал удивительно похож на хорька — гнусное существо с отвратительным характером и такими же повадками.

— Значит, его стоимость еще раз удваивается,— спокойно подвел итог аргосец.— Двадцать пять тысяч на...— Он обвел взглядом собравшихся.— На шестерых. Это по четыре с небольшим на нос. Пожалуй, за такое дело стоит взяться.

— Именно это я собирался предложить,— нервно облизнув губы, кивнул незнакомец.— Я рад, что ты согласился.

— Разве я сказал, что согласен? — удивился аргосец.

— Как тебя понимать?

— Очень просто. Я пока не уверен, что наш разговор серьезен.

Он поочередно обвел взглядом присутствующих, и каждый кивнул, подтверждая, что придерживается того же мнения. Только Сурхан вместо ответа еще раз смахнул, то ли соглашаясь со сказанным, то ли лишний раз восхищаясь стряпней повара.

Ханторек вздрогнул, чувствуя, как комок подкатывает к горлу, и спросил:

— Чего же ты хочешь?

— Все очень просто,— терпеливо объяснил аргосец.— Выплати задаток, назови место, где спрятана вещь, и утром я отправлюсь в путь.

— Сколько же ты хочешь? — поинтересовался Ханторек, и Соня увидела, как заиграли желваки на его скулах.

Как видно, незнакомец не привык так вот запросто расставаться с деньгами. Аквилонец, помнится, тоже не ликовал, вытягивая из-за пояса припрятанные кошельки, но и не злился. Соня никогда не обманывала заказчиков, но в этот миг ей впервые захотелось надуть незнакомца.

— Как принято,— объяснил Зарус.— Не менее четверти доли. Остальное после.

Ханторек позеленел не то от злости, не то от жадности.

— Задатка не будет,— процедил он сквозь зубы,— вся оплата после завершения работы!

— Почему-то я предполагал, что именно так ты и ответишь,— заявил аргосец, вставая.— Пристально оставаться.

Соня посмотрела на остальных. Там и Сям о чем-то неслышно переговаривались. Сурхан вообще ни на что не обращал внимания, словно пришел сюда лишь для того, чтобы пожрать и выпить на дармовщину. Впрочем, может, так оно и было? Альво за все время разговора не произнес ни слова, но девушка знала, что он всегда так себя ведет. Он много балагурил, пока беседа ничего не значила, но как только начинали говорить о деле, закрывал рот на замок и больше слушал.

— Итак,— Соня подняла бокал с вином, понюхала, поморщилась и отставила его в сторону,— нас осталось пятеро, а значит, доля каждого возрастла до пяти тысяч, если я правильно поняла.

Она вопросительно посмотрела на Ханторека, и тот хмуро кивнул, подумав, что зря собрал их всех вместе и что с каждым в отдельности наверняка договориться было бы проще.

— Однако,— продолжала девушка,— мне кажется, ты не совсем понял, во что предлагаешь нам ввязаться. Как ты думаешь, почему ушли эти двое?

— Потому что не получили незаработанных денег! — выпалил Ханторек.

— Но ты же платишь задаток сапожнику,— насмешливо прищурившись, возразила Соня.

— Сапожник никуда не денется с моими деньгами,— огрызнулся Ханторек.

— Если боишься обмана,— Соня ухмыльнулась,— общайся с честными людьми. Но запомни одно: без предварительной оплаты никто за такое дело не возьмется.— Девушка не сводила глаз с лица Ханторека. Она видела, как он пожирает ее глазами, попеременно то краснея, то бледнея. Решив позабавиться, она обольстительно улыбнулась. Глаза Ханторека налились кровью, а челюсть отвисла.— Так что ты подумай.

Он прикрыл глаза. Его душили злость и отчаяние. Он бы послал их всех куда подальше, если бы не Соня! В мыслях он уже видел ее своей, а теперь вдруг понял, что если не заплатит, то все его надежды рухнут. Причем, чтобы заполучить

ее, платить придется всем! И не меньше пяти тысяч! От этого впору сойти с ума! Но у него нет выбора. Или он соглашается, или они уходят.

— Я согласен,— выдавил он, словно соглашался с собственным смертным приговором.— Только денег у меня с собой нет. Получите их завтра, перед отъездом. Сейчас я могу заплатить только одному.

— Хорошо.— Немедиц встал.— Ей заплати,— он указал на Соню,— а мы вернемся сюда завтра в полдень.

Четверо мужчин поднялись и дружно пошли к выходу. Последним плелся Сурхан, с явным сожалением поглядывая на остатки жаркого. Соня усмехнулась.

— Ну давай! Еще разок,— попросила она, умоляюще глядя на огромного туранца.— Ради меня.

Сурхан кивнул, сосредоточился, и от его прощальной отрыжки стоявший рядом Ханторек едва не упал в обморок.

— Я рад, что они наконец убрались,— едва они остались вдвоем, доверительно сообщил он Соне.— С этим туранцем просто невозможно находиться рядом.

— Да,— миролюбиво согласилась Соня,— Сурхан любит покушать.

Ханторек кивнул и жадно припал к кубку, чтобы хоть как-то притупить душившую его тошноту.

— Не понимаю, как ты можешь пить эту дрянь? — поморщившись, спросила Соня.— На бойне в нем размачивают копыта.

Когда смысл слов дошел до него, Ханторек на мгновение замер с полным ртом, потом резко

выплюнул облако мелких брызг и закашлялся, пролив на себя все, что не успел проглотить.

— Я думала, ты знаешь,— спокойно продолжила девушка, с трудом подавив улыбку.— Когда копыта окончательно раскисают,— охотно пояснила она,— смесь ставят на огонь — выпаривать. Вонь, говорят, стоит ужасная, зато получается отличный клей.

Успокоившийся уже было Ханторек вновь закашлялся, не понимая, шутит она или говорит всерьез. Он и сам не слишком любил туранское красное, но пил его и находил довольно приятным, а многие так даже и любили. Но ведь девушка и впрямь не притронулась к вину, когда поняла, что они пьют.

— А сама-то ты что предпочитаешь? — поинтересовался он, когда кашель утих.

— Саиб! — крикнула она, не оборачиваясь, и духанщик мгновенно появился из-за занавеси.— Принеси нам чего-нибудь из моих запасов. Я угощаю.

Саиб исчез, но вскоре вернулся с подносом, на котором стояли высокий стройный кувшин вендинской чеканки и два хрустальных бокала. Наполнив их ароматным напитком, он, пятаясь, удалился.

Еще поднося бокал ко рту, Ханторек почуял терпкий аромат, узнал его и, не сдержавшись, шумно отхлебнул и блаженно зажмурился, став на мгновение похожим на мальчишку, который впервые втайне от взрослых попробовал запретное зелье. Соня чуть слышно прыснула. Он тут

же открыл глаза, но взгляд его невольно переместился с лица девушки на ее божественную грудь и, едва не застонав, он уставился в стену, заметив только:

— А неплохо живут воры в Шадизаре!
Соня сочла необходимым поправить его:

— Не все. Только лучшие.

— Да.— Ханторек задумчиво кивнул, соглашаясь, но по выражению его лица девушка поняла, что думает он о другом.— А ты не находишь, что занятие это слишком... опасное? — вдруг спросил он.

— Опасное? — переспросила девушка и тут же ответила: — Возможно... Как подойти к этому.

— А как подходишь ты к своему ремеслу? — поинтересовался он, вновь посмотрел на девушку и впервые не отвел взгляда.

— Как осел,— ответила она, а Ханторек, явно не ожидавший такого ответа, рассмеялся:

— То есть как это?

— Осел никогда не пойдет вперед, не убедившись, что есть куда отступать,— снисходительно объяснила она.— Ты разве не знал об этом?

— Признаться — нет,— ответил он и вновь не понял, шутит девушка или говорит серьезно.— И ты ни разу не попадалась?

— Поначалу неудачи случаются у каждого,— пожав плечами, уклончиво ответила она, явно не понимая, к чему он клонит.— Как и во всяком другом деле. Но почему ты спрашиваешь?

Соня пригубила вино, наслаждаясь восхитительным напитком. Ее собеседник залпом осушил бокал и вновь наполнил его:

— Ты согласилась бы бросить свое ремесло?
Соня удивленно вскинула брови.

— Я так понимаю, ты хочешь предложить мне нечто головокружительное? — спросила она насмешливо.

Однако собеседник ее уже выпил изрядное количество турецкого красного и наполовину опорожнил кувшин с божественным нектаром, который прекрасная воровка считала достойным себя, и больше не робел перед девушкой.

— Именно так, — кивнул он. — Я не обещаю тебе власти над миром, но за то, что ты окажешься близко к вершине пирамиды, поручиться смогу.

— И что же это такое? — поинтересовалась девушка, невольно посеребрнев.

— Я не могу тебе сказать сейчас.

Он покачал головой, и девушка рассмеялась:

— Понимаю, непросто с ходу придумать правдоподобную историю!

— Ничего ты не понимаешь! — Он опять покачал головой. — Я и завтра тебе ничего не скажу, и послезавтра...

— А когда?

— Когда принесешь кинжал, — заявил он вдруг почти трезвым голосом, и оба замолчали. — Я молод и занимаю высокое положение в некоей организации, — начал он, отводя взгляд. — Если ты принесешь кинжал, я смогу подняться еще выше.

— И при чем здесь власть над миром?

— А при том, что мир скоро изменится, — сказал он, окончательно прогрезвев, и девушка почувствовала, как, несмотря на духоту, отвратитель-

ный холодок пробежал по спине. — Он не всегда был таким, как сейчас, и оставаться прежним ему осталось не долго.

— Я найду себе место и в новом.

— Быть может, да. А если в нем не окажется места... даже предусмотрительным ослам? — грубо возразил он. — Однако если ты будешь рядом со мной, — он посмотрел ей в глаза, — обретешь величие, станешь по-настоящему свободной!

— Я уже обладаю большим, чем ты мне предлагаешь, — ответила девушка насмешливо.

— Ты, наверное, шутишь? — только и смог сказать Ханторек.

— Отчего же? — Ее тонкие брови выразительно взметнулись, в то время как в прекрасных серых глазах плясали веселые искорки. — Посуди сам: если мне нравится вещь, я просто беру ее, когда перестает нравиться — выбрасываю. Я живу где мне хочется и делаю что мне хочется. В средствах я тоже недостатка не испытываю. Я получаю самые выгодные предложения, и мне достаточно выполнить всего пару заказов, чтобы безбедно прожить целый год.

— Заказов может и не быть, — заметил он.

— Может, — согласилась девушка, — но у меня великолепная сеть наводчиков и осведомителей, а время от времени, чтобы не потерять навыка, я работаю на себя, и тогда вся добыча остается у меня.

— Ты можешь иметь больше.

— Больше иметь можно всегда, но зачем? — возразила она. — Посмотри, на мне надето совсем

немного,— тут она позволила себе улыбнуться,— но эти доспехи стоят больше, чем полная плата за твой кинжал!

Он поджал губы:

— На тебя могут донести!

— Могут,— опять согласилась она,— но у меня на откупе все нужные люди, от десятников городской стражи и выше.— Она усмехнулась.— Даже если из Аренджуна придет приказ арестовать меня, я узнаю о нем раньше тех, кому поручат его выполнить.

— То есть ты не хочешь?..— Он нервно сглотнул и не закончил фразы.

— Я хочу получить задаток,— усмехнулась Соня.— Это для начала.— Ханторек торопливо достал два увесистых кошеля и передал девушке.— А дальше видно будет,— продолжила она, пряча деньги в суму, где лежала копия клинка, который ей предстояло выкрасть, и деньги, полученные от отца Пайра.— Но не думаю, что твое предложение придется мне по душе.

— Но почему?!

— Ты, кажется, говорил о какой-то организации?— Он судорожно кивнул.— И забыл об одной мелочи — даже глава ее не свободен.— Она подождала, пока смысл сказанного дойдет до него, и продолжила: — Ты никогда не задумывался над тем, как устроена жизнь? Нет? А вот я задумывалась.

— Ну и?..

— Интересно получается. Чем беднее и бесправней человек, тем он свободней, хотя бы по-

тому, что ему нечего терять. И наоборот, чем он богаче и чем большей властью облечен, тем более несвободен он в своих поступках.

— Послушать тебя,— иронично усмехнулся Ханторек,— так самые несчастные — владыки хайборийских держав.

— Верно,— кивнула девушка.— Так оно и есть. И скажу тебе честно: я не согласилась бы стать королевой,— она смочила губы в вине,— хотя бы той же Заморы, где мы сейчас находимся. Понимаешь, это как маятник: те, кто пребывает на нижнем его конце,— самые свободные, но они в самом низу. Тот же, кто неподвижно замер в верхней точке, связан по рукам и ногам, хотя и богат, и знатен.

— А самые свободные, значит,— гнул свое Ханторек,— нищие, потому что им вообще нечего терять и они вольны идти куда заблагорассудится и делать все, что пожелают?

— Правильно,— согласилась Соня.— Хотя ты, наверное, скажешь, что такая свобода не слишком привлекательна?

— Конечно, скажу!

— Именно поэтому я и выбрала такую жизнь, которая соединяет в себе преимущества обоих концов маятника — и свободу, и богатство.

— И все-таки ты забыла кое о чем,— прошептал Ханторек, и его бегающие глазки загорелись торжеством.

— Что же это?

— Власть! — выкрикнул он.— Власть над людьми, над их жизнью и смертью... Более того, власть

над душами. О, да! — выдохнул он. — Что может быть упоительней власти? Когда одним движением руки решается жизнь человека, одним росчерком пера — судьба страны! Разве нет?!

Он торжествующе посмотрел на девушку, но мгновением раньше она с отвращением отвернулась.

— Да, власть, — задумчиво повторила она. — Власть пьянит сильней вина, и достоин ее не всякий. Но ведь и власть бывает разной.

— Что ты имеешь в виду?

— Что? — Она усмехнулась. — Ты можешь взять женщину силой, можешь добиться своего угрозами, можешь купить ее любовь за деньги, можешь одурманить сознание и воспользоваться ее беспомощностью, но можешь и пробудить в ней любовь. Что ты предпочтель?

— Мне все равно, — гордо заявил он. — Главное — добиться цели!

— Прости, но ты напоминаешь мне старого пьяницу, — Соня презрительно поморщилась, — готового пить и тонкое вино, — она посмотрела на своего собеседника через хрустальные грани бокала, — и пойло, в котором растворяются копыта — все без разбора, лишь бы одурманить свой разум!

Ханторек побагровел от ярости:

— Ты забыла еще кое о чем — тебя могут схватить на месте!

— Всюду есть свои подводные камни, но, выражаясь языком моряков, опытный шкипер знает их наперечет и не посадит корабль на мель.

Впрочем, ты вовремя вспомнил о деле. Где искать твой кинжал?

— Я знаю только, — вздохнул Ханторек и отвел глаза, — что он находится в святилище храма Белой Волчицы.

* * *

Соня стояла у дверей духана и задумчиво смотрела вслед удалявшемуся к центру города паланкину. Заправленные свежим маслом лампы на стенах домов освещали опустевшую улицу. Близилась полночь, и лишь редкие прохожие, испуганно поглядывая в сторону раскинувшейся на противоположном берегу канала Пустыньки, где ночная жизнь лишь набирала силу, спешили по домам.

Когда паланкин скрылся в переулке, девушка взглянула на узкий серп молодого месяца, который только начал свой длинный путь, и вернулась в духан.

— Моя комната свободна? — спросила она у Саиба.

— Конечно, Соня! — Круглое лицо духанщицы расплылось в сладчайшей улыбке. И без того узкие глазки толстяка превратились в две тоненькие щелочки. — Ту комнатку, что тебе приглянулась, я никому не сдаю. — Он улыбнулся еще шире, хотя, казалось, это уже невозможно. — Все надеюсь, что когда-нибудь ты почтишь ее своим божественным присутствием!

Девушка не смогла удержаться и улыбнулась в ответ. Пару лет назад она помогла Саибу перебраться из Пустыньки сюда, где посетители бога-

че, а значит, и прибыль выше. Она использовала для этого свои связи и деньги, став таким образом совладелицей заведения. Поначалу Саиба попытались выжить: кому-то из местных воротил не понравилось, что доходное место досталось не своему, а выходцу с окраины.

Соня и тут помогла духанщику. Она выяснила, что Ваир-Хан, владелец дюжины самых прибыльных заведений Шадизара, сам имел виды на выгодно расположенный духан, а упустив его, не оставил надежды прибрать к рукам. Остальное оказалось просто. Теперь уже у Ваир-Хана начались неприятности. Один за другим четыре его каравана не добрались до Шадизара, а самая большая таверна, расположенная в центре города, сгорела. Вскоре выяснилось, что кто-то откупорил его тщательно спрятанную кубышку и выпотрошил ее до дна. Злосчастный скряга принялся ездить по Шадизару, выжимая слезы и деньги из друзей, число которых вдруг резко сократилось. В отличие от не слишком умного Ваир-Хана все понимали причину его бед. Наконец нашелся доброжелатель, который посоветовал ему оставить Саиба в покое, объяснив, что выходец из Пустыньки — не та рыбка, которую можно слопать и не подавиться.

У бедолаги хватило ума последовать совету, и его неприятности тут же закончились. Соня же заработала на этом изрядную сумму, еще больше упрочила свой авторитет и обрела пожизненную признательность Саиба. Именно поэтому она могла ему доверять.

— Хорошо,— кивнула девушка,— тогда вели отнести туда вина и фруктов. Мне надо хорошо отдохнуть и кое о чём подумать.

— Что-нибудь еще?

— Да. Завтра в полдень у меня встреча здесь же. Разбуди меня так, чтобы я успела не торопиться позавтракать.

— Ты встречаешься с теми же людьми, что приходили сегодня?

— Да, но почему ты спрашиваешь?

— О-о-о! Не подумай, что я любопытен! — воскликнул Саиб, выставив перед собой пухлые ручки. — Я ничего не хочу сказать о твоих друзьях, которые мне хорошо знакомы, но вот чужак в залитом вином камзоле...

— Что чужак? — Соня насторожилась. — Если знаешь о нем что-то... — Она понизила голос, но неожиданно оборвала сама себя: — Впрочем, мне нет до него дела. Покажи мою комнату.

Саиб понимающе кивнул, позвал жену, стройную черноволосую гирканку лет на десять моложе его и, пялясь и кланяясь, повел гостью на верх.

Как только дверь за ними закрылась и Саиб зажег фитили в лампах, Соня спросила:

— Ты что-то узнал о Хантореке?

— Да,— ответил гирканец. — А впрочем,— тут же поправил он себя,— я ведь не знаю, кого ты называешь этим именем.

— Я говорю о заморыше в сером камзоле.

— Значит, мы говорим об одном человеке,— кивнул Саиб, перед тем как продолжить. — Так

вот, утром он пожаловал ко мне и сказал, что на вечер у него назначена встреча в моем духане. Сказал, что кроме него придет еще семь человек, что предстоит серьезный разговор не для чужих ушей и пожелал, чтобы я подготовил один из маленьких зальчиков. Потом расплатился и ушел.

Соня открыла было рот, чтобы спросить о чем-то, но в это мгновение раздался стук в дверь и она осеклась. Саиб впустил в комнату девчушку, как две капли воды похожую на жену почтенного хозяина. Она весело впорхнула, неся поднос, на котором стояла ваза с фруктами, кувшин охлажденного вина и высокий бокал розового хрустала. Девочка оставила поднос на столе, мельком глянула на гостью и принялась застилать постель.

— Жаркая нынче весна.— Соня подошла к открытому окну, выходившему на канал.

— Да,— согласился духанщик,— страшно подумать о том, что всех нас ждет в городе летом. Ты уже закончила, Гюли? — Он обернулся к дочке.— Скажи маме, что я сейчас спущусь.

Та еще раз стрельнула на гостью глазками и скрылась за дверью. Едва шаги ее стихли, Соня затворила окно и обернулась. Она не думала, что кто-то станет их подслушивать, но не хотела рисковать, прекрасно зная, как далеко разносятся звуки в ночной тишине, особенно по воде.

— Какими деньгами он расплатился? — спросила она.

— В том-то и дело, что среди полновесных турецких золотых, которые в основном у нас в ходу, отыскался один гипербoreйский, а ты сама

знаешь, насколько редко они встречаются. Конечно, это могло оказаться чистой случайностью, но я послал за ним Юрга, подумав, что хуже не будет, если я узнаю, где остановился этот парень.

— Ну?

Соня чувствовала, что Саибу есть что сказать и неспроста он затянул этот разговор.

— Это оказалось совсем несложно — следить за паланкином.— Лицо духанщика расплылось в довольной улыбке.

— Не томи, Саиб,— чуть ли не простонала Соня.

— Его приютил храм Белой Волчицы!

* * *

Паланкин мерно покачивался, а устроившийся на мягких подушках Ханторек погрузился в раздумья. В голове его царила полная неразбериха. Шадизар был последним городом на его пути. Завтра он отправится на север, в Гиперборею. Посланник понимал, что миссия его в Шадизаре закончилась провалом: вместо двенадцати воров он сумел договориться только с пятью. В другое время это огорчило бы его до крайней степени, но сейчас он даже не задумывался о постигшей его неудаче.

Облик полуобнаженной амазонки стоял у него перед глазами. Он даже не сожалел о потерянных деньгах, что было просто невероятно! Воспоминания о Халиме, оставшейся в Гиперборее, больше не тревожили память посланника. Его теперь волновала совсем другая женщина.

Он, конечно, добился того, что Соня согласилась на поездку, но не мог не понимать, что совсем не понравился девушке. Это было очень неприятно, но он гнал от себя мысли об этом. Только бы она добралась до храма, а уж там он постараётся убедить девушку, что отказываться от его предложения, по меньшей мере, глупо.

Ханторек улыбнулся. Да, конечно, так оно и будет. Он представил, как жарко станут ласкать его руки красотки, как он будет покрывать поцелуями ее прекрасное лицо, тугие груди, и ему захотелось, чтобы это случилось прямо сейчас... Проклятие! Воистину тут есть от чего сойти с ума!

«А если она не согласится?» — вдруг подумал он и тут же рассмеялся. Что за чушь приходит в голову! Как будто она и впрямь завладеет клинком, получит награду и откажется от его предложения! «Впрочем, нет», — одернул он себя. Не все так просто. Кинжала ей, конечно, не найти, но ведь она может почуять опасность и сбежать! Не зря Влтах рассказывал о ней такое... Он слушал тогда и посмеивался, но теперь, когда познакомился с девушкой, понял, что все услышанное запросто может оказаться правдой. Она не только прекрасно сложена, но, без сомнения, сильна и ловка. И Ханторек не сомневался, что кривой туранский меч висел у пояса воительницы отнюдь не для красоты. Но главное — в ней чувствовалась сила. Незаурядность. Редкие качества, особенно для женщины.

Да, что ни говори, а такая вполне может и ускользнуть. С этим нужно что-то сделать. С од-

ной стороны, все вроде бы предельно просто. Она должна добраться до храма, ее нужно поймать, а уж пойманная с поличным воровка вряд ли станет капризничать.

Итак, добраться... Тут, пожалуй, затруднений возникнуть не должно. Эти пятеро хорошо знают свое дело. Большие банды, нападающие на караваны, не трогают одиночных путников, а с обычными грабителями они легко справляются. Но вот сумеют ли ее схватить на месте? Это действительно вопрос непростой. Обычно в таких случаях Ханторек полностью полагался на Кучулуга, но сейчас почему-то прежней уверенности не испытывал. Если рассказы Влтаха правдивы хотя бы наполовину...

Здесь нужен человек умный, а не просто сильный и жесткий. Хорошо бы сделать так, чтобы Север оказался на месте... Ханторек недовольно поморщился. Правда, он не враждовал с этим сильным и умным воином, но не любил его. Впрочем, все это не важно. Дело они делают одно, и если он, Ханторек, сообщит матери-настоятельнице о своем желании, значит, Север сделает все, что ему прикажут!

Посланник заметно повеселел. Мысли его вновь вернулись к рыжеволосой красавице. Он задумался о том, что, когда они окажутся вместе (в этом он уже ничуть не сомневался), вдвоем они горы свернут! Девушка знает себе цену и помимо прочих достоинств еще и умна. Он вспомнил ее рассуждения насчет устройства мира. Странная, доморощенная, но тем не менее не лишенная здравого

смысла теория. Но самое главное, что Ханторек понял из рассуждений девушки,— она явно честолюбива. Ей, видите ли, тесно в рамках существующего общества, и она решила поставить себя выше него! Одно это стоило много. По крайней мере, его письмо матери Разаре с просьбой о помощи будет оправданно. Он не сомневался, что, познакомившись с девушкой, наставительница поймет его.

* * *

Саиб не мог знать, о чем они говорили, и поэтому Соня удивленно посмотрела на толстяка: чего это он так всполошился из-за гипербрайских монет?

— Я знаю смотрителя храма Белой Волчицы в Шадизаре,— сообщил духанищик.— Не лично, конечно. По разговорам. Так вот, в разное время он нанимал людей. Никто, правда, не знает, зачем, но только все они пропали.

— Как это пропали?

— А вот так. Уехали из Шадизара и не вернулись,— прошептал он, вытаращив глаза.— А люди были из лучших! Темная история, одним словом.

— Что верно, то верно,— задумчиво кивнула Соня.— Впрочем, я и сама знала, что дело тут нечисто, но все равно — спасибо.

— Ну о чём ты говоришь! — воскликнул Саиб и вновь широко улыбнулся.

Оставшись в одиночестве, Соня задумалась. Впервые услышав от Ханторека о кинжале, она

поняла: что что-то здесь не так, но что? Чем больше она размышляла над этим, тем меньше нравилась ей вся затея, однако даже мысли о том, чтобы отказаться от дела, у девушки не возникло.

Сознание грозящей ей опасности не отпугивало ее, а наоборот, привлекало, заставляя действовать. Собственно, и ремеслом своим она давно уже занималась не ради денег, а чтобы вновь и вновь испытывать острые ощущения, зачастую отклоняя даже выгодные заказы только из-за того, что они оказывались слишком простыми для нее. В новом деле Соню смущало лишь одно: она не понимала его сути.

Девушка порылась в сумке, достала чехол, распустила завязку и вытряхнула кинжал на стол, затем налила себе вина и вынула серповидный клинок из ножен. Клинок Тьмы... Ритуальный кинжал. Она сжала рукоять в ладони и сделала несколько отработанных движений. Удар получался скользящим, как у любого восточного оружия, как у ее меча, когда кривизну клинка тщательно выверяют по длине руки будущего владельца. Если все рассчитано верно, то клинок не перерубает, а как бы врезается в плоть, и силы требуется значительно меньше, чем при ударе, скажем, аквилонским прямым мечом: Клинок Тьмы в этом смысле казался созданным специально для нее.

Соня вновь усилась в кресло и, взяв бокал, вдруг почувствовала жажду: в комнате стало душно. Она отворила окно и, глядя на темную воду канала, выпила вино. И что все это дает? Ощу-

щение того, что она ввязалась в серьезную историю? Но это ясно и так.

Соня откинулась в кресле и попыталась сосредоточиться. Отец Пайр... Какая у него цель? Несомненно, та, о которой он сказал. Получить кинжал. Зачем? Это другой вопрос. Но Соня отчего-то верила, что он не солгал, когда говорил о своем желании пресечь исходящее от кинжала зло. Она знала, что митрианство постепенно утрачивает свои позиции, но понимала и то, что среди его приверженцев есть люди, которые не будут мириться с этим. Похоже, старый аквилонец именно из таких. С его стороны она не боялась обмана, ибо хорошо разбиралась в людях и чувствовала фальшь. Отец Пайр был искренен, чего нельзя сказать о Хантореке. Этот явно что-то недоговаривал, вот только что?

Она долго размышляла, тщательно взвешивая все «за» и «против», и в конце концов твердо решила: когда в ее руках окажется не эта подделка, а настоящий клинок, она отправится с ним в Ианту. Ханторека с его бегающими глазками видеть ей больше не хотелось.

* * *

На маленьком круглом столике у окна стояла ажурная золотая клетка трех локтей в высоту. В клетке сидела... ворона. Она могла бы показаться чучелом, если бы изредка не помаргивала и не поворачивала голову, словно прислушиваясь к чему-то, но кроме нее в комнате находился только человек, и он молчал.

Человек нетерпеливо ходил из угла в угол, будто чего-то ждал и мучился от вынужденного безделья. Солнце врывалось в распахнутое настежь окно, и ярко освещенный прямоугольник на полу медленно полз вдоль стены. Наконец человек остановился, потом шагнул к клетке, и ворона повернула к нему голову.

— Ты помнишь, о чём мы с тобой говорили? — спросил он так, словно разговаривал не с безмозглой птицей, а с человеком.

Однако ворона, взглянув на него, каркнула, явно отвечая на вопрос.

— На всякий случай повторю: ты должна приследить за людьми, с которыми я сейчас встречусь, и, если они попытаются скрыться, найти это место, а если нет, то предупредить мать Разару, когда они окажутся в дне пути от храма. Ты все поняла?

Ворона вновь отозвалась, подтверждая, что все поняла и готова действовать.

— Хорошо. — Ханторек открыл дверцу клетки. — Лети!

* * *

Когда утром Соня спустилась в общий зал, там уже сидели четверо ее будущих спутников.

— Как дела, мальчики? — весело прощебетала она, подойдя к столу.

Братья вместо ответа заулыбались, а Альво насмешливо спросил:

— Как спала богоподобная Соня?

— Спасибо, прекрасно, — ответила девушка, присаживаясь за стол.

Там и Сям тоже улыбнулись, а Сурхан оторвался от жаркого и смачно рыгнул.

— Фу! — Соня сморщилась и помахала рукой перед лицом. — Пахнешь ты и в самом деле отвратительно!

— Зато чувствую себя прекрасно, — усмехнувшись, ответил туранец, и если бы Ханторек услышал его, он понял бы, что ошибался: великан не только не глуп, но и не лишен своеобразного чувства юмора.

* * *

Как раз в это время к духану подъехал Ханторек в сопровождении двух конных воинов. Остановившись у дверей и выпрыгнув из седла, посланник оглянулся, увидел на крыше противоположного дома ворону и шагнул в заведение.

Войдя, он сразу увидел вчерашнюю компанию, расположившуюся за угловым столиком слева от входа, а при взгляде на девушку его жестокое, не знавшее сострадания сердце забилось сильнее: сейчас, при свете дня, она показалась ему еще прекраснее.

Посмотрев на ненасытного туранца, который с аппетитом поглощал жаркое, Ханторек почувствовал голод, вспомнил, что даже не позавтракал, и поморщился. Он мог, конечно, перекусить и здесь, но не хотел. Подойдя к столу, он высокомерно кивнул:

— Я принес обещанный задаток.

Ханторек небрежно взмахнул рукой, и стоявший за его спиной слуга выложил на стол увеси-

стые мешочки. Альво взял один и подбросил его на ладони, оценивая вес, а Сурхан попросту распустил тесьму и высыпал на стол кучку желтых кругляшней, среди которых оказались монеты разных стран. Братья, не проверяя, заткнули мешочки за пояс.

— Если вы готовы, не будем терять времени. Никто не возражал, все вышли из духана и вскочили на коней.

— Я, пожалуй, провожу вас до ворот.

— Все еще не доверяешь? — насмешливо спросила Соня.

— Вовсе нет. Просто хочу дать последние наставления и лично убедиться, что вы благополучно отправились в путь.

Он развернул коня и направил его прочь от Пустыньки. Сидевшая на крыше дома ворона лениво взмахнула крыльями и снялась со своего места, но, кроме Ханторека, ее никто не заметил.

— Нам придется пересечь центральную часть города, — пояснил посланник. — Покинув Шадизар, вы направитесь по Тракту.

— На северо-востоке есть удобный перевал через горы, — заметил Альво. — Это более короткий путь к Гиперборее.

— Нет, — возразил Ханторек. — Если пересекать Британию, нужно будет переправляться через Желтую реку, а это непросто. Ее берега заболочены, а вода соленая. Пить ее нельзя.

— Неужели в горах Граскаала нет перевалов? — недоверчиво прогудел огромный туранец, чем несказанно удивил Ханторека: оказывается, эта

туша вовсе не так глупа и знает гораздо больше, чем он думал!

— Вам нечего там делать,— объяснил он.— И вообще, давайте договоримся: я рассказываю, как быстрей и безопасней добраться до места, а уж потом вы задаете вопросы.— Поскольку возражать никто не стал, он продолжил: — Так вот, по Тракту вы попадете в Коринфию и сразу свернете на север. Здесь у вас не возникнет трудностей, а вот в Немедии, которую вам придется пересечь вдоль восточной границы, они могут появиться. Не советую ехать на запад, в Нумалию. Стражи порядка там свирепствуют.

— А что нам делать в Нумалии? — поинтересовался один из братьев.

— Я просто предостерегаю.— Ханторек пожал плечами.— Никто ведь не знает, как сложатся у вас дела. И еще меньше советовал бы вам останавливаться в Ханумаре, хотя именно он лежит как раз у вас на пути.

— Чем же он так страшно отличается от Нумалии? — насмешливо поинтересовалась Соня.

— Там владычествует проклятая Ибис,— зло бросил Ханторек,— и нет ни одного Следа Волчицы! — Сурхан хотел было что-то спросить, но Альво как бы невзначай толкнул его, и турانец промолчал.— В Пограничном Королевстве тоже лучше держаться настороже, но если в Немедии вы запасетесь едой, то за два, от силы за три дня доскачете до Иглофийских гор. Врата Черепа вы заметите издалека и не спутаете ни с чем. Впрочем, местные шайки предпочитают не прибли-

жаться к ним. Проход через перевал занимает полдня, но вы отыщете там малозаметную тропу на восток и пойдете по ней, тогда через день пути доберетесь до храма Белой Волчицы, а там уж...— Он посмотрел на воров и выразительно развел руками, показывая, что дальнейшее все-цело зависит только от них.

Небольшой отряд подъехал к базарной площади. И хотя лавки ремесленников теснились сплошными рядами, а продавцы вина, фруктов, сладостей и прочей снеди надрывно расхваливали свой товар, вызывая у Ханторека перемежающиеся приступы то голода, то жажды, до сих пор он крепился, поскольку вынужден был говорить. Зато теперь, умолкнув, он шепнул что-то слуге, тот подозвал мальчишку с огромным подносом, заваленным горячими пирогами, вскоре протянул хозяину аппетитно пахнувший сверток. Соня с интересом наблюдала, как Ханторек осторожно надкусил один из них, разжевал и, одобрительно кивнув, затолкал целиком в рот.

— Как пироги? — поинтересовалась девушка.

— Вкусно,— с набитым ртом ответил он, блаженно щурясь.

— Ты бы не слишком налегал на них.

Ханторек доел второй пирог и принялся за третий:

— А что такое?

— Ну,— она помялась,— всякое бывает... С чем хоть пироги?

— С мясом,— ответил он и взял из пакета следующий.

— Господин! — подскочил к ним торгаш, весь обвешанный всевозможными талисманами и амулетами.— Вы едете на рыночную площадь, а там ворья полно — купите амулет от воровства!

— Да я и без него что хошь украду! — хмыкнул Альво, и Там оглушительно захохотал, довольный шуткой приятеля.

— Тогда, быть может, ты, господин? — Продавец обернулся к Хантореку и, словно не замечая его недовольной гримасы, подскочил вплотную, навалился на ногу и протянул свой нехитрый товар к самому лицу всадника, видимо, желая, чтобы тот рассмотрел его получше.— Он защитит от любого вора.

— От меня ничто не защитит! — прогудел Сурхан, и торговец тотчас стушевался и исчез.

Они выехали на площадь, и взгляд посланника засиял восторгом.

— О, Волчица! — прошептал Ханторек и даже перестал жевать.

Он смотрел на конную статую Тиридата Заморийского, который после Великой катастрофы отправил отряд воинов на поиски сокровищ легендарной Ларши. Беломраморная статуя действительно была великолепна, но на спутников Ханторека большого впечатления не произвела: даже прекрасное становится привычным, как только исчезает его новизна, но Соня помнила, что и она когда-то любовалась пережившим века творением.

— Какая красота! — продолжал восхищаться Ханторек.— Как ты считаешь? — спросил он, обернувшись к девушке.

— Да, она прекрасна,— согласилась Соня с легкой усмешкой.— Я вообще люблю лошадей.

Сям громко захохотал. Ханторек возмущенно фыркнул и впился зубами в следующий пирог. Проклятая девка! Она просто издевается над ним! В ушах у него звенел идиотский смех братьев, и ему казалось, что все прохожие тычут пальцами ему в спину, словно он ярмарочный плясун! От злости он даже почувствовал легкую дурноту, но в приступе ярости не обратил на это внимания.

Вскоре они подъехали к городским воротам.

— Что ж, дальше я вас провожать не стану.

Ханторек шумно выдохнул и подумал, что прежде жара не донимала его так сильно.

— Зря ты все-таки не послушался.

— Что ты имеешь в виду? — рассеянно спросил он.

— Говорила тебе, не ешь эти пироги! Один Бел знает, что кладут в них ворюги-торгаши!

— Да они были со свежей барабаниной!

— Ага,— кивнула девушка.— Еще вчера эти бараны с веселым лаем бегали по Шадизару от одной помойки к другой.— Она посмотрела на побледневшее лицо посланника и добавила: — И хорошо еще, если вчера!

Там задохнулся от смеха, а Ханторек, чувствуя, как комок подступает к горлу, пролепетал:

— Ты хочешь сказать...

— Я хочу сказать, что, судя по цвету твоего лица, остаток дня тебе предстоит провести в отхожем месте...

Ханторек нервно облизал губы и пошарил рукой у пояса. Что такое? Догадка еще не успела оформиться в мысль, когда он опустил глаза и увидел, что пальцы его сжимают обрезки ремешков, на которых должен был висеть кошелек.

Сурхан хмыкнул. Сям проследил за его взглядом и захочтал с новой силой, в восторге шлепая себя ладонями по ляжкам.

— Деньги пропали,— с глупейшим видом сообщил посланник.

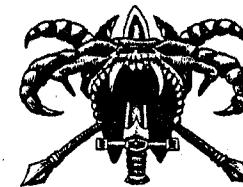
— Это Филог,— равнодушно пояснила Соня.— Тем, у кого есть деньги, он предлагает амулеты, защищающие от воровства. Если бы ты не пожадничал и купил один, он защитил бы тебя, по крайней мере, от самого Филога, но ты отказался.

— Так вы знали обо всем и ничего мне не сказали?! — в ярости вскричал Ханторек, и живот его возмущенно заурчал, словно соглашаясь.

— Чем злиться понапрасну,— ухмыльнулся Сям,— лучше бы поворачивал к дому. А то не довезешь!

Ханторек открыл было рот, чтобы возразить, но в животе у него громко булькнуло, он судорожно вжался в седло, затем изо всех сил хлестнул коня, мечтая только быстрее убраться от сюда.

Глава вторая

Пятеро молодых людей выехали из ворот города и, не сговариваясь, остановились, словно прощались с домом, не зная, вернутся ли. Правда, скорее всего, они не думали об этом. Близнецы вообще никогда не сомневались в собственных силах, Соня всецело полагалась на свое мастерство, Альво верил, что заранее почувствует опасность и успеет избежать ее, а что касается Сурхана, то туранец твердо знал: если не вывернется, то уж отобьется наверняка. И все-таки они бросили прощальный взгляд на город...

— Вперед! — крикнула Соня, первой прия в себя, и ее спутники словно проснулись.

Кляня себя за невольную и непонятную слабость, подбадривая друг друга криками, нахлестывая коней, они понеслись по степи.

Невдалеке, скрытая доселе между травами, мелькнула широкая полоса дороги. Еще через несколько мгновений копыта коней застучали по камню Тракта. Соня натянула поводья, и всад-

ники остановились, втайне сожалея о том, что безумная скачка закончилась.

— Где ты научилась так управляться с конем? — спросил турец.

— Ты разве не знаешь, — весело спросила девушка, — что отец мой — гирканец? Я выросла в седле! — гордо заявила она.

Сурхан широко улыбнулся, а Соня ударила пятками своего вороного, но тут же осадила его и, резко обернувшись, внимательно посмотрела по сторонам, однако в бескрайней степи никого, кроме них, не было. Тогда она взглянула на небо, но и там не нашла ничего необычного. Только черная точка неподвижно повисла в вышине — какая-то птица.

— Ты что? — поинтересовался Альво.

Девушка недовольно нахмурилась, но мгновенно взяла себя в руки и улыбнулась:

— Если доберемся к вечеру до предгорий, еще успеем поохотиться.

* * *

Сухие сучья жарко пылали, взметая в черное ночное небо яркие снопы искр, которые стремительно поднимались ввысь и столь же быстро гасли.

Ночная прохлада опустилась на землю, которая теперь, ночью, щедро отдавала накопленное за день тепло. Пятеро путников расположились вокруг огня, ожидая, когда приготовится висевшая над костром оленья туша. Странженые кони паслись неподалеку. Где-то рядом бежал

ручей, но его не было видно, только тихое журчание доносилось из темноты.

— А я так даже рада уехать на лето из Шадизара, — сказала девушка. — Такая жара... Дальше будет еще хуже!

— Какая же ты гирканка? — весело глядя на нее, пробасил Сурхан. — А по мне так все равно — было бы вина вдосталь... Да еды, — добавил он, подумав.

— Так это по отцу я гирканка, — усмехнулась Соня, — а мать моя родом из Банахейма.

— А-а-а! — протянул Альво. — Так вот откуда...

Он взглянул на ее роскошные рыжие кудри, и, хотя не закончил фразы, всем и так стало ясно, что он имеет в виду.

— Конечно, — кивнула девушка. — Во мне смешалась кровь жителя опаленных зноем степей и уроженки северных заснеженных стран, но ни одна из этих крайностей мне не по нраву.

— Теперь понятно, почему ты так легко согласилась на предложение хитреца Ханторека, — заметил один из братьев.

— Да уж не из-за денег, — сказала она.

— На приключения потянуло... — хмыкнул Сурхан и покачал головой.

Похоже, он потерял терпение, потому что встал и, потыкав огромным, как меч, кинжалом в исходившую умопомрачительным ароматом тушу, удовлетворенно кивнул и отхватил огромный кусок.

— По-моему, еще не пропеклось, — попыталась остановить его Соня.

— А на мой вкус, в самый раз,— отозвался гигант, вонзая зубы в сочную мякоть.

— Твое дело,— пожала плечами девушка,— но не забудь, что нам нельзя надолго останавливаться.

— Да разве я похож на Ханторека? — прожевав, спросил турانец и насмешливо посмотрел на девушку.

Оба брата оглушительно загоготали. Альво покачал головой, словно припоминая утреннее приключение, и, не выдержав, расхохотался. Соня обвела взглядом спутников и тоже засмеялась.

— Да уж, послал Бел заказчика,— не унимался Альво.— Полный болван!

— На твоем месте я бы не слишком над ним потешалась,— возразила девушка.— Не нравится мне это дело.

— Так чего же ты поехала? — удивился немедиц.

— Потому и поехала, что дело непростое, а такие всегда были мне по душе.

Какое-то время все молча ели. Сурхан запивал жаркое тем самым красным вином, которое так презирала Соня, предпочитавшая этому пойду чистую родниковую воду.

— Послушай,— заговорил наконец Там, обращаясь к Альво,— этот... Ханторек... То, что он говорил о Немедии, это верно? Прижали нашего брата?

— Еще как! — Альво кивнул.— Чего ради, ты думаешь, я перебрался в Шадизар? В Бельверусе шагу ступить не дают.

— Значит, он не лукавил,— задумчиво проговорил туранец.— Нам и в самом деле лучше держаться подальше от городов...

* * *

Солнце медленно поднималось над заснеженными вершинами Кезанкийских гор. Свежий утренний ветер ласково обдувал лицо девушки, в лазурном небе не было ни облаков, ни птиц. Бескрайняя степь пестрела сочным разнотравьем. Однако рыжеволосая красавица не любовала цветами. Прикрыв от солнца глаза ладонью, она смотрела на юг, где вдалеке, рядом с башнями покинутого накануне Шадизара, виднелась тонкая цепочка навьюченных животных.

Ступая на удивление легко и бесшумно, туранец подошел сзади и остановился рядом.

— Это караван,— убежденно подтвердил он очевидное и, подумав, добавил: — Большой караван. К полудню добредут сюда, а значит, пора сматываться, но пожрать успеем.

— Быть может, лучше присоединиться к ним? — не слишком уверенно возразила Соня.

— А зачем? — искренне удивился Малыш.— Чтобы к вечеру подохнуть?

— Так их поджидают?

— Конечно,— невозмутимо сообщил он.— Если бы не наше дело, я и сам мог бы сидеть сейчас в этой засаде.

— Тогда лучше уйти немедленно.

— Что-о?! — прогудел великан.— Без еды?!

— Ничего,— встал на сторону девушки Альво.— Перекусим на ходу. Если у Кривого Тугуна все сорвется, этот ублюдок начнет искать виноватых, и Бел нащетывает мне, что нам совсем ни к чему попадаться ему на глаза.

— Всю дорогу на ногах,— ворчал Сурхан, седая жеребца.— Что за жизнь! — продолжал он жаловаться уже вскакивая в седло.

— На, не хнычь!

Приятель сунул ему хороший кусок окорока, и обжора уgomонился.

Горы мгновенно поглотили небольшой отряд, но если в далеком караване его так и не заметили, то притаившаяся на каменном склоне ворона подождала, пока они не исчезнут за поворотом, и только после этого, взмахнув черными крыльями, спланировала к еще дымившемуся кострищу. Она примостилась на костях недоеденной туши и принялась отрывать от ребер аппетитные куски, досадя на скверную привычку людей портить хорошее мясо, непонятно зачем прожигая его над огнем — дивный аромат крови пропадал, уступая место противному запаху дыма, прогоревшего дерева и паленого жира. Однако, проведя предыдущий день в полете, а ночь в холодных скалах, она с готовностью проглотила и эту дрянь. Насытившись, птица полетела к ручью, чтобы свежей водой запить плохонькую еду. И только после этого она взлетела так высоко, чтобы ее не разглядели с земли, и устремилась вперед.

После полудня из ворот Шадизара выехала карета, запряженная шестериком. Как и три дня назад, ее сопровождали десять воинов, но теперь путь их лежал на север.

Дверцы кареты украшал барельеф, который издалека можно было принять за дворянский герб. Однако при ближайшем рассмотрении становилось ясно, что это не так. Угрожающе оскаленная волчья морда, вырезанная на полупрозрачном голубоватом камне,— этого было вполне достаточно, по крайней мере на северо-востоке Хайбории, чтобы каждый понял: едет член могущественного клана Белой Волчицы, и простому человеку лучше держаться от него подальше. Впрочем, так думали далеко не все, ибо число сторонников новой веры стремительно росло.

В карете сидел щуплый невзрачный мужчина, лицо которого искажала ярость. Он собирался покинуть Шадизар еще накануне, но вынужден был остаться на лишние сутки, причем провел их, как и предсказывала рыжая стерва, в отхожем месте.

Перед глазами у него навязчиво маячил образ прекрасной воровки, но теперь Ханторек ничуть не сомневался, что с самого начала она откровенно смеялась над ним, ни на мгновение не воспринимая всерьез! Это его-то, одного из будущих Владытелей Мира! Словно заколдованный, он раз за разом вспоминал унижения, через которые ему пришлось пройти.

Не-ет! Он страшно отомстит и ей, и ее дружкам! Она за все заплатит, и тогда настанет его че-

ред посмеяться. Но, как ни странно, чем больше он распаял себя, тем сильнее ему хотелось обладать этой девушкой! Говорят, что от любви до ненависти только шаг. Он ненавидел Соню всей душой, и это чувство будило в Хантореке если уж не любовь, то неукротимую похоть точно.

И тут вдруг ему в голову пришла мысль, от которой он похолодел. Ведь если кто-то из этой пятерки наглецов все-таки станет послушником, он непременно расскажет всем, как славно подшутил над одним из отцов-настоятелей Храма! Ничто не распространяется столь быстро, как слухи, особенно неприглядные, а это значит, что в скором времени он превратится во всеобщее посмешище. Потом слухи достигнут матери Разары, и серьезные неприятности не заставят себя ждать. Он тут же представил ее холодный жестокий взгляд, когда она скажет, что он уронил честь отца-настоятеля. И тогда — прощай честолюбивые мечты!

Но что же делать? Что делать?!

Он с ужасом понял, что опоздал. Надо было побеспокоиться об этом раньше, еще в Шадизаре! Он мог просто отказаться от их услуг, сохранив таким образом и свое достоинство, да и деньги тоже. Теперь же придется убить их, а сделать это не так-то просто, но самым ужасным было то, что убить придется всех, и рыжеволосую красавицу тоже.

Ханторек высунулся из окна кареты и крикнул вознице:

— Вперед! Гони! Мы должны вернуться в Логово раньше их!

Звонко щелкнув, плеть обожгла бока благородных животных, и карета рванулась вперед. Что ж, отлично! Ханторек откинулся на спинку сиденья и улыбнулся сам себе. Нергал с ней, с проклятой девкой! Халима поможет ему забыть о рыжей стерве! Через Пограничное Королевство они не пройдут!

«Да, что ни говори, а они слишком много знают, и болезнь эта настолько смертельна, что умирают от нее так же, как и от порошка Черного Лотоса!» — подумал Ханторек и снова улыбнулся. Ему самому понравилась собственная мудрость. Ненужные знания убивают верней Черного Лотоса! Да, пожалуй, эта мысль достойна, чтобы ее запомнить, а при случае и повторить вслух.

* * *

Весь день ушел на дорогу через горы, и ближе к вечеру путники выбрались на простор. Тракт тянулся на запад и, пересекая Коринфию, устремлялся к Бельверусу. Соня восхищенно присвистнула: прежде она никогда не бывала здесь и теперь невольно поразилась увиденному. На ее взгляд, заморийский участок Тракта, в восточной части мощенный булыжником, а в западной — брускаткой, был достоин всяческих похвал, но здесь дорога оказалась выложена гранитными плитами, пригнанными друг к другу настолько плотно, что даже трава нигде не пробивалась через стыки.

Вокруг раскинулась та же степь, лишь кое-где поросшая одинокими деревьями да небольшими рощицами. Хотя ничто и не указывало на заса-

ду, поджидавшую караван, путники решили не рисковать, отклонились на лигу к северо-востоку вдоль коринфийского предгорья Карпашей и только там позволили себе отдохнуть.

Дальнейшее путешествие слилось в однообразную череду дней, не отличимых один от другого, как Там и Сям. Они скакали по дикой местности, которая изобиловала дичью, так что с едой проблем не возникало, только Сурхан все чаще роптал на быстро истощившиеся запасы хмельного. Вскоре стали попадаться маленькие речушки. Редкие рощицы встречались теперь чаще и становились протяженнее, да и деревья в них были выше, а через день перехода по Немедии отряд въехал в настоящий лес.

Все это время Соня ощущала чей-то пристальный взгляд, хотя по-прежнему, как ни старалась, ничего подозрительного не замечала. Часто она видела в небе все ту же надоевшую уже черную точку, но та время от времени пропадала, а когда они въехали в лес, и вовсе исчезла, но ощущение, что кто-то наблюдает за ними, осталось.

* * *

Потоптавшись у входа в покой настоятельницы, служитель постучал, не дожидаясь ответа, толкнул тяжелую дверь и вошел в небольшую прямоугольную комнату. Сквозь высокие, забранные разноцветными мозаичными стеклами окна внутрь проникало достаточно света. В противоположном конце комнаты сразу за низким столом стояло высокое, скорее походившее на трон, кресло. Оно

было искусно вырезано из дуба в форме огромного сидящего волка. На его задних лапах покоялось сиденье трона, согнутые передние служили подлокотниками. Но вот голова чудного зверя не была деревянной. Несомненно, когда-то она принадлежала живому хищнику, хотя представить себе такое чудовище во плоти было совершенно невозможно... Или непереносимо страшно. Страшно настолько, что, несмотря на многолетнюю привычку, вошедший невольно вздрогнул и отвел взгляд.

В кресле неподвижно сидела высокая худощавая женщина. Совершенно седые коротко остриженные волосы матери-настоятельницы не доставали даже до плеч, черты лица чем-то неуловимо напоминали нависшую над ее головой злобно оскаленную волчью морду. Сухое, костлявое тело закрывало длинный белоснежный, как и шерсть зверя, плащ с откинутым капюшоном.

Служитель был облачен в такой же плащ, только черный, и это означало, что он занимает пока самую нижнюю ступень во внутренней иерархии.

— Вестница принесла послание от Ханторека, — коротко сообщил он, почтительно склонив голову.

Не сказав ни слова, настоятельница жестом подозвала его, взяла записку, дважды перечитала текст, написанный мелким, убористым подчерком, откинулась на спинку кресла и, задумавшись, прикрыла глаза. Итак, очень скоро новые кандидаты в послушники прибудут в Логово. Обычно только один из десяти присланных успешно проходил отбор, и поэтому ее не удивляло, что чис-

ло послушников росло очень медленно. Слишком медленно, если говорить откровенно, а себе самой мать Разара лгать не привыкла. А уж отыскать среди них хоть одного, кто обладал бы хитростью, умом, ловкостью, смелостью и еще многими качествами, необходимыми бойцу клана, было и того труднее. Пока в Логове находился только один такой человек, Север, и Ханторек требовал, чтобы он лично занялся новичками. Настоятельница почувствовала давно забытый привкус настоящей удачи, но, когда открыла глаза, ее взгляд по-прежнему был холодным и равнодушным.

— Найди Севера, — сказала она, лишь мельком глянув на служителя, и тот судорожно кивнул. — Скажи, что я жду его.

Ожидание не продлилось слишком долго. Большой колокол ударил, отмечая полдень, и почти сразу же вслед за этим дверь отворилась: Вожак имел право входить без стука.

Север оказался человеком несколько выше среднего роста, могучего телосложения, однако не выглядел ни тяжеловесным, ни неповоротливым. Он обладал благородным, мужественным лицом, а внимательный взгляд серых глаз с едва заметным оттенком синевы выдавал незаурядный ум.

— Ты звала, повелительница?

Впервые повстречавшись с Севером, каждый невольно отмечал его приятный мягкий голос, да и говорил он негромко, но слова его звучали настолько убедительно, что сразу становилось ясно: нечего и пытаться ему возражать.

— Да, Север. Подойди.

Он двинулся вперед мягкой походкой хищника, который привык незаметно подбираться к добыче. Мать Разара залюбовалась им, невольно подумав: «Побольше бы таких бойцов Белой Волчице...» — но тут же отогнала ненужные мысли: он по-прежнему оставался единственным.

— Присядь. — Небрежным кивком настоятельница указала на стоявшее возле стола кресло с высокой спинкой. — Я получила послание от Ханторека, — продолжила она, когда воин сел. — Он пишет, что направил к нам очень интересных новичков и опасается случайностей. Главная ценность среди них — рыжеволосая девушка, и Ханторек желает, чтобы ты лично позаботился о ее безопасности.

— Не понимаю, — Север пожал могучими плечами, — зачем ему понадобился я?

— Все просто. Он считает, и тут я полностью согласна с отцом-настоятелем, что не к чему избавлять всех от отбора. Но в то же время он хочет, чтобы девушка в любом случае не пострадала.

— Чем же она так ценна? — заинтересовался Вожак, который верил в умение отца-настоятеля подбирать людей, хоть сам Ханторек ему и не нравился.

— Не знаю, — коротко ответила Разара. За время разговора она ни разу не шелохнулась, будто составляла с троном единое целое. Только глаза женщины поблескивали, когда она переводила взгляд, да губы едва заметно шевелились, когда говорила. — Бесточку принес крылатый по-

сланец, так что ты понимаешь: она оказалась весьма коротка, но я доверяю чутью Ханторека. К тому же известно, что рыжие люди либо до невозможности дурны, либо необыкновенно хороши. Я имею в виду нужные нам качества,— пояснила она, и Север склонил голову, соглашаясь с ней.

— Хорошо. Что от меня требуется?

— Обнаружить ее, постоянно находиться рядом, но не вмешиваться в ход испытания до тех пор, пока над девушкой не нависнет серьезная угроза или пока она не попытается сбежать.

* * *

Посреди леса путники наткнулись на деревеньку, обитатели которой жили охотой и рыбной ловлей. Здесь впервые со дня отъезда из Шадизара Сурхан потешил свою ненасытную утробу, а в дорогу получил еще и бурдюк с кислым, но крепким вином, которое Соня даже нюхать не стала.

Утром все пятеро вновь тронулись в путь и к вечеру добрались до кромки леса, однако, увидев возвышавшиеся далеко впереди стены Нумалии, решили заночевать под деревьями. Никто не потревожил их сон, и с первыми лучами солнца всадники помчались на восток, чтобы обогнать город, и к полудню Нумалия осталась позади. Местность сильно изменилась и теперь больше походила на болото.

— Пора поворачивать на запад,— сказал Альво, когда отряд остановился, чтобы осмотреться.

— Это почему? — поинтересовался один из братьев.

— Ты помнишь, что говорил Ханторек насчет Желтой реки с ее солеными водами?

— И ты ему веришь? — хмыкнул Сям.

— Я и сам это знаю,— пожав плечами, ответил немедиец.— Еще день пути, и мы увязнем в ее топких берегах.

— А как же Ханумар? — вмешалась Соня.— Я думала, мы обогнем его с востока.

— Значит, придется обогнуть с запада,— заговорил один из братьев, но второй тут же возразил ему:

— А почему, собственно, мы должны избегать этого города? Потому что там поклоняются какой-то Ибис и нет ни одного Следа Волчицы? — Он обвел друзей насмешливым взглядом.— Кто вообще такая эта Ибис?

Он вопросительно посмотрел на маленького немедийца, но тот лишь равнодушно пожал плечами:

— Откуда мне знать? Когда-то давно многие в Немедии поклонялись ей, а теперь только в Ханумаре...

— М-да,— хмыкнул Сям,— не густо.

— Это верно,— кивнул Альво,— но ничего не поделаешь. Я иногда разговаривал с паломниками, которые спрашивали дорогу туда, но ни разу не встречал тех, кто возвращался из города.

— Ты хочешь сказать?..— начал Сурхан.

— Да ничего я не хочу сказать,— раздраженно оборвал друга немедиец,— но я бы не стал

заходить в город. По крайней мере, сейчас. Вот на обратном пути...

— Он прав,— согласилась Соня.— Давайте не будем напрасно тратить время.

— Может, оно и к лучшему,— заговорил Сурхан.— Желтая река, говорят, вытекает из Великого Соляного Болота, что лежит в Пограничном Королевстве, и уж там нам делать точно нечего. Так что перед Ханумаром или после него, но свернуть все равно придется.

— Тогда и спорить не о чем.

Они вновь поскакали на закат, чуть-чуть забирая к северу, и потеряли на этом еще день. Леса изменились. Лиственные породы уступили место соснам и елям, почва стала каменистой, трава почти пропала, особенно в лесу, где землю покрывали шапки засыпанного хвоей мха.

На следующий день отряд повернул на север и после одной ночевки выехал на открытое пространство. Где-то на юго-западе сквозь быстро таявший в лучах солнца туман проглядывали призрачные очертания далекого города, но путники, лишь отметив это про себя, тронулись дальше. Природа становилась все более дикой. Впереди, насколько хватал глаз, лежала унылая пустошь, которую оживляли лишь скрюченные, чахлые деревца, настолько уродливые, что Соня невольно подумала: так земля мстит им за то, что они тянут из нее последние соки.

— Смотрите! — гаркнул Сурхан, указывая рукой куда-то вдаль.

— И вовсе незачем так орать,— недовольно проворчал Альво, который от неожиданности чуть не вывалился из седла.— Как будто, кроме тебя, никто не видит эту деревню.

— Ты не понимаешь,— обиженно прогудел великан.

— Да что тут не понимать-то? — ухмыльнулся Там.— Раз деревня есть, то и постоянный двор найдется, а при нем таверна...

— А таверна,— подхватил его брат,— это такое место, где друг наш Сурхан запросто отыщет выпивку и жратву!

— Как бы ее ни прятали местные бедолаги,— насмешливо закончила Соня.

Братья, как всегда, дружно захочотали, а турецкий посмотрел на них взглядом голодного хищника, но лишь сплюнул в сердцах и, разворачивая своего скакуна, пробасил:

— Ну уж как бы там ни было, а сегодня я повеселюсь!

— Штурм! — завопил вдруг Там.— Вперед, мои солдаты! В крепости нас ждут вино и бабы! Сутки гуляем!

Соня покачала головой. В Пограничном Королевстве, по слухам, все жители промышляли исключительно грабежом и разбоем. Тут нужно держать ухо востро, а они... Она попыталась остановить приятелей, но куда там!

— За боевым вождем! — воскликнул Сурхан.

— И-и-ха! — Альво выхватил меч, указал его острием на деревеньку, и все помчались к теснившимся друг к другу полусгнившим лачугам.

Соня от злости едва не задохнулась, но этого уже никто не видел. Девушка ударила вороного пятками и не торопясь поехала следом.

Ее спутники подскакали к самому большому из домов, спешились, но внутрь вошли не сразу. Один из братьев указал на вывеску, а второй радостно рассмеялся, да так, что смех его разнесся по всей округе. Потом они о чем-то заговорили, и, хотя девушка успела уже подъехать поближе, до нее донеслась только последняя фраза.

— Нет, здесь не заперто, поверь! — неизвестно зачем сообщил приятелям немедиец.

— Снесу к Нергалу эту дверь! — рыкнул Сурхан и первым ввалился в кабак.

Братья вновь оглушительно захахотали и направились за приятелями. Соня усмехнулась про себя: штурм начался, и от восторга ее друзья заговорили стихами.

Что-то в этой пустынной деревеньке ей не нравилось. Она осмотрелась, доехала до края поселка, но и там не увидела ничего подозрительного, однако неспешно обскакала круг селения и только после этого вернулась к лачуге, внутри которой скрылись ее попутчики. И тут она поняла, что ее беспокоило. Вокруг стояло два с лишним десятка домов, но ни одного человека не было на кривых грязных улочках, ни одно окно не светилось. Покинутое, мертвое место.

Соня подъехала к коновязи, оставила своего вороного, проверила оружие и не торопясь пошла к дверям. Над входом висела широкая, потрескавшаяся от времени доска, на которой

красовалась выцветшая кривая надпись: «Кто хочет всласть поесть, попить, прошу без стука заходить!».

Вот что их так развеселило! Девушка поправила висевший у пояса за спиной меч и осторожно взялась за ручку. Дверь отворилась неожиданно легко.

* * *

Войдя в полутемную лачугу, мужчины увидели довольно просторный зал с низко нависшим бревенчатым потолком, большая часть столов которого оказалась свободной. Засаленные, покрытые паутиной окна почти не пропускали света, и помещение освещалось тусклыми масляными светильниками. За одним столом сидели четверо мужчин, молча вливавших в глотки какое-то пойло, еще четверо занимались тем же по соседству, но эти тихо переговаривались, а заметив вошедших, похоже, принялись обсуждать их. Дальше, почти в углу, за отдельным столом притулилась грязная старуха со спутанными седыми космами, весьма похожая на колдунью, которая то ли спала, то ли давно умерла, что было бы ни-чуть не удивительно: в заведении стояла такая вонь, будто здесь много лет складывали трупы. Однако, стоило двери хлопнуть, как «покойница» рывком подняла голову и окинула вошедших неожиданно внимательным взглядом, но тут же, утратив к ним всякий интерес, снова заснула.

За следующим столом сидели два существа неопределенного возраста и пола, отдаленно напо-

минавшие женщины. Скорее всего, это они и были: едва на пороге показались молодые люди, существа встрепенулись и начали строить им глазки. Однако были они так грязны и так смердили, что Сурхан только презрительно сплюнул на земляной пол, а один из братьев указал на них пальцем, и оба загоготали. Шлюхи тут же сникли.

Тroe из путников заняли угловой стол, а Альво направился к скучавшему за высокой стойкой хозяину заведения.

— Там,— немедиц мотнул головой,— у дверей остались наши скакуны. Надеюсь, о них позаботятся.

— Не беспокойся, господин,— равнодушно ответил хозяин.

— А я и не беспокоюсь. Просто хочу, чтобы ты знал: если с ними что-то случится, я сплюю этот свинарник.

Разговор за спиной мгновенно стих. Тавернщик закусил толстую губу и окинул зал взглядом. Немедиц готов был поклясться, что он попросил поддержки у кого-то из завсегдатаев. Что ж, драться так драться.

Он услышал, как кто-то за спиной встал и, тяжело ступая, направился к стойке, но нимало не обеспокоился этим. Раз друзья его молчат, значит, все в порядке. По крайней мере, пока. Краем глаза он заметил, что слева остановился огромный детина, от которого несло потом застарелым перегаром.

— Мяса на пятерых, и побольше,— не обращая на верзилу внимания, сказал Альво.— Мы давно не ели горячего.

— На пятерых? — удивился хозяин.— Но ведь вас только четверо!

— Пятый скоро подойдет.

Тавернщик переглянулся с громилой.

— А деньги у тебя есть? Мясо в наших краях стоит дорого!

— Будет мясо, появятся и деньги! — отрезал Альво.— А пока подай вина, да получше!

Он бросил на стойку золотую монету, и глаза хозяина алчно блеснули, но он тут же взял себя в руки:

— Этого мало.

— Да ну?! — обрадовано воскликнул немедиц.— Интересно, что же пьют в этой дыре?

— Слушай, приятель...— заговорил наконец незнакомец, и даже привычный ко всему Альво поморщился:

— Если после твоей выпивки, от меня будет так же вонять, то мы, пожалуй, поедим всухомятку.

Он обернулся к друзьям, и один из близнеццов, всплеснув руками, зашелся в хохоте. Мужчины, сидевшие за соседними столами, угрюмо молчали, и это не нравилось Альво. Они давно уже должны были полезть в драку, но почему-то не делали этого, только глаза их горели ненавистью к чужакам, которые осмелились насмехаться над их славным кабаком и доброй выпивкой. Немедиц тем временем протянул руку за золотым, но хозяин отработанным движением подхватил монету и попробовал ее на зуб. Монета оказалась настоящей. Тогда он нагнулся и выставил огромный жбан воюющего

пойла, которое местные жители почему-то считали вином. Замерший рядом с Альво детина сосредоточенно думал, и, видимо, это занятие было для него настолько непривычным, что он даже вспотел.

Альво понюхал жбан и скривился, а Сурхан в нетерпении стукнул кулаком по столу:

— Да что ты там вынюхиваешь?! И не такое пили! Тащи сюда!

— Ты мне не нравишься, парень,— собравшись наконец с мыслями, сообщил громила.

— Что поделаешь? — Немедиц равнодушно пожал плечами.— Порой я и сам себе не нравлюсь.— Он горестно вздохнул.— Такая уж, видно, у меня судьба,— смиренno закончил он.

Братья уже не смеялись, а постанивали. Альво подхватил кувшин и стаканы и направился к друзьям. Оставшийся у стойки верзила скзал огромные кулаки: драки не получилось, и он никак не мог понять почему. Как только Альво двинулся к столику, «труп» старой карги вновь ожила и засеменила к ним. К столу они подошли почти одновременно.

— Не желаете ли узнать свою судьбу, храбрые воины? — прошамкала старуха беззубым ртом.

— Присядь с нами, добрая женщина, да испей вина,— участливо предложил немедиц.

— Спасибо, сынок,— улыбнулась бабка и лихо опрокинула в себя мерзко пахнущую дрянь, после чего, не дожидаясь их согласия, высипала на стол пригоршню маленьких деревянных плиток с нацарапанными на них кривыми значками.

— Долог и труден был ваш путь,— начала излагать карга,— но цель уже близка. Однако не суждено вам достичь ее: смерть занесла над вашими головами костлявую длань и манит в мрачное царство Нергала,— закончила она зловещим шепотом и совсем уж не к месту зашлась хриплым кашлем.

— Смотри-ка! — воскликнул Там.— Оказывается, я уже мертв! Ты почему мне ничего не сказал об этом? — обратился он к брату.

— Всего один золотой,— захрипела старуха,— и я скажу тебе, как избежать лютой погибели!

Судя по последним словам, она собиралась поведать им еще о чем-то, да не успела. Взгляд ее помутнел, она судорожно схватилась руками за горло и рухнула с колченого табурета, на котором сидела. На миг в зале повисла тишина. Потом Там повернулся к брату:

— По-моему, она что-то пыталась сказать?

— Как нам избежать смерти,— кивнул Сям,— да сама... Эка жалость!

— Это я вам и без нее скажу,— вмешался Альво.— Сдается мне, что нам не стоит пить этого вина.— Он повернулся к хозяину.— Ты как считаешь? — Немедиц наполнил кубок.— Не поддержишь компанию?

Тот почему-то не пожелал. Он, правда, ничего не сказал, но вдруг засуетился и исчез за дверью, ведущей в недра убогого заведения. В дверях, однако, он обернулся и зло прошипел:

— Погодите! Я еще вернусь и тогда разделяюсь с вами!

— Ты слышал? — загоготал Там. — Он сказал, что вернется и убьет нас!

— Сомневаюсь я что-то, — отозвался Сям.

— А-а! — вскричал громила. — Так вам не по нраву наше вино?! Может, придется по вкусу вот это?!

Он нагнулся, пошарил грязной лапицей у стойки и, достав огромный топор, двинулся вперед. Замызганные девки то ли от страха, то ли от восторга оглушительно завизжали, а Там не менее громко захочотал, указывая пальцем на детину, словно тот был ярмарочным скоморохом.

— Ага! — обрадовался Сям, когда «древосек» остановился в паре шагов, примеряясь, как бы половчее срубить ему голову. — Знаток местных вин! Ну-ка, хлебни для храбрости!

Он выплеснул громиле в лицо полный кувшин отравы как раз в то мгновение, когда тот разинул пасть, чтобы что-то сказать. Бедняга судорожно глотнул, поперхнулся и закашлялся.

— Ну что, проглотил хоть немного? — поинтересовался Там. — Если покойница не обманула, скоро околеешь. А я ей верю.

— Топор-то брось, — посоветовал Сям. — Отвевался поди.

Вдруг послышался топот, и в зал из-за двери за стойкой ворвалось с десяток головорезов. Все они были одинаково грязны, волосаты и пьяны, но настроены решительно, и каждый держал в руках по топору. Самым крупным оказался вожак. Он выступил вперед и окинул чужаков недобрым взглядом. Альво жеманно поприветствовал его

взмахом руки, но вожак смерил немедийца прозрительным взглядом, высморкался на пол и внезапно замер, глядя куда-то за спины обидчиков. Лицо его исказила гримаса, отдаленно напоминавшая улыбку.

Друзья обернулись, пытаясь понять, что он мог там увидеть. На пороге стояла Соня, которая казалась особенно прекрасной рядом с двумя местными оторвами.

— Властьница грез! — напыщенно воскликнул он, позабыв на время про свой топор. — Так это твою божественную грудь я видел в своих снах!

Эта речь настолько не вязалась с его омерзительной внешностью, что успокоившийся было Сям не выдержал и вновь восторженно загоготал.

Вожак, однако, не обращал на чужаков ни малейшего внимания. Он выпятил грудь, гнусная улыбка обнажила редкие гнилые зубы. Пьяные глаза тускло тлели неподдельным восторгом. Что же касается его сообщников, они просто остолбенели, отчасти преисполненные гордостью за своего предводителя, умеющего так красиво говорить, но основном же, конечно, пораженные внешностью незнакомки. Похоже, им впервые довелось увидеть женщину, а не ее жалкое подобие.

— Лучше бы ты увидел во сне коровье вымя, — усмехнулась Соня.

Лицо главаря мгновенно изменилось, и Альво понял, что он вовсе не так глуп, как прочие обитатели чудной деревеньки. Конечно, первую

фразу он от кого-то слышал, но теперь говорил уже от себя.

— Сейчас я проедусь на тебе! — заявил он, грязной волосатой лапой смахнул со лба засаленную прядь и шагнул вперед.

Там понял, что именно так в Пограничном Королевстве принято называть то, что мужчина делает с женщиной в постели, и восторженно взывал: в отсталом Шадизаре ему такого не приходилось слышать даже в самых дешевых заведениях Пустынки.

Он мог бы, конечно, сказать косматому при-дурку, что на медведице в брачный период «проехаться» будет безопасней, но не стал этого делать, а принял с интересом наблюдать, приготавившись, если понадобится, помочь девушке.

Соня смотрела на верзилу с презрительной усмешкой. Обычно она не бралась за оружие, если, конечно, речь не шла о ее чести или жизни. Сейчас она чувствовала себя совершенно спокойно: мужлан не внушал ей ни малейшего опасения.

— Все, — спокойно заметила Соня, когда он оказался от нее в двух шагах. — Теперь остановись, коли хочешь еще пожить.

— Я хочу тебя. — Он осклабился и, раскрыв объятия, но не выпуская топора, сделал еще шаг.

Он не видел в руках девушки оружия, и это сгубило его. В следующий миг меч ее выскоцил из ножен и, со свистом описав полукруг, замер у правого плеча Сони. Головорез замер. Видимо, он никак не ожидал от красотки такого отпора.

— Умница, Соня, — похвалил ее немедиец.

Один из местных, подручный вожака, со смехом крикнул:

— Да что ты смотришь на нее, Глум? Баб не видел?! Тащи ее сюда! Нам тоже охота позабавиться!

Остальные тут же приободрились и одобрительно загоготали. Чужаки тоже засмеялись, но совсем по иной причине.

— Как же, сейчас! — хмыкнула девушка, и клинок, словно живой, едва заметно шевельнулся в ее руке.

С большим запозданием на лице вожака отразилось удивление. Он попытался что-то сказать, но не смог, и это удивило его еще больше. Он поднес руку к горлу и тут же поднял ее к лицу — ладонь покраснела от крови. Главарь судорожно облизал губы, снова посмотрел на девушку, и его правая рука, сжимавшая топор, медленно поползла в сторону, но Соня не стала ждать, что произойдет дальше, а молниеносным движением толкнула его ногой в грудь. Верзила рухнул на пол.

— Рыжая стерва убила Глума! — взвыл его помощник и рванулся вперед, но в тот же миг хлебнувший отравленного винца громила наконец-то упал на землю рядом с атаманом.

— Бей чужаков! — истошно завопил кто-то, и вся орава бросилась на них.

— Что-о-о-а-а! — оглушительно взревел Сурхан, сметая все со стола и круша вокруг себя мебель.

От его рева дом затрясся, а кора с неотесанных балок потолочного перекрытия посыпалась на заплеванный пол.

— Давай, подходи! — обрадовался Там, потрясая мечом.— Распорю, как подушку!

— Пустая угроза! — загоготал Сям.— Здесь о подушках и не слышали! Судя по запаху, они и моются-то раз в десять лет!

Началась невообразимая свалка. Топоры местных и мечи чужаков замелькали в воздухе, и только огромный турانец дрался голыми руками. Каждый бил или старался ударить того, кто был поближе. Нападавших было намного больше, но четверо мужчин и девушка заняли оборону в углу зала, и подобраться к ним оказалось не так-то просто. То один, то другой пытались достать кого-нибудь из обидчиков, но всякий раз им приходилось отступать, причем с потерями. Вскоре на полу валялось уже не меньше десяти мертвцевов.

— Пора уходить! — крикнул Альво, и Соня начала потихоньку продвигаться к двери, моля лишь о том, чтобы кони остались на месте: пешком они недалеко уйдут.

— Да угомонись же! — закричал немедиец Сурхану, который с упоением молотил кулачищами, похожими на кувалды.

Тот на мгновение обернулся, кивнул, но прежде чем последовать примеру друга, приложил кулак еще к одной грязной роже, на прощание продекламировав:

— Хорошо смеется тот, кто последним в челюсть бьет!

Смех его загрохотал под низко нависшими бревнами, обвалив с них остатки трухи, и в следующий миг великан скрылся за дверью.

— Скорее! Уходим! — крикнула Соня, которая уже сидела на своем вороном.— Боюсь, как бы они не задумали отомстить!

— Да кому там мстить-то? — пророкотал Сурхан, вскакивая в седло.— Не веришь? Давай вернемся, посмотрим, что от них осталось?

— Хватит балагурить! — остановила его Соня, и отряд помчался на север.

Через некоторое время, когда деревня скрылась из виду, они пустили коней рысью. Время от времени Соня продолжала оглядываться, по-видимому все еще опасаясь погони, но за ними никто не гнался.

— Да брось ты,— Сурхан хмыкнул,— не полезут они из своей норы.

— Если разумны, то да,— ответила девушка.

— Мне нравится это «если»! — хохотнул туранец.

— Перестань! — поморщилась Соня.— Мне вот совсем не весело. Посмотри, у тебя на руке кровь!

— Именно поэтому я и не люблю драться,— прогудел великан.— Всегда кто-нибудь норовит дать сдачи. Но ты права,— согласился он,— мы легко отделались.

— Похоже, нас ждали,— продолжала девушка, и если я права, то мне это совсем не нравится.

— Этого мы уже никогда не узнаем,— заметил Альво, пожимая плечами.— Покойники обычно молчаливы. Главарь вроде был поразговорчивее, но слишком уж быстро умер. Тут не на кого жаловаться — ты сама его порешила. Но если ты права, то только он знал нанимателя.

— Мне почему-то кажется, что это дело рук Ханторека,— задумчиво проговорила Соня.

— Бро-ось! — протянул туранец.— Этот задохлик дрищет дальше, чем видит!

Братья привычно захочали, радуясь грубому, но острому слову товарища, а Соня лишь прыснула от неожиданности и тут же замолчала. Она знала больше, чем ее друзья. Ей захотелось сейчас же рассказать им обо всем, но она вовремя вспомнила о прожигающем спину взгляде и быстро посмотрела в небо — черная точка по-прежнему висела над их головами. Девушка решила, что сейчас не время и не место для серьезного разговора, но теперь уже не сомневалась, что он необходим. По правде говоря, чем дальше, тем больше ей хотелось бросить все и вернуться. Приключение приключением, но жизнь у человека одна и расставаться с ней совсем не хочется.

* * *

Путь Ханторека был короче, ехал он быстро, почти не останавливаясь на отдых, и ему удалось вернуться значительно раньше, чем он рассчитывал.

Все складывалось совсем не плохо. Его неожиданно скорое возвращение объяснить просто: он обеспокоен судьбой, по его мнению, удачных кандидатов и хочет лично присутствовать при их поимке. Вполне понятная озабоченность. Правда, прежде он никогда не проявлял ее, но ведь и подобных путешествий он никогда не совершал, да и людей таких находить не удавалось!

Так кому придет в голову, что исчезновение пятерых шадизарцев — его рук дело? Никому! А организовать это оказалось так просто. Достаточно было послать из Немедии гонца своим людям в Пограничное Королевство с известием о том, что пятеро путников, из которых один — девушка, а второй — немедиец-недомерок, везут не меньше пяти тысяч монет золотом, не считая ценного оружия и великолепных коней.

Ханторек не сомневался, что вся область вокруг Великого Соляного Озера сейчас оцеплена, а значит, у шадизарцев нет ни малейшей надежды добраться до Врат Черепа.

Именно так и доложил он матери-настоятельнице о результатах своей поездки по городам Британии, Коринфии и Заморы. Даже то, что из сорока отобранных им человек предложение приняли только тридцать, а уцелело из них пока лишь двое, совершенно не расстроило его. И надо сказать, что это весьма удивило настоятельницу. Однако и из этого положения Ханторек вышел с честью.

— Я сам долго думал об этом, пока возвращался домой,— в тот же вечер доверительно поведал он Разаре.— И понял, что положение постоянно ухудшается, но, смею утверждать, что ничего страшного в этом нет.

— Что навело тебя на такую мысль? — заинтересовалась она.

— Все дело в том, что в Немедии жизнь сейчас слишком упорядочена, а законы в последнее время ужесточились. Вполне понятно, что преступ-

ники покидают эти места. В Бритунии мало городов, все они невелики, а потому воров и грабителей там почти нет. С тех пор как Немедия подмаяла под себя коринфийские города, состоятельные люди стремятся перебраться в Бельверус или Нумалию. Наш основной поставщик — Замора. Но и там не все ладно. Она попеременно отходит то к Аквилонии, то к Турану, и лучшие из лучших перебираются на запад. — Он посмотрел на Разару. — Осталась всякая мелочь, которая попадается на второй-третью краже.

Все эти сведения, почерпнутые из беседы с Влтахом, он без малейших угрызений совести выдал за собранные и осмысленные им самим и с удовлетворением отметил, что труды его не пропали даром. Мать-настоятельница обеспокоенно посмотрела на него:

— Если так, то мы в ближайшее время не только не расширим собственные угодья, о чём столько мечтали, но вынуждены будем бороться за то, чтобы они не сократились! — Глаза ее гневно сверкнули. — Мы потеряли даже то, что имеем сейчас!

— Истинно так, — смириенно согласился Ханторек. — Скажу больше: дело обстоит еще хуже! Мне пришлось выплатить по тысяче золотых каждому из этих проходимцев, а ведь прежде удавалось ограничиться угощением!

— И что делать? — сурово нахмурилась Разара.

Ханторек задумался. Собственно, он знал, что скажет через мгновение, но сознательно не спешил с ответом.

— Я хочу дождаться шадизарцев и немного передохнуть, — неизвестно зачем сообщил он. — Затем отправлюсь в Немедию и Офир, на западную границу наших угодий. Если и там то же самое...

— Именно об этом я и говорю, — кивнула она.

— Есть у меня кое-какие соображения, — скромно потупившись, молвил настоятель. — Правда... — Он помедлил. — Я хотел бы, с твоего разрешения, поговорить о них позже, когда все хорошенько продумаю.

Мать-настоятельница пристально взглянула на него:

— Хорошо. Тогда на этом и закончим.

* * *

Дальше скакали молча, только братья продолжали балагурить, но девушка не прислушивалась к их болтовне. Костра ночью не разводили. Соне даже не пришлось на этом настаивать. Ее спутники хоть и старались казаться неустранными, но прекрасно понимали, чем может обернуться драка на открытом месте с сотней вооруженных мужланов. Спали мало и плохо, поочередно следя, чтобы их не застигли врасплох, но опасения оказались напрасными. Бледная заря еще только разгоралась, окрасив стелющийся по земле туман в багровые тона, а путники уже тронулись в путь. Весь день провели в седлах, сделав лишь две короткие остановки у ручьев, чтобы наспех перекусить да набрать воды. Хорошо еще, что весна в этом году оказалась ранней, и даже здесь не

испытывалось недостатка в сочной траве. Уже начинало смеркаться, когда отряд достиг отрогов Иглофийских гор.

В темноте об охоте нечего было и думать, поэтому спать улеглись натощак. Утром направились на восток, надеясь по пути что-нибудь раздобыть к обеду. О том, чтобы остановиться и передохнуть, никто и не мечтал.

После третьей ночевки на пустой желудок все чувствовали себя вконец разбитыми. Закаленный воин сказал бы, что бывает и хуже, но они были всего лишь ворами, и им все это начало надоедать. Если бы не уверенность в том, что перевал, ведущий в Гиперборею, где-то недалеко, они давно уже повернули бы назад.

На следующий день, ближе к вечеру на фоне однообразной серо-зеленой стены гор путники увидели белесоватое пятнышко. Никто из пятерых не знал, что это, но не сговариваясь двинулись к нему.

— Что это? — спросил Альво, когда пятнышко стало напоминать большой снежный ком.

— Врата Черепа, — прогудел Сурхан. — Ханторек не соврал.

Они подъехали еще ближе. Перед ними лежал выбеленный дождями и иссущенный солнцем череп исполинского животного высотой примерно в два роста далеко не маленького туранца. На лбу черепа виднелась поблекшая от времени надпись.

— Что там написано?

— Врата Гипербореи — это врата смерти для тех, кто пройдет через них непрошеным.

Все молчали, глядя на череп и на дорогу, поглощую уходившую вверх.

— Ну что? Еще можно повернуть назад, — сказала Соня.

Предложи это кто-нибудь другой, все, возможно, и согласились бы. Но Соня усмехнулась, и у мужчин взыграла гордость.

— Зря время теряем, — заявил Сурхан, первым трогаясь с места.

Остальные трое направились следом. Соня постояла немного, пожала плечами и хлестнула вороного, догоняя остальных.

К концу дня они достигли наивысшей точки перевала. Дальше дорога шла под уклон, и, насколько можно было судить, с той стороны гор путников поджидал еще более угрюмый мир. Бескрайняя серая равнина раскинулась у них под ногами насколько хватал глаз, да кое-где рваными заплатами лежали раскисшие шапки снега.

— Ну и где обещанная тропинка? — поинтересовался Там.

— Ханторек говорил, что она ведет направо, — отозвался его брат.

— Так давайте ее искать.

Они растянулись вдоль дороги редкой цепью, высматривая в скалах проход.

— По-моему, я нашла, — негромко позвала остальных Соня.

— Ты, как всегда, на высоте, — направляясь к ней, улыбнулся Альво.

— Брось! — отмахнулась девушка. — Просто повезло, и ничего больше.

— Да ладно вам,— пробасил Сурхан и свернул на тропку.

Дорожка оказалась узенькой и, петляя, повела их круто вверх. Соня в последний раз оглянулась — заметить ее просто так действительно было мудрено. Они поднялись уже на полсотни локтей, а тропинка вела все выше и выше.

— Если так пойдет и дальше, придется бросить коней,— заявил турец.— Мне это совсем не по душе. Если понадобится удирать, на своих двоих далеко не уйдем.

— Не беспокойся,— возразила девушка,— если наверху и правда есть храм, то его обитателям должны доставлять пищу.

— Ее могут привозить и другим путем,— возразил Там.

— Хватит спорить,— оборвал их Альво, натягивая поводья.— Уже приехали.

Они остановились, и Сям восхищенно присвистнул. Внизу раскинулась широкая долина с настоящим сосновым бором. Кое-где сквозь кроны деревьев проблескивала вода, но разглядеть, что это, цепь небольших озер или русло реки, никто не смог. Но главное, долина была, и после трех дней пути по каменной пустыне это казалось настоящим чудом.

Наблюдавшая за путниками ворона снялась со скалы и лениво взмахнула крыльями. Она свое дело сделала и теперь возвращалась домой. Люди ее больше не интересовали. Именно в это мгно-

вение Соня обернулась и увидела огромную птицу, планировавшую вниз.

Спуститься удалось без особого труда: та же тропинка, что заманила их наверх, теперь привела на дно долины. После недолгих поисков они нашли уютную пещеру и разожгли костер, не опасаясь, что их кто-нибудь увидит.

Что заставило ее обернуться? Она нахмурилась, попыталась сосредоточиться и с удивлением поняла, что столь долго мучившая ее тревога пропала. Исчез и постоянный взгляд в спину. Казалось бы, радоваться надо, но радости девушки почему-то не испытывала. Ясно одно: они добрались до места и теперь никуда не денутся, поэтому наблюдатель оставил их в покое. Надо же, какая забота! Или не забота вовсе? Тут есть над чем поразмыслить, и сделать это нужно немедленно. Соня догнала своих спутников, и те согласились, что надо передохнуть день-другой, перед тем как сорваться в самое пекло.

Твердо пообещав не хохотать так, что мертвый поднимется, братья отправились на охоту и вскоре вернулись нагруженные дичью, которой хватило бы на десятерых. Все принялись за дело, и вскоре от костра поплыл такой аромат, переносить который после длительного воздержания казалось просто пыткой. Сглотнув слюну, Соня вышла на свежий воздух. Тревожные мысли не давали ей покоя. В который уже раз она попыталаась понять, что все это значит: странный двойной заказ и не менее странный пернатый лазутчик за спиной. Быть может, не лазутчик, а всего

лишь поводырь? Она пожала плечами — ответа все равно не найти.

Небольшой камешек, несколько раз стукнувшись где-то наверху, упал у ее ног, и она вернулась в пещеру.

— Кто-то спускается по тропе, — тихо сказала Соня.

Мужчины умолкли и как по команде потянулись к оружию. Бесшумно, как могут передвигаться только воры, они направились к тому месту, где заканчивалась тропа, и, укрывшись в ветвях молодого ельника, принялись ждать. Очень скоро они услышали осторожные шаги и негромкие голоса.

Один из голосов явно принадлежал женщине, второй — мужчине, скорее, даже юноше. Девушка жаловалась на усталость, и говорила, что было верхом безумия на ночь глядя лезть в горы. Парень раздраженно, хотя и не зло, огрызаясь.

— А ну-ка стойте! — негромко прикрикнул на них Альво.

Услышав окрик, девушка сдавленно вскрикнула, но парень не проронил ни звука — в одно мгновение он вдруг исчез. Соня видела, как девица растерянно посмотрела по сторонам, ища поддержки спутника, которого только что честила на чем свет стоит, но того и след простыл. Тогда она обернулась на звук голоса, пытаясь разглядеть говорившего.

— Кто вы такие? Куда идете? — продолжал Альво.

— А сами-то вы кто? — донеслось с высоты, и Соня поняла, что парень вовсе не сбежал, а лишь

затаился на безопасном расстоянии, да так, что никто из них его не видел.

— Нехорошо отвечать вопросом на вопрос, — укоризненно заметил немедиц, в то время как остальные благородно молчали.

— С чего ты взял, что я вообще собираюсь разговаривать с тобой? — задиристо выкрикнул парень.

— А почему нет? — удивился Альво. — Тем более что ты так и так уже разговариваешь.

— Пожалуй, — согласился незнакомец, подумав. — Только почему ты считаешь, что я стану отвечать неизвестно кому? — спросил он с вызовом.

— Ну не знаю, — спокойно ответил немедиц, но Соня почувствовала иронию в его голосе. — Это называется разговором, и обычно именно с него начинается общение. Спускайся, поговорим.

— Откуда я знаю, что тебе можно верить?

— А почему нет? — усмехнулся Альво. — Сдается мне, у нас одна цель.

Некоторое время парень молчал, но скоро послышались его осторожные шаги. Через несколько мгновений в ночной темноте четко обозначились две фигуры, и пятеро шадизарцев молча окружили их.

— Я так и знал, что тебе нельзя верить! — Парень выхватил меч. — Но просто так я не сдамся.

— Это ты завел нас сюда, — простонала девица.

— Почему же мне нельзя верить? — по-прежнему миролюбиво поинтересовался Альво.

— Ты не один.

— Но ты ведь и не спрашивал, сколько нас,— удивился немедиц.

— Да хватит вам! — не выдержав, вспылила Соня. — Обманул! Не обманул! Слушать тошно! У меня от голода в животе урчит, мясо на огне пригорает, а они тут спорят, кто хитрее! Пусть катятся куда хотят! Сцепают их первыми — нам же легче будет!

Ее спутники, не сговариваясь, тут же пошли к костру. Сделав шагов десять, Соня обернулась к тихо переругивавшейся паре:

— Ну так вы идете с нами или остаетесь здесь?

— Пошли! — Девица схватила спутника за руки и потянула его за собой.

Парень молча последовал за ней.

— Ну и нюх у тебя, Соня! — воскликнул Альво. — В самый раз успели. Еще немного, и ужинали бы углами.

Чуть позже к ним присоединились незнакомцы. Оба оказались молоды. Девушке никак не больше двадцати. Белокожая блондинка со стройной фигурой и приятным лицом. Парень чем-то походил на нее, хотя и не как брат на сестру. Того же возраста или чуть старше, русоволосый крепыш с умным лицом и мягкими движениями гибкого тела.

— Решили рискнуть? — хмыкнула Соня.

Парень насупился, а девушка вздохнула:

— Нам через такое пришлось пройти... — Она покачала головой.

— Знаю, — кивнула Соня.

— Откуда? — спросил парень, мгновенно настороживаясь.

— Расслабься! — Рыжеволосая шадизарка усмехнулась. — Все просто. Вы ведь в дорогу не пешком отправились, а сейчас топаете на своих двоих, — начала объяснять она, — и я думаю, что расстались вы лошадьми не по доброй воле.

— Верно. — Парень явно успокаивался. — Так оно и случилось. — Он угрюмо замолчал и вдруг с яростью выкрикнул: — Будь проклят тот день, когда повстречался нам этот Ханторек!

— Значит, я не ошибся, — слегка улыбнулся Альво.

За едой Харал и Альрика — так звалиочных гостей — поведали друзьям о своих приключениях. Как и предполагала Соня, оба оказались родом из Келбаци, столицы Бритунии, оттуда же и отправились в дорогу. Путь их оказался намного короче, но, пожалуй, не менее трудным, чем у шадизарцев. Они уже подъезжали к Граскаалю, когда на них напали бандиты из Пограничного Королевства. Соня усмехнулась, увидев, как передернуло Альрику, когда она вспомнила о них.

К счастью, в первую же ночь им удалось сбежать. Альрика сстроила глазки приставленному к ним громиле, а Харал разделялся с ним. Утром исчезновение пленников обнаружили, началась погоня, но беглецы укрылись в горах. Пять дней они пробирались сюда, питаясь кореньями и побегами. Нормально поесть им довелось только дважды.

Затем Соня поведала им свою историю, и после недолгих препирательств дальше решили действовать вместе.

— Ханторек объяснил вам, как найти храм? — поинтересовался один из близнецов.

Парень отрицательно помотал головой и, прожевав очередной кусок, объяснил:

— Нет. Он сказал лишь, что храм стоит в самом конце долины и до него примерно день пути для конного.

— Что будем делать? — спросил рассудительный Альво.

— Не нравится мне все это, — заявил вдруг Сям, и Там кивнул, поддерживая брата.

— Никому не нравится, — буркнул Сурхан. — Не об этом разговор. Мы идем туда или возвращаемся — вот что нужно решить сейчас.

— Я бы вернулась, — поспешила проговорила Альрика. — Хватит с меня приключений. И денег мне не нужно. Пропади они пропадом!

— Понятно, — кивнул немедиц и обернулся к ее спутнику: — Ты как?

— Я с ней согласен. — Он поморщился. — Но как-то обидно уходить, когда уже почти добрались до места.

— Ты как, Соня?

— Я пойду дальше, даже если останусь одна, — заявила девушка и гордо тряхнула огненными кудрями. — Я пришла сюда не из-за денег и знала, что меня ждет. Так что назад не поверну. Ты сам-то что собираешься делать? — спросила она у немедица.

Тот равнодушно пожал плечами:

— Не в моих правилах останавливаться на полпути. Я с тобой.

— Про меня не забудь, — прогудел Сурхан.

— Не беспокойся, Малыш, — с почти братской нежностью улыбнулся другу Альво, — куда я без тебя? — И обернулся к братьям: — Вы?

— Раз все идут, мы-то чем хуже? — ответил за обоих Там.

— Ты?

Альво обернулся к бритунке, которая смотрела на всех округлившимися от страха глазами.

— Я одна обратно не пойду! — выкрикнула она.

— Вот и отлично. — Соня обвела спутников внимательным взглядом, и никто не отвел глаз. — Теперь хочу сказать еще кое о чем. Это дело гораздо опаснее, чем все вы думаете.

— Ты о чем это? — заинтересовался Сурхан, перестав жевать.

— Клинок Тьмы, за которым мы идем, пытаются выкрасть не первый год, но до сих пор никому так и не удалось это сделать.

— Ну и что? — простодушно спросил туранец. — Многие вещи похищали не с первого раза.

— Все правильно, — усмехнулась Соня, — но я на всякий случай еще в Шадизаре навела кое-какие справки.

— И что ты узнала?

— Что узнала? — повторила она. — Помните одноглазого Бартака, который пропал год назад? Или хитреца Гаттуса, что хвалился выгодным заказом, а потом исчез? Помните Кагула-молчуна и его подругу — красавицу Яру? Хотите еще имена? Могучий Лар, неуловимый Вардан — этих людей я знала, но есть еще и другие. Артан, Гарпаг, Ки-

лия, Рубех, Ватун — о них я только слышала, и мне назвали еще с десяток имен тех, кого нанимал смотритель шадизарского Следа Белой Волчицы Влтах для каких-то таинственных дел, и все они после этого пропали без следа.

Альрика побледнела. Какая же она дура! Сидела бы себе дома да приворовывала понемногу... Так нет же — больших денег захотелось! Она вспомнила, что и в Келбаце таинственно пропадали люди, и холодок пробежал по ее спине. Девушка вздрогнула и едва не выронила мясо из ослабевших пальцев, но спокойный голос огромного туранца вернул ее к действительности.

— Ну и при чем здесь Ханторек?

— А при том, — медленно проговорила Соня, — что, приехав в Шадизар, он остановился не в душене, не в таверне и апартаментов себе не снял, а направился прямиком в местный храм Белой Волчицы.

— Ты хочешь сказать, что один из клана Белой Волчицы ищет людей, чтобы они похитили веять из храма бога, которому он служит? — недоверчиво переспросил ее Альво.

— Необычно, правда? — усмехнулась Соня. — Он и его люди из года в год отбирают самых хитрых, самых ловких, и, как теперь мы знаем, не только в Заморе. Потом они направляют избранников сюда, и...

— Что-то мне расхотелось идти дальше, — испуганно прошептала Альрика.

— Всем идти и не придется, — успокоила ее шадизарка. — Кто-то непременно должен остан-

ся с лошадьми, и неплохо бы обеспечить хоть какое-то прикрытие на случай, если придется спасаться бегством. Конечно, о серъезном отпоре думать не приходится, но два-три конных лучника сильно помогут тем, кто вырвется. Хотя я надеюсь, что все пройдет гладко и уйдем мы так же тихо, как и пришли.

Мужчины молчали. Все они были не новичками в своем деле, и их не приходилось ни пугать, ни подбадривать. Но о том, что их нарочно заманили сюда, никто прежде не думал.

— Почему ты раньше ничего об этом не говорила? — Альво нарушил наконец молчание.

— А много ли раньше я о вас знала? — ухмыльнулась девушка. — Это теперь я уверена, что на любого могу положиться.

— О, Бел! — Немедиц сердито отмахнулся. — Мы давно ведь уже притерлись друг к другу. Могла бы и поделиться сомнениями.

— Верно, — не стала спорить Соня, — но есть еще кое-что. — Девушка замолчала и ждала до тех пор, пока нервы ее собеседников не натянулись, как тетива лука. — За нами следили, — произнесла она зловещим шепотом.

— Следили... — ошарашенно повторил немедиц. — И кто?

— Ворона!

Своды пещеры дрогнули от дружного хохота, и только Соня даже не улыбнулась, терпеливо ожидая, когда друзья угомонятся.

— Успокоились? Теперь слушайте меня внимательно. Так вот, как только мы покинули Ша-

дизар, у меня возникло нехорошее чувство, как будто кто-то смотрит мне в спину. И, должна сказать, внутренний голос никогда не обманывал меня. Я обернулась, но никого не увидела, только высоко в небе заметила черную птицу, но тогда не обратила на нее особого внимания.

— Странно,— перебил ее Альво,— а ведь и я почувствовал то же самое, но потом плюнул и забыл об этом.

— А я нет. Я все время пыталась подстеречь того, кто плетется за нами, но ничего не получалось.

— Помню,— хмыкнул Сям.— Поначалу ты вела себя странно, но я решил, что это женские капризы.

— Само собой,— состроила гримасу Соня.— Что ты еще мог подумать? Но именно поэтому я и промолчала. Вы все равно не восприняли бы мои слова всерьез. Да и тот, кто следил за нами, мог подслушать. Но сегодня я почувствовала, что взгляд исчез, и вдруг увидела огромную ворону, которая летела в глубь долины.

— Я тоже ее видел,— кивнул Альво.

— Быть может, дело и не в ней,— задумчиво сказала Соня.— Но ведь мы идем в храм зверопоклонников... Кто знает, на что они способны?

Ханторек поднялся, стараясь не потревожить спящую Халиму, и, подойдя к столу, обернулся. Молодая женщина соблазнительно раскинулась на простынях, черные как вороново крыло волосы

разметались по подушке. Она спала... Или делала вид, что спит. Только что она дарила ему ласки, а он, закрыв глаза, пытался убедить себя, что сжимает в объятиях не опостылевшую гирканку, что не ее, Халимы, тело дрожит в его руках от возбуждения, что не с ее губ, а из уст рыжеволосой шадизарки вырываются страстные стоны. Но стоило открыть глаза, и чудесное видение, в которое он сам уже готов был поверить, пропало...

Он стиснул зубы, налил вина, но внезапно передумал, поставил кубок на стол и подошел к окну. Как хорошо все шло! Он уже почти заставил себя забыть о ней. И вдруг... Все пошло пражом, когда он узнал, что шадизарцам удалось добраться до долины. Путь до Логова должен занять у них сутки, но вороне, чтобы преодолеть то же расстояние понадобилось гораздо меньше времени. Солнце еще не успело опуститься за вершины гор, а она уже влетела в открытое окно, где ее ждали.

Настоятельница первой узнала новость и тут же велела снять всех наблюдателей. Не мог же он теперь явиться к Разаре и сказать: «Я все это время думал и наконец понял, что набрал скверных кандидатов. Прошу меня простить, а их уничтожить!». Он усмехнулся. Да еще проклятый Север здесь! Ханторека то же самое известие застало в постели, и он не на шутку испугался. Как сумели они пробраться через все кордоны, которые он постарался выставить у них на пути?! Впрочем, он недолго ломал голову над этим. Воспоминания о

рыжей амазонке нахлынули на него, превратив ласки Халимы в пытку!

Он вдруг представил, что они уже здесь, но почти сразу успокоился. Тридцать человек уже пришло, а в живых осталось только двое. Рано еще хоронить себя.

«Тьфу! Баба!» — зло плюнул он, осушил залпом кубок турецкого красного, отпихнул девушку к стене и завалился спать.

Глава третья

Близился полдень, но теперь, на сытый желудок да при свете дня, ночные страхи показались молодым людям едва ли не смешными.

С приходом бритунцев число охотников за кинжалом увеличилось до семи, и за завтраком они без лишних споров распределили между собой обязанности, договорившись поделить барыш поровну, кому бы ни сопутствовала удача. Сурхан не возражал против того, что он как самый могучий и самый заметный из всех будет прикрывать остальных. Альво, хоть и неохотно, согласился остаться с приятелем: годы совместной работы приучили их понимать друг друга с полуслова. Что же касается Альрики, то девушка даже не пыталась скрыть радости по поводу того, что ей не придется лезть в храм, где бесследно пропало столько людей.

В путь тронулись только после обеда, предварительно подготовив запас мяса.

Солнце стремительно поднималось к зениту, и задолго до полудня начало припекать. Одна-

ко, когда небольшой отряд въехал под сень вековых сосен, жара перестала ощущаться — здесь царили тень и приятная прохлада. Тропа, по которой они спустились накануне в долину, вела, как выяснилось, на берег небольшой реки, что брала начало в горах, за которыми лежала мрачная и холодная Гиперборея. Однако заговорщики сразу отвергли этот удобный путь, рассудив, что если непрошеных гостей ждут, то именно здесь.

Вместо того чтобы ехать вдоль берега реки, они направились на юг и, только достигнув противоположного гребня, повернули на восток. Постепенно долина расширялась. Об этом они узнали, когда вечером остановились на ночлег и отправили на разведку Альво. Вернувшись, он рассказал, что долину не пересек, а, выбрав самое высокое дерево, взобрался на его вершину и осмотрел окрестности.

Начертив на песке план, он объяснил обступившим его товарищам, что и где находится. Получалось так, что до храма им оставалась третья пути. Дальше долина простиралась на восток, затем сворачивала на юг, а о том, что скрывали далекие горы, оставалось только гадать.

Сам же храм, по словам Альво, представлял собой несколько обнесенных стеной каменных зданий, и размеры его даже с такого расстояния казались внушительными. Однако рассмотреть подробности немедиец не сумел.

Ночь прошла без происшествий. На следующий день отряд продвинулся еще дальше к вос-

току и остановился напротив храма, с южной стороны ущелья. Совсем рядом отыскали уютную пещеру, незаметный узкий вход в которую прятался в густом ельнике. Ни люди, ни звери явно не заглядывали сюда. Тут и решили устроить временное пристанище. Сурхан достал меч и осторожно полез внутрь, взяв с собой срубленный ствол смолистой елочки вместо факела. Ход тянулся в глубь горы, но примерно через десять шагов лаз резко расширялся, превращаясь в небольшую пещеру, где вполне могли укрыться семь человек. Постели устроили из еловых лап, а коней оставили снаружи, на полянке перед входом.

На следующее утро две пары разведчиков — братья и Альво с Харалом — переправились через речушку и на северном берегу разделились. Братья пошли в обход храма, а юркий немедиец снова взобрался на дерево, чтобы заглянуть за стены. Харал остался внизу охранять его.

* * *

Мать-настоятельница неподвижно застыла в кресле. Огромный гирканец возбужденно шагал из угла в угол, изредка бросая подобострастный взгляд на седовласую женщину. Иногда, правда, великан смотрел и на третьего человека, находившегося здесь же, и тогда в глазах его вспыхивала ненависть. Гигант поспешил отворачиваться, не желая, чтобы взгляд выдал его чувства, хотя человек этот явно был слабее его. По крайней мере, так считал сам Кучулуг.

Север, которого так ненавидел великан, носил звание Вожака. Он командовал военной ветвью клана и подчинялся только матери-настоятельнице, а занимался всем, от секретных заданий Разары и до обучения послушников. Кучулуг, который возглавлял внутреннюю охрану и отвечал за то, чтобы послушники овладели воинским искусством, считал себя более достойным звания Вожака и давно уже бросил бы Северу вызов, если бы не знал, что настоятельница питает к этому высокочке странную слабость.

Ожидание затягивалось, и нетерпеливый гирканец сильно нервничал. Наконец за стеной послышались торопливые шаги, дверь отворилась и на пороге возникла тщедушная серая фигура отца-настоятеля. Разара повернулась к вошедшему:

— Где они?

— Все еще в лесу, — сказал Ханторек, понимая, что ответ его вряд ли удовлетворит главу клана. — Однако, — добавил он, словно оправдываясь, — где именно, неизвестно. Ты сама отозвала наружное охранение.

— Ни к чему напоминать мне, что я делала! — резко оборвала его Разара. — Тем более ты сам просил об этом!

— Я помню, — побледнев, ответил человек в сером. — Я лишь хотел заметить, что, быть может, пора позаботиться о том, чтобы они не ушли?

Мать-настоятельница закрыла глаза и погрузилась в раздумья.

— Они действительно так хороши, как ты говорил? — Разара пытливо посмотрела на Ханторека.

река. — Или ты несколько поторопился и переоценил их?

— Нет! — поспешил выпалил он, чувствуя, что все глубже увязает в собственных противоречивых желаниях, и Кучулуг пренебрежительно хмыкнул — жалкая душонка! — Нет, — повторил отец-настоятель уже спокойнее. — Девушка действительно очень хороша. Смело могу утверждать, что второй такой не было еще среди кандидатов и нет не только среди послушниц, но и среди настоятельниц... По уму, — добавил он.

— Тем более я не хочу рисковать, — заметила Разара. — Если девушка такова, как ты говоришь, она может заметить наблюдателей... И кончим об этом!

Ханторек, который собрался было что-то возразить, сдержанно поклонился и отошел в сторону.

— Не понимаю, чего они ждут? — раздраженно бросил гирканец. — Уже третья сутки пошли, как они в долине!

— Значит, они действительно умнее прочих, — спокойно заметил молчавший до сих пор Север.

— Что ты предлагаешь? — оторвавшись от своих мыслей, спросила мать-настоятельница.

— Я склонен согласиться с отцом-настоятелем, — ответил он, и Ханторек прижал руку к сердцу и слегка поклонился тому, кого искренне не любил. — Правда, с несколько иной целью.

— А именно?

— Я бы предложил им выбор, минуя испытание, — пояснил Север.

— Нет! — ответила мать-настоятельница столь жестко, что стало понятно: решения своего она не изменит. — Испытание — не просто проверка их качеств. Оно позволяет прошедшим его почувствовать себя избранными и одновременно показывает им участь иных людей.

— Если они и впрямь столь ловки, — спокойно возразил Вожак, — то вполне могут выполнить заказ отца-настоятеля и ускользнуть от нас.

— От меня никто не уйдет! — огрызнулся Кучулуг, и глаза его полыхнули гневом и ненавистью.

— Хорошо. — Разара встала, показывая, что разговор окончен. — Я выслушала вас и теперь говорю: все остается без изменений. Наружного наблюдения не выставлять. До темноты они не сунутся. Как только солнце сядет, — она обернулась к гирканцу, — снимешь внутренние посты.

— Но как же я тогда?.. — растерянно пробормотал тот.

— Это твое дело, — отрезала Разара. — Я не желаю, чтобы кто-то из них заметил наблюдателей и все они скрылись раньше, чем слабые сгинут, а сильные попадутся! — И уже спокойнее добавила, взглянув на Ханторека: — О девушке можешь не беспокоиться. Ею займется Север.

Немедиц примостился на сосновой ветке и принялся изучать расположение зданий в храме, пытаясь понять назначение каждого из них. Все сомнения в том, что это и есть Логово Белой Вол-

чицы, рассеивал барельеф с изображением оскаленной волчьей морды на запертых воротах храма. Храм не производил особого впечатления. Он больше походил на несуразную, бестолково построенную крепость. Сложенная из серого гранита стена могла удержать разве что диких зверей, которые в избытке водились в лесу, но человек, даже не слишком ловкий, вполне мог бы перебраться через нее.

Логово оказалось большим. Не менее тысячи шагов составляла длина каждой из четырех ограничивавших внутренний двор стен. Вдоль них тянулась широкая — примерно в полсотни шагов — полоса совершенно свободного от растительности пространства, далее рос густой подлесок, и только потом начинался сам лес. Альво не заметил на стенах стражи, так что если кто-то и наблюдал за внешним миром, то делал это весьма искусно. Как бы там ни было, но незамеченными подобраться к стенам можно только ночью.

Альво еще раз осмотрелся — вокруг ни души. Внизу, дожидаясь его, замер бритунец. Сверху-то он виден как на ладони, но со стороны храма его, похоже, заметить нельзя.

— Ну как? — коротко спросил парень, когда немедиц спустился с дерева.

— Нормально, — так же коротко, хотя и не вполне определенно отозвался Альво.

— Видел кого-нибудь?

— Внутри — да, снаружи — никого.

Больше Харал ни о чем спрашивать не стал, и оба направились назад. У входа в пещеру их под-

жидали друзья, но братья еще не вернулись. Вскоре, однако, появились и они.

— Повсюду лес, полно зверья и ни одного человека,— сообщил Сям.

— В горах прохода нет,— добавил от себя Там.— По крайней мере, около храма горы неприступны.

— Нергал с ними,— прогудел Сурхан.— Меня больше интересует, что внутри.

Он вопросительно посмотрел на друга. Альво кивнул и, достав из-за полы халата свиток, развернул его на земле. Все сгрудились вокруг маленького немедийца и принялись рассматривать нацарапанный им на куске пергамента план.

— Стены невысокие, не больше десятка локтей,— начал объяснять Альво.— На такую и ребенок заберется, не ободрав коленок. С внутренней стороны, вдоль стен, тянется ряд домов. Некоторые из них походят на сараи, но те, что расположены в дальнем от нас, северо-восточном, углу гораздо богаче.

— Ничего удивительного,— с усмешкой заметила Соня.— Настоятелям, или кто там у них еще, не пристало жить в салях.

— Впрочем, сараи — тоже не совсем верно,— сам себя поправил немедиец.— Здания добротные, просто не слишком красивые, но в общем ты права,— согласился он.— Прямо перед дворцом,— он ткнул пальцем в пергамент,— раскинулся настоящий парк с прудом на ближнем к нам крае и фонтаном на дальнем.

— Ну-ка, покажи,— заинтересовалась Соня.

— Вот и вот,— указал немедиец.— Но почему ты спрашиваешь?

— Потому что святилище с алтарем находится неподалеку от водоема. А святилище — это то место, где нам следует искать кинжал.

— Интересно,— задумчиво произнес Там.

— В юго-западном углу, как раз напротив дворца с парком, расположен большой плац,— продолжал тем временем Альво.— За ним небольшой лесок. Вот, собственно, и все.

— А это что? — Соня показала пальчиком на точку в середине парка.

— Колокол.

Девушка кивнула. Они слышали его торжественные и печальные удары, неприятно походившие на стоны, исторгнутые болью. Первый — чуть позже восхода солнца, второй в полдень и на закате третий. Скорее всего, один — сигнал к подъему и завтраку, другой отмечал обеденное время, а последний — ужин или отход ко сну.

— Там есть места, где можно спрятаться? — поинтересовалась шадизарка.

— Ты же знаешь, Соня,— Там картинно развел руками,— хороший вор всегда найдет, где укрыться от любопытных глаз.

— Брось, приятель! — оборвала его девушка.— Сейчас не время балагурить. Думаю, те, кто появлялся здесь до нас, тоже шли не на первое в своей жизни дело, но, раз не вернулись, значит, попались.— Она выразительно посмотрела на друзей.— И где бы ни находились они сейчас, у меня нет ни малейшего желания составить им компанию.

— Хватит вам спорить, — примирительно прорвичал Сурхан. Он очень не любилссор между друзьями. — Ясно, что спрятаться можно лишь в парке или лесу.

— Верно, — кивнула Соня. — Я тоже так подумала. И те, кто не вернулся, скорее всего, тоже. — Она помолчала. — По-моему, туда соваться нельзя. Там-то нас и ждут.

— С чего это ты взяла, что нас ждут? — судорожно глотнув, спросила Альрика и испуганно посмотрела по сторонам.

— Все просто, — пояснил Альво. — Зачем ставить ловушки на открытом месте? И о вороне забывать не стоит. Если она и в самом деле следила...

— Да брось ты! — Туранец махнул огромной ручищей. — Ворона-доносчица — бред! — Он гулко хохотнул и кивнул на Альрику. — Девчонку вот только напугали до смерти!

Братья с готовностью загоготали, впрочем, не так пронзительно, как прежде.

— Я не собираюсь никого пугать, — спокойно возразила Соня. — И убеждать в своей правоте тоже никого не стану. Просто хочу, чтобы вы не забывали, что храм этот принадлежит зверопоклонникам, а о них ходит множество неприятных слухов. Будто звери служат им по добреи воле, а те из служителей, кто достиг определенного уровня мастерства, и сами умеют превращаться в зверей.

— Сказки, — благодушно отмахнулся туранец.

— Может, и сказки, — примирительно сказала Соня, — а может, и нет. Я знаю только одно: если

это правда, то нас ждут. И лучше уж считать именно так и ошибиться, а не наоборот.

Сурхан собрался было возразить, но Альво положил руку ему на плечо, и великан промолчал.

— Спорить не о чем, — вновь заговорил немедиц. — Будем считать, что нас ждут. Вопрос: где проще пробраться внутрь?

— Ясно, что на западе, где лесок примыкает к стене, — сказал Там. Спрыгиваешь — и через десяток шагов ты уже под деревьями, а если что-то не так, то тем же путем уходишь.

— Верно, — согласился с братом Сям, — а это значит...

— ...Что там-то нас и ждут, — вновь заговорил Там, повторяя слова Сони.

— Я тоже так считаю, — кивнула девушка.

— Рано или поздно, но нас все равно заметят, — заговорил Харал.

— Совсем не обязательно, — возразила Соня. — Нам ведь незачем блуждать по всему Логову, как то делали наши предшественники. Мы знаем, что есть святилище, внутри которого на алтаре лежит жертвенный кинжал. Святилище расположено у воды, а водоемов в Логове два — пруд и фонтан. Поэтому, как только перелезем через стену, сразу туда. — Она помолчала. — Так что если даже нас обнаружат, то лучше уж поздно, чем рано. Даже если придется бежать, то вполне возможно, что к тому времени кинжал уже будет торчать у кого-то из нас за поясом.

— Верно, — кивнул Там. — Значит, лезть через стену нужно поближе к воде и подальше от леса...

Он ткнул пальцем в карту.— Озеро находится между лесом и парком. Зато фонтан — в парке, ближе к дальнему его краю. Что нам остается? Северная стена, ближе к западному углу.

— Точно,— согласился Альво,— но вот, что меня смущает... Ни рядом с фонтаном, ни рядом с озером я не заметил ни одного строения, где мог бы располагаться алтарь.

— Ты уверен?

— Вообще ничего!

— Странно,— сказала Соня и задумалась.

— Не ходите в это Логово! — затянула свое Альрика.— Сердцем чувствую, вы все там погибнете!

Никто, однако, не обратил внимания на ее стоны. Все взгляды устремились на Соню, словно она была главарем этой маленькой банды.

— Я, кажется, поняла, в чем тут дело,— заговорила наконец девушка.— Скорее всего, рассказавший мне об этом сам не все знал. На самом деле святилище с алтарем находится не рядом, а, может быть, только ближайшим к водоему.

— Тогда этот водоем — фонтан,— убежденно произнес Альво.— На западе от озера высится стена, а на востоке — те самые сараи. Вряд ли алтарь находится в одном из них. Правда, перед ними я видел небольшой круглый павильон. О нем тоже нужно помнить.

— Согласен,— кивнул Сям.— Ищем рядом с фонтаном. Что там вокруг него?

— Он на южном краю парка,— принялся объяснять немедиец,— но сам парк не слишком велик,

и со всех сторон его окружают несколько небольших построек, в которых может оказаться все что угодно. Разве что две беседки не вызывают вопросов.

— Вот там и начнем искать в первую очередь,— сказала Соня.

— Хорошо,— подытожил Альво.— Итак, мы втроем останемся снаружи и будем ждать вас у юго-западного угла Логова.

— Возможно, уходить придется с шумом,— напомнил Там.

— На этот случай я буду с дерева наблюдать за происходящим.— Альво обернулся к бритунке: — Ты хорошо стреляешь из лука? — Та судорожно кивнула, и немедиец продолжил: — Значит, Сурхан с Альрикой ждут вас с лошадьми и в случае чего прикроют. Однако мой вам совет — при малейшей опасности уходите. Нергал с ним, с этим ножом! К тому же вернуться никогда не поздно.

Донесшийся до них через мгновение далекий удар колокола невольно заставил всех вздрогнуть. Наступил вечер, и настало время от слов переходить к делу.

* * *

В комнате матери-настоятельницы собрались те же четверо, что и утром. Когда нижний край солнца исчез за вершинами гор, зазвонил колокол, и Разара встала.

— Пора,— проговорила она, обращаясь одновременно ко всем.— Идите и не упустите их.

В течение последних трех дней, начиная с того вечера, когда Вестница вернулась в Логово, чтобы сообщить о приходе гостей и тут же отправиться обратно, сцена эта повторялась перед каждым заходом солнца.

— Они могут и сегодня не прийти,— хмуро заметил Ханторек.

— Не думаю. Но, если ты окажешься прав, придется завтра вылавливать их из леса,— поджав губы, заявила мать-настоятельница.— Но это завтра, а сегодня мы ждем их, и солнце уже садится.

Вновь, как и утром, трое мужчин направились к выходу, и как ни короток оказался разговор, но на каждого из присутствовавших он подействовал по-своему.

Кучулуг явно повеселел. Его откровенно радовало, что завтра он выйдет на охоту. Он давно уже решил, что эти воры просто-напросто струсили и трехдневная задержка вызвана вовсе не осмотрительностью чужаков.

В отличие от гирканца Север и Ханторек покинули мать-настоятельницу в задумчивости. Вот только думали они о разном.

С тех пор как стало ясно, что план его не удался и шадизарцы добрались до места, отец-настоятель потерял покой. Ласки Халимы уже не приносили ему прежней радости. Девушка чувствовала это, но не понимала, в чем дело, и это еще больше портило их отношения. Ханторек же не мог думать ни о ком, кроме рыжеволосой красавицы, жаждал обладать ею и боялся ее появления в Логове.

Что же касается Севера, его мучили иные заботы. Пожалуй, именно сейчас он впервые до конца понял, что его тревожит. Подспудно он все последние дни чувствовал, что с появлением чужаков что-то должно измениться в Логове. Похоже, эта мысль давно зрела в его мозгу, но впервые он осознал ее после утреннего разговора, хотя и не мог сказать, что подтолкнуло его к такому выводу. Он пытался убедить себя в том, что это пустое, просто слишком много разговоров велось об этой шадизарской воровке со странным именем Соня, но ничего не помогало.

Тогда он заставил себя выкинуть все из головы и сосредоточиться на одном: как поймать эту пятерку. Он знал беспощадный нрав Разары и не сомневался, что, если не устережет свою подопечную, его ждут большие неприятности, несмотря на то что мать-настоятельница, похоже, искренне уважает его. Однако превыше всего она ценит исполнительность и не прощает ошибок.

Он попытался представить, чего можно ждать от умных, знающих свое дело воров, и понял, что дело плохо. Если бы он мог хотя бы мельком взглянуть на них, то по лицам, по походке сумел бы, хоть и поверхностно, судить о каждом; но это было невозможно. Он снова задумался и понял, что лесок, в котором так удобно скрыться, спрыгнув со стены, не для них.

* * *

— Пора,— сказала Соня и отправилась в пещеру.

Вскоре она вернулась, неся в руках упакованные в тугой сверток свои драгоценные доспехи. Теперь тело ее скрывали кожаные штаны и темно-серая бархатная рубаха с капюшоном, который скрывал роскошные волосы девушки. Невысокие сапоги защищали ноги, на простом пояске висели меч, небольшая кожаная сумка и десяток метательных ножей.

— Возьми.— Она протянула сверток девушке и ободряюще улыбнулась.— Отдашь, когда вернусь, ну а нет... Тебе самой пригодится.— После этого она подошла к Сурхану, пошарила в сумке и достала несколько увесистых мешочек.— Спрячь. Здесь около двух тысяч золотом.

— Зачем это? — удивился турانец.

— Там,— девушка кивнула в сторону Логова,— они мне только помешают, а если попадусь, то их все равно отберут. Так что...

— Слушай, девочка! — грозно рыкнул великан.— Ты кончай эти разговоры насчет того, что будет, если ты не вернешься! — Он укоризненно покачал головой.— Мне это не нравится...

— Не беспокойся за меня,— с улыбкой ответила девушка, но от этого выговора на душе у нее потеплело.— Не собираюсь я попадать в руки этих выродков.

— И тем не менее,— вмешался Альво,— раз уж зашел разговор о неприятностях, то следует учесть и такую: нам придется бежать, и дороги наши разойдутся. Где мы в этом случае встретимся?

— Чем для тебя плох Шадизар? — ухмыльнулся Там.

— Шадизар хорош всем, кроме одного — слишком далек,— резонно заметил немедиц.

— В Келбаце нас с Харалом все знают,— робко предложила девушка,— и это гораздо ближе.

— А мы сумеем там укрыться от мести жрецов? — Альво вопросительно посмотрел на девушку, и та смущенно потупилась.— То-то и оно. Вот разве что...

— Ханумар,— спокойно договорила за него Соня.— Враг нашего врага запросто может оказаться нашим другом.

— Но может и не оказаться,— возразил Сям.

— Может,— согласилась Соня.— Но приспешники Волчицы туда точно не сунутся.

— Значит, Ханумар,— подытохнул Альво.— А там посмотрим.

* * *

Быстро темнело. Семь человек осторожно пробирались сквозь укрытую ночной мглой чащу леса. Шестеро выглядели совершенно спокойными, а вот седьмой, девушка, явно нервничал. За каждым кустом ей мерещилась засада, под каждым деревом — невидимый сторож.

Впереди послышался неясный шум, и Альрика вздрогнула. Засада! Они с самого начала знали все их планы! Соня оказалась права: кто-нибудь из служителей обернулся лесной тварью, нашел их убежище и подслушал все разговоры! Их ждут... Сейчас всех схватят!

Соня неслышно подошла сзади и положила руку ей на плечо. Лицо Альрики исказилось от

страха. Она с трудом подавила рвущийся наружу крик и осторожно повернула голову, отчаянно боясь встретиться взглядом с неизвестным, который...

— Успокойся, — прошептала Соня. — Нельзя так доводить себя. Это же просто ручей!

— Уф-ф-ф! — только и смогла ответить бритунка, чувствуя, как предательски дрожат колени.

— Дыши глубже, старайся не думать об опасностях. Думай о том, что ночь хороша, воздух свеж, что к утру мы уйдем отсюда и все кончится. Ну?!

Соня легонько встряхнула девушку и заглянула ей в глаза. Та благодарно кивнула в ответ, но чувствовалось, что если она и придет в себя, то случится это еще не скоро. На всякий случай шадизарка пошла рядом.

Однако именно эти несколько слов, сказанные торопливым шепотом, помогли Альрике сбраться. Она восхищалась рыжеволосой амazonкой. Какая она смелая! И красивая. Умная, красивая и смелая! Нет, когда они выберутся отсюда, она постарается во всем походить на Соню. Только бы выбраться...

Идущий впереди Сурхан поднял руку, и отряд остановился. Альво отдал поводья туранцу и с обезьяньей ловкостью вскарабкался на высоченную сосну. К своему удивлению, Альрика обнаружила, что рассуждения о достоинствах новой подруги помогли ей успокоиться. Сердце ее уже не сжалось от страха, и она верила, что все будет хорошо.

Сверху посыпались мелкие чешуйки сосновой коры, и через мгновение Альво уже стоял рядом.

— Все спокойно, — сообщил он. — Мы останемся и подождем вас здесь. Вам лучше подобраться к стене и идти дальше под ее прикрытием.

Они расстались не прощаясь. Только братья, как перед тем Соня, отдали туранцу свои деньги. Двое молодых мужчин и девушка смотрели им вслед. Вскоре пятерка достигла стены, и немедиец, неслышно отойдя от друзей, вернулся на свой наблюдательный пост.

Впереди шагали двое братьев, последним шел бритунец, а между ними — Соня. Ни из леса, ни из-за стены не доносилось ни звука. Девушка окинула стену внимательным взглядом. Следовало бы, пожалуй, возвести ее повыше, но поскольку этого не сделали, Соня подумала, что строили стену, похоже, не для защиты от возможного нападения, а скорее, чтобы обозначить границы Логова.

Что ж, им это только на руку. Альво прав: на такую стену и ребенок заберется. Пока Соня рассуждала, они дошли до угла. Здесь все остановились и не спеша осмотрелись — ни малейшего признака опасности. Ветер стих, ветви деревьев неподвижны. Там кивнул на стену — пора, но Соня отрицательно качнула головой и посмотрела на небо. Трое мужчин задрали головы: с востока шли густые облака, и первое из них вот-вот должно закрыть ночное светило.

Вскоре край облака коснулся луны, и тьма спустилась в долину, в считанные мгновения

пробежав ее с восточного края до горной тропинки на западе.

— Пошли!

Быстро и бесшумно Соня вскарабкалась по стене и замерла, слившись с ней. В десяти шагах от нее высилась трехэтажная громада дворца, отстроенного с тонким вкусом. Даже задняя стена здания имела сложную форму, словно морская волна. Кованые решетки защищали застекленные окна первого этажа.

— Все спокойно,— прошептал Сям.

Соня кивнула, и все четверо перемахнули через стену. Уже спустившись, она быстро оглянулась: внутренняя часть стены ничем не отличалась от внешней. Это хорошо, не возникнет затруднений при бегстве. Осторожно ступая, они миновали дворец и, не доходя десяти шагов до следующего здания, остановились. Пространство между домами оказалось вымощено каменными плитами, сквозь стыки которых пробивалась трава.

— Что будем делать дальше? — едва слышно прошептал Харал.

— Я предлагаю разделиться.— Соня вопросительно взглянула на спутников, и все трое кивнули, соглашаясь.— Вот он, фонтан.

Бритунец без лишних слов шагнул вперед, но Соня поспешила схватить его за руку:

— Ты что? Здесь нельзя!

— Это почему? — удивился тот.

— Разве не видишь? — Девушка указала рукой на землю.— Везде стыки заросли травой, а тут присыпаны песочком. Пойдем-ка лучше дальше.

Они двинулись вдоль следующего здания и вскоре достигли кромки леса, перед которым блестело озеро. На сей раз Соня не обнаружила вокруг ничего подозрительного, однако им снова пришлось ждать, пока новое облако не закроет сиявшую вовсю луну — через два дня должно наступить новолуние, и землю заливали потоки голубоватого света.

Пробравшись вместе вдоль торца здания, они разделились. Братья быстрыми перебежками отправились назад, но уже вдоль фасада, и вскоре скрылись в ближайшей беседке. Соня с Харалом точно так же перебрались к западной стене. Здесь они осмотрелись. С южной стороны в два ряда громоздились одноэтажные сараи, которые вблизи выглядели вовсе не так уродливо, как предполагала Соня со слов Альво. Перед ними стояло небольшое строение, круглое и низенькое, чем-то походившее на беседку с единственной, обращенной к девушке дверью.

В северной от них стороне, в паре сотен шагов, возвышался двухэтажный флигель, не слишком большой, но и не маленький.

— Если не возражаешь, я пойду туда.— Харал кивнул, показывая на флигель.

— Да,— согласилась Соня.— Но по дороге осмотри и беседку, что стоит ближе к середине. И не наступи куда не надо. Похоже, здесь просто так не погуляешь.

Бритунец нырнул в тень и растворился в ней. Соня же направилась к странному круглому зда-

нию, намереваясь быстро взглянуть, что там, и тут же присоединиться к Харалу. Ей не хотелось оставлять бритунца в одиночестве: она боялась за него. Келбаза не Шадизар. Парень, судя по всему, смел и умен, но опыта у него маловато.

Впрочем... Соня невольно замедлила шаг, но тут же отругала себя и, быстро достигнув стены, укрылась в ее тени. Она прислонилась спиной к шершавому прохладному камню и попытала сосредоточиться. Где должен храниться священный жертвенный кинжал? Уж наверное не в этих салях. Скорее всего, в покоях главы храма или неподалеку от них. По крайней мере, так подсказывает логика. Дальше все просто. Кинжал станут искать во дворце — это ясно как день. А где он на самом деле? Точно не там, где его должны искать в первую очередь. Это тоже ясно. Так где же?

Как они рассуждали, выбирая, где перелезть стену? Просто нашли самое неудобное место, где их могли заметить из нескольких десятков окон. Теперь она собирается сделать то же самое — искать кинжал в самом невзрачном из зданий.

Соня усмехнулась. Все это очень умно, а может быть, наоборот — слишком глупо. Но самое главное, что все ее рассуждения ровным счетом ничего не дают. И все-таки чутье подсказывало ей, что она права.

Она дождалась, когда новое облако погрузило мир в темноту, быстро вскрыла замок и неслышно вошла в дверь.

* * *

От фонтана в четыре стороны расходились посыпанные песком дорожки, вдоль которых стояло множество мраморных статуй. С западной и восточной сторон возвышались две беседки. Вода уютно журчала, было тихо, уходить отсюда не хотелось, но делать нечего. Ночь не бесконечна, и Там пошел налево, а Сям — направо. Беседки оказались самыми обычными, и, не заметив ничего интересного, братья одновременно вернулись к павильону возле фонтана.

— Ничего? — Там вопросительно посмотрел на Сяма, и тот отрицательно мотнул головой. — И у меня тоже. — Что делать-то будем?

— Остался еще павильон, — напомнил Сям.

— А дальше?

— А дальше, — Сям усмехнулся, — надо найти нашу предводительницу, мальчишку-бритунца и сматываться отсюда подобру-поздорову.

— Верно мыслишь, брат, — похвалил его Там. — Мне тоже не нравится здесь. Место явно жилое, парк вон ухоженный... А вокруг ни души.

— И если верить тому же Хантореку, — поддержал его брат, — люди здесь пропадают только так.

Не сговариваясь они посмотрели друг другу в глаза, одновременно развернулись и пошли к павильону.

— Странный он какой-то, — задумчиво проговорил Сям, глядя на брата.

Тот молча кивнул. На первый взгляд в павильоне не было ничего необычного. По бокам от

входа стояли две широкие каменные скамьи с ажурными спинками, а за каждой из них — по бронзовому воину. Один замахнулся копьем, явно угрожая своему противнику. Второй, находившийся по другую сторону прохода, целился в копейщика из лука. Оставалось только гадать, кто из них первым сумеет нанести роковой удар. Безвестный мастер, изготовивший статуи, несомненно, обладал огромным талантом. Каждый из воинов излучал такую угрозу и силу, что, будь они живыми существами, вряд ли нашлось бы много смельчаков, рискнувших связаться с ними.

Братья осторожно прошли мимо бронзовых стражей, нырнули в тень и остановились перед точно такими же скамьями для отдыха.

— Что-то мне совершенно не хочется заходить туда, — заметил Сям.

— Что тебя смущает?

— Посмотри. — Сям указал брату на испещренную круглыми отверстиями поперечную балку, нависшую над входом.

— Похоже, в былье времена здесь держали какую-то зверюгу, — задумчиво произнес Там. — А теперь клетку превратили в простой навес, даже скамьи поставили. Ну-ка погоди. — Он отошел в сторону и вскоре вернулся с увесистым валуном в руках. — Сейчас посмотрим.

Там наклонился, положил валун на землю и толкнул его. С глухим рокотом камень прокатился по первой плите, достиг второй, и перед лицами братьев с тихим шелестом метнулись темные молнии. Оба отпрянули. Вход перегораживал ряд

бронзовых стержней едва ли не в руку толщиной. Братья переглянулись, и оба почувствовали неприятную нервную дрожь.

— Мне надо отдохнуться, — сказал Сям и, сделав пару шагов назад, тяжело опустился на скамью.

Раздался громкий щелчок. Там резко обернулся, предчувствуя недоброе... Из груди Сяма торчала короткая стрела.

— Брат! — в ужасе воскликнул Там и бросился к нему.

Каменная плитка дрогнула под ногой, и бронзовый копейщик словно очнулся от вековой спячки. Он не стал целиться, потому что прекрасно знал, где враг. Он просто метнул копье и вновь замер, но теперь уже в расслабленной позе сделавшего свое дело воина. Тяжелый наконечник насеквозд пробил грудь человека. Там судорожно схватился руками за древко.

— Как глупо... — едва слышно прошептал он.

Силы быстро покидали умирающего. Он упал на колени, с трудом поднял голову и посмотрел в мертвое лицо брата.

— Прости, братишка... — Он попытался улыбнуться, но не смог. — Не посмеемся больше...

Когда рассвело, их так и нашли лежащими рядом. Похожих как две капли воды одинаково одетых мужчин, которые приняли схожую смерть.

* * *

Север вошел без стука, но когда встретился взглядом с Разарой, понял, что она ждала его

прихода... Впрочем, быть может, просто ожидала вестей.

— Они здесь,— коротко сообщил он.

— Кучулуг знает?

— Нет. Он, как обычно, наблюдает за стеной возле леса, но наши воры — умные воры,— пояснил он серьезно.— Они полезли вроде там, где их не ждут.

— Девушка с ними? — поинтересовалась мать-настоятельница.

— Не знаю, повелительница.

— Что с тобой, Север? — по-прежнему ровно произнесла Разара.— Прежде ты действовал растворнее.

— Я же говорю, наши гости — умные воры,— не смутившись, объяснил он.— Они дождались, когда туча скроет месяц, и только тогда проникли внутрь, причем действовали очень слаженно. В сгустившейся темноте я увидел только размазанные тени.

— Вот как...— задумчиво молвила мать-настоятельница, потом слегка наклонилась к столу и взяла в руки рисунок кинжала, который Ханторек брал с собой в Шадизар.

Она прикрыла глаза и бережно разгладила его, как слепец, который ощупывает незнакомую вещь.

— Кроме Ханторека этот лист держали в руках шестеро,— заговорила она, не открывая глаз.— Один из них отказался от предложения. Остальные пятеро пришли в долину.— Она продолжала поглаживать пергамент. Лицо ее напряглось, как у волчицы, когда та выискивает остывший

след.— Трое из них совсем рядом, двое чуть дальше,— сообщила она.— Похоже, они остались снаружи.— На миг она умолкла.— Но среди тех двоих девушки нет... Она здесь! — Разара взглянула на Божака.— Да, они не глупцы! Двоих оставили... Наверное, с лошадьми...

— Быть может, все-таки прекратить испытание и просто взять их? — вновь предложил Север.

— Нет.— Она покачала седой головой.— Им не уйти. Об этом я позабочусь. Пусть все идет как задумано. Ступай и проследи за девушкой.

Разара махнула костяной рукой в сторону двери. Север коротко кивнул и вышел. Некоторое время мать-настоятельница сидела не двигаясь, потом встала и направилась в соседнюю комнату. Комнатка оказалась совсем крошечной и совершенно пустой, если не считать небольшого круглого столика со стоявшей на нем высокой клеткой и примостившейся рядом конторки с письменными принадлежностями. Как и в шадизарском Следе, в клетке сидела ворона. Едва только дверь отворилась, ворона повернула голову и уставилась на вошедшую.

— У меня к тебе дело.— Настоятельница взяла небольшой листок и принялась что-то быстро писать на нем.— Отправишься к Вамматару,— начала объясня员 она, словно разговаривала с человеком.— Срок настал. Пусть ни один из них не уйдет.— Она закрепила записку на вороньей лапе и отворила дверцу клетки.— Лети!

Ворона бойко вскочила на подоконник, взмахнула крыльями и исчезла в ночном небе.

— Ну вот,— довольно произнесла женщина, ни к кому не обращаясь.— А теперь посмотрим, так ли она умна, как уверял меня Ханторек.

Она собралась вернуться в кресло, когда ей в голову пришла неожиданная мысль. А если девушка действительно умна, ловка и находчива? Если Ханторек не преувеличил? Более того, что если опасения Севера не беспочвенны? Вдруг она проберется в святилище и добудет кинжал?

Ну что ж, милости просим!

Разара быстро прошла по короткому коридору, открыла дверь и начала спускаться по винтовой лестнице, которая привела ее в подземелье. Здесь ход раздваивался. Один путь вел на север, ко дворцу, второй, совсем короткий, заканчивался тяжелой дверью, укрепленной полосами бронзы.

Перед дверью стоял человек в черном плаще с накинутым на голову капюшоном. При звуке шагов он насторожился, но, узнав мать-настоятельницу, успокоился. Ни она, ни он не сказали ни слова. Просто Разара вынула из-за пояса ключ, отомкнула замок, вошла внутрь и только после этого обратилась к сторожу:

— Если кого-нибудь увидишь или что-нибудь услышишь, немедленно позови меня.

Закрытая капюшоном голова покорно склонилась, и Разара закрыла за собой дверь.

* * *

Внутри оказалось еще темнее, чем снаружи, и теперь Соне пришлось дожидаться, когда туча уйдет и станет хоть немного светлее. Пока она

видела лишь некий темный барьер посредине круглой комнаты. Наконец рассеянный свет проник в окна, и девушка ахнула. Каменная стена толщиной в локоть опоясывала черный провал колодца десяти локтей в поперечнике. «А чего ты ждала? — Соня усмехнулась.— Должны ведь они откуда-то брать воду... Не из речушки же!»

А что это дает? Как что! Третий водоем! Как там сказал отец Пайр? Святилище находится рядом с водой... Соня задумалась. Быть может, вход скрыт под водой? Тогда это явно не фонтан. Озеро? Ну уж нет. Кто станет нырять в воду, чтобы попасть в святилище? Нет. Скорее, колодец, хотя и этот вход не слишком удобен. А если это не вход, а тайный выход? Так, на всякий случай. Или она зря теряет здесь время?

Соня собралась уже идти к озеру, когда еще одна неожиданная мысль посетила ее. Это ведь Гиперборея, а не Куш и не Зембабве! Даже в этой сравнительно теплой долине большую часть года вода скована льдом! Не зря колодец находится внутри здания. Значит, подводным выходом пользоваться можно не всегда... Неужели все-таки колодец?

Она перегнулась через край и посмотрела в темный, казавшийся бездонным провал. Взгляд проникал вниз только на пару локтей, дальше все тонуло в непроглядном мраке. Девушка достала из сумки монету и бросила ее вниз. Сердце тревожно стукнуло раз... И, прежде чем успело стукнуть во второй, раздался тихий всплеск — золотой кругляш достиг поверхности воды. Глубоко,

но вряд ли больше пятнадцати локтей. Впрочем, тоже немало.

Она быстро осмотрелась и увидела под самым потолком блок и свисающий с него конец веревки. Недолго думая, она вскочила на край колодца и, потянувшись, ухватилась за него. Веревка подалась почти без усилий, но где-то рядом, укрытый густой тенью, начал разматываться барабан. Послышался еще один тихий, едва слышный всплеск, и Соня почувствовала, что невидимая катушка размоталась полностью.

Девушка осторожно проверила веревку на прочность и начала медленно спускаться. Совсем скоро она очутилась в кромешной тьме, и дальше действовать пришлось на ощупь. Светлое пятно над головой успело превратиться в блеклое пятнышко, но Соня упрямо продолжала спускаться.

Скоро снизу повеяло сыростью, значит, веревка вот-вот кончится. Вдруг Соня почувствовала, что стена пропала и нога ушла в нишу. Она чуть смешилась влево, нащупывая ногами ее края, и начала потихоньку сползать ниже. Сердце ее учащенно забилось: неужели нашла? А почему нет? Она спустилась еще немного и ощущила под ногами твердую опору. Проем оказался невелик — чуть шире ее плеч, и идти пришлось слегка согнувшись.

Девушка вытянула руки вперед. Сделала два шага, еще два, еще... И руки ее уперлись в стену. Она начала ощупывать ее, и правая рука почти сразу угодила в пустоту — тесный лаз менял направление. Она повернулась и так же осторожно

двинулась вперед. Теперь проход стал выше и шире, однако не сделался светлее. Стены здесь оказались шероховатыми, но, сколько ни старалась, Соня так и не нашла ни одного стыка, словно коридор был вырублен в сплошной скале...

Шагов через двадцать ей показалось, что она что-то видит впереди. Пожалуй, нет... Просто тьма перед глазами, оставаясь такой же непроглядной, как и прежде, стала менее плотной... Еще через двадцать шагов она поняла, что не ошиблась: пространство впереди и в самом деле выглядело иначе. На всякий случай она оглянулась. Да, там, откуда она пришла, тьма явно плотнее. Если так, значит где-то впереди выход и свет. Сколько еще до него шагать? И, кроме того, в какую сторону она идет? Спускаясь в колодец, она постоянно крестила, ощупывая стены, и это совсем сбило ее с толку.

Размышления ничуть не мешали ей считать шаги, и на десятом она вновь нашупала стену. Но зато здесь светлее! Девушка посмотрела направо, откуда падал тоненький лучик, и увидела точку, похожую на едва заметную в ночном небе звездочку. Соня двинулась вперед уже быстрее. Откуда-то у нее возникла уверенность, что здесь нечего бояться ловушек.

Она шла, и путеводная звездочка, хоть и не становилась ярче, начала увеличиваться, выросла до довольно большого пятна, и вдруг с ним начало происходить что-то странное. Соня не выдержала и побежала, но через десяток шагов остановилась, пытаясь понять, куда же попала.

Туманное пятно перегородило собой коридор, а за ним... Соня осторожно коснулась пальцами поверхности. На ощупь она оказалась холодной и идеально ровной, как стекло. Стекло? Но тогда ее сейчас увидят! Девушка мгновенно отпрыгнула и тут же одернула себя — что за чушь? Кому могло прийти в голову перегородить коридор стеклянной стеной, которая никого не удержит? Нет. Это что-то другое. Она вернулась на прежнее место, посмотрела в «окно» и увидела небольшое помещение, вырубленное в скале.

Девушка начала разглядывать странную комнату и почти сразу увидела его — клинок, за которым они пришли сюда. Он покоялся на невысоком, в два локтя высотой, каменном алтаре, а рядом с ним находилась еще одна вещь — глухой шлем без забрала с высоким султаном из конского волоса. Возле боковой стенки алтаря, испещренной колдовскими письменами, лежал человеческий череп с распахнутым в зловещем хохоте ртом, и Соне почудилось, что его пустые глазницы уставились прямо на нее.

Шадизарка выругалась про себя. Если так пойдет и дальше, скоро она уподобится Альрике и начнет вздрагивать от каждого шороха. Опасаться нужно не дурацкого черепа, а старухи, что в нетерпении шагает взад-вперед. Девушка пригляделась к странной женщине. Странной? Соня задумалась. Пожалуй, да. Незнакомка действительно выглядела странно... Нет, скорее уж — непривычно. Длинный белый плащ с капюшоном, сброшенным на плечи, коротко острижен-

ные белые волосы и что-то звериное, волчье в лице.

Словно почувствовав на себе взгляд, женщина обернулась и в упор посмотрела на шадизарку. Соня невольно отпрянула на шаг и замерла, боясь пошевелиться, но и взгляда от хищного лица отвести не могла. Она всматривалась в жесткие, пожалуй, даже жестокие черты, и против воли безотчетный ужас вновь начал овладевать ею. Незнакомка подошла к стеклу вплотную, и Соня даже перестала дышать, ожидая, что вот сейчас старая ведьма возьмет ее за руку и вытянет к себе сквозь полупрозрачную преграду. Но ничего не произошло.

Чисто женским, хотя и совершенно неожиданным для нее, жестом женщина поправила прическу и, склонив голову, окинула Соню оценивающим взглядом, словно смотрела не на пробравшуюся в дом воровку, а на свое отражение в зеркале... Ну да, конечно! Здорово же было нужно напугаться, чтобы не понять, что странная преграда — не что иное, как обратная сторона большого зеркала. Зачем оно здесь? Соня быстро окинула взглядом прилегающую к стеклу стену и почти сразу увидела то, что хотела найти — небольшой рычажок в левом верхнем углу. Оставалось только нажать его... Но что делать с хозяйкой? Внутренний голос подсказал ей, что старуха опасна.

Соня еще раз обвела взглядом комнату. В левом от нее углу, кроме алтаря с кинжалом и шлемом да черепа на полу, ничего не видно.

Похоже, он пуст. Рядом зиял просторный ход, но что он скрывал в своей глубине, Соня не знала. Напротив зеркала у стены стоял щит, а возле него — копье с древком красного дерева и тяжелым стальным наконечником.

Судя по отблескам света на шлеме и щите, источник его располагался справа от Сони. Значит, скорее всего, там тоже глухая стена. Остается только ждать, когда комната опустеет. Пока странная женщина здесь, нечего и думать о том, чтобы проникнуть внутрь.

Что ж, ждать так ждать. Жаль только, что она не может подать знак товарищам, чтобы они уходили. От нечего делать Соня принялась рассматривать письмена на алтаре, но, не встретив ни одного знакомого слова, очень скоро прекратила это занятие. Шлем не произвел на нее особого впечатления. Вот разве что роскошный султан, в желтовато-красном свете факела отливавший чернотой вечной ночи, невольно приковывал взгляд. Впрочем, и сам шлем, на первый взгляд казавшийся стальным, теперь выглядел несколько иначе, чуть темнее обычной стали.

Щит, похоже, сделан из такого же материала, а его форма отличалась большим изяществом. Судя по размерам, он должен закрывать руку воина от плеча до кисти и служить упором для древка копья. По кромке щита вился затейливый узор, быть может, заклинание, которое придавало оружию магическую силу. В середине щита располагалась странная эмблема — четырехконечная звезда, закрытая его же уменьшенной копией.

Девушка заставила себя оторвать взгляд от оружия и посмотреть на незнакомку. Все это время женщина неподвижно стояла посредине комнаты, так что Соня даже забыла о ней. Значит, она ни о чем не подозревает. Это успокоило шади-зарку, но, когда девушка перевела взгляд на копье, старуха вздрогнула и обернулась к ходу, словно кто-то позвал ее. Надежда вспыхнула в душе, и Соня невольно взялась за рычаг. В следующий миг незнакомка зашагала прочь. Сердце девушки лихорадочно стучало, но она не торопилась и отсчитала пять ударов, прежде чем нажавши на рукоять. Та сдвинулась неожиданно легко, но ничего не произошло...

* * *

Разара вошла в святилище и осмотрела небольшое мрачное помещение. Все выглядело как обычно. Факел заливал комнату мягким желтоватым светом. Все священные предметы лежали на привычных местах. Шлем и кинжал — на алтаре, щит с копьем прислонены к стене напротив. Десять веков пролетело с тех пор, как шлем, щит и копье удалось похитить у ненавистной Ибис, но секрета скрытых в них заклинаний узнать так и не удалось. Сколько жизней пришлось погубить ради этого, и все напрасно!

Зато Клык Белой Волчицы сослужил неоценимую службу и немало еще послужит впредь. С тех пор как Клинок Тьмы попал в руки Черной Розы Сета, а после ее смерти оказался в Похиоле, великая Лухи сумела разгадать тайну закля-

тия и воссоздала оружие, изголовив несколько кинжалов. Первый клинок назвали Когтем Львицы Сохмет, и попал он на юг, в Стигию. Второй, Клюв Беркута, ушел на восток, в Гирканию. Клык Белой Волчицы — третья копия Клинка Тьмы. Он остался на севере, в Гиперборее. Четвертый еще не готов, но на западе давно ждут его.

Разара в возбуждении заходила по комнатенке. Никогда прежде она не задумывалась над тем, что случится, если кто-то из будущих послушников сумеет не просто не попасться в расставленные ловушки, а похитит кинжал. Теперь же, вольно или невольно, Север натолкнул ее на эту мысль, и впервые за долгие годы душу матери-настоятельницы покинуло спокойствие.

Вдруг она словно услышала пробившийся сквозь толщу камня чей-то далекий предсмертный вскрик. Похоже, один из неумелых воришек простился с жизнью. Она усмехнулась: не так уж они и хороши, эти шадизарцы! Конечно же, никакой звук не мог проникнуть в мрачное подземелье, но Разара если и не услышала, то почувствовала его и мгновенно обернулась в ту сторону, откуда он пришел. Однако все уже стихло. Она подошла к огромному зеркалу и взгляделась свое отражение, с удовлетворением отметив, что годы по-прежнему не властны над ней, и мысленно ободрила двойника — все кончится хорошо. Она поправила прическу и отвернулась.

Но тревожные мысли вновь нахлынули на нее. Изготовить такой клинок было очень и очень трудно, а чтобы наложить заклятие, в Похиоле

собирались все маги Белой Руки, так как для этого требовались их совместные усилия. Она сама уже трижды бывала на таких церемониях и понимала, как важен клинок для Ордена.

Разара задумалась. Пожалуй, стоит изменить цель. Пусть уж они крадут что-то другое, эти несчастные смертные. Впрочем, оставалась еще одна опасность. С тех пор, как пять веков назад Конан-киммериец проник в уцелевшие подземелья Пифона, в которых тогда обитала Черная Роза, и уничтожил колдуна, слуги Митры не переставали искать кинжал, но Белой Руке удалось опередить их, хотя тот, кто вынес из подземелий Клинок Тьмы, заплатил за это своей жизнью, а местонахождение Пифона так и осталось тайной.

Однако сам кинжал вновь увидел свет, и с этого времени началось победное шествие зверопоклонников по странам Хайбории. Сперва незаметное, оно быстро набирало силу. С приходом в мир четвертого клинка их сторонники на западе тоже перейдут в наступление, и через сотню-другую лет новая раса зверолюдей заполонит мир. И когда это случится, их уже не остановит ничто!

Она победно улыбнулась, но тут дверь отворилась и вошел человек в капюшоне, что могло означать только одно: кто-то из беглецов поднял тревогу, и теперь оставшиеся в живых воры превратились в дичь.

— Останься в комнате, — велела она вошедшему. — И помни: тот, кто придет сюда, нужен мне живым!

Рычаг сдвинулся до упора, но дверь даже не дрогнула. Нет! Этого не может быть! Соня в отчаянии коснулась рукой полированной поверхности, и зеркало начало медленно отъезжать в сторону. О, Бел! Ведь это всего лишь защелка! Когда проем увеличился настолько, что смог пропустить ее, Соня шагнула в комнату и, мягко ступая, подошла к алтарю. Вот он, ритуальный кинжал! То, ради чего она пришла сюда! Девушка заторопилась, непослушными пальцами выуживая из сумки подделку. В любое мгновение сюда могут войти, а она ничего не делает! Давно надо было достать замену!

Наконец ей удалось распутать завязку, и нож послушно скользнул в подставленную ладонь. По виду — не отличить. Очень хорошо! Девушка схватила настоящий кинжал, и в этот миг ей почудилось, что за спиной кто-то стоит. Страх холодной волной прокатился по телу. Держа клинок двумя руками за рукоять и ножны, стараясь не делать лишних движений, она медленно обернулась. Зловещая фигура в длинном, до пят, плаще с закрывавшим голову капюшоном молча смотрела на нее красными светящимися в темноте глазами.

Соня почувствовала, что не может шевельнуться от охватившего ее ужаса. Она попыталась закричать и не смогла. И взгляда от светившихся глаз тоже отвести не могла! Но ведь у людей не светятся в темноте глаза!

Значит... Это существо... Не человек!..

Ей захотелось броситься наутек, но вместо этого она сделала шаг, еще один, неся на вытянутых руках то, что собиралась украсть. Когда она приблизилась к неведомому существу на расстояние вытянутой руки, сдержанное рычание вырвалось из-под черного капюшона, и девушка поняла, что если ничего не предпримет, то пропала.

«Тебя ждет смерть!»

«Но что делать?!»

«То, что тебя ждет, хуже смерти!»

Эта мысль, пришедшая неизвестно откуда, заставила девушку очнуться. Стоявший перед Соней монстр уже поднимал руки, чтобы схватить ее, когда она молниеносным движением отвела левую руку с зажатыми в ней ножами, а правая сама собой описала полукруг на уровне шеи незнакомца. И в тот же миг невидимые пути, сковывавшие ее тело, спали. Девушка смогла отскочить назад, глядя, как монстр поднес руки к шее, из которой хлестала кровь, потом отнял их и посмотрел на окровавленные ладони.

Черные обезьяньи лапы, звериные когти и густая шерсть на тыльной стороне! Соню затрясло, она едва не закричала от ужаса, но в этот миг ноги существа подкосились, и, не издав ни звука, оно замерзло повалилось перед дверью.

Скорее бежать отсюда! Девушка вложила кинжал в ножны и бросилась к двери. Очутившись снаружи, она трясущимися руками перевела рычаг в обратное положение и замерла. Так же медленно и так же бесшумно дверь закрылась. Толь-

ко теперь Соня смогла перевести дыхание. Наконец-то! Остается только спрятать добычу и бежать отсюда.

* * *

Север бесшумно выскользнул из дома и осмотрелся. Никого. Впрочем, чего же он ждал? Конечно, эти люди умеют скрываться. Придется поискать. Он увидел четверых и, прежде чем идти к матери-настоятельнице, постарался хотя бы примерно выяснить, куда каждый из них направляется. Хорошо зная, где здесь можно спрятаться, он быстро обошел вокруг парка и увидел всех троих мужчин, отметив при этом, что вели себя все трое очень осторожно. Пожалуй, лучше бы не смог и он сам. Жаль, если с ними что-то случится.

Впрочем, сейчас не до этого. Он должен найти девушку, но как раз этого сделать пока не мог, будто ее и не было здесь. Однако рано еще делать выводы. Куда направился четвертый? К казармам? Но там делать нечего. Оставался еще павильон с колодцем. Север осторожно подкрался, попробовал дверь — не заперта.

Так, хорошо!

Он осторожно скользнул внутрь, закрыл за собой дверь и замер, прислушиваясь. Ему совсем не хотелось получить удар ножом в бок, даже если нанесет его девичья ручка! Он долго ждал, но ничего не происходило. Вот те раз! Неужели кто-то просто забыл запереть замок? Однако что-то подсказывало ему, что это не так. Он подошел к

краю колодца, и в этот миг туча отползла в сторону. Показавшийся ослепительным поток серебряного света ворвался в окно. Вот оно — веревка опущена! Интересно, что эта девица ищет на дне колодца? Не жажда же ее мучит.

Он медленно вытянул руку и взялся за веревку — ничего. Барабан размотан полностью, нижний конец свободен. Она что — утонула? Или... Север быстро подошел к полке, взял фонарь и зажег его. Потом вытянул веревку, привязал фонарь и начал медленно опускать. Если девица там, ничего страшного не произойдет. Помокнет немного в прохладной водичке, зато избежит больших неприятностей.

Фонарь опустился до самой воды, но никого Север не увидел. Зато он обнаружил нечто иное: с южной стороны вместо стенки зияло продолговатое черное пятно. Вот это уже интересно! Он быстро поднял фонарь, погасил его, отвязал, поставил на место и тут же опустил веревку. Проклятие! После яркого света он словно ослеп. Север отошел к катушке с рукоятью, взялся за веревку и чуть-чуть вытащил ее — когда за нижний конец возьмутся, он почувствует и успеет вовремя убраться.

Чтобы быстрее привыкнуть к темноте, он закрыл глаза. Ждать пришлось не слишком долго. Стоило веревке дрогнуть, он вышел из павильона.

* * *

Назад она шла гораздо быстрее, подгоняя маема отчасти нетерпением, отчасти страхом, а может,

просто потому, что знала: путь впереди свободен. Закрыв за собой дверь, девушка побежала, но, отсчитав четыре десятка шагов, успокоилась и пошла. Вскоре рука ее коснулась стены, и Соня свернула налево. Еще один короткий переход, второй поворот...

Последние шаги она делала как вначале — на ощупь. Хотя щеки ее горели от возбуждения, она старалась не торопиться. Соня осторожно выглянула наружу. Вокруг по-прежнему царила густая тьма. Посмотрела наверх. Тусклое пятно, маячившее высоко над головой, не стало ярче. Значит, утро еще не наступило. Это хорошо.

Она ухватилась за веревку и начала карабкаться по стене. Хотя силой девушка не могла поспорить с мужчиной, восхождение не показалось ей изнуряющим. Вскоре шадизарка уже стояла наверху и сматывала веревку. Вдруг истощный, наполненный ужасом и болью крик разорвал ночную тишину. Соня невольно замерла. Сердце ее бешено заколотилось в груди. На какое-то время она забыла, что нужно дышать, только прислушивалась, пытаясь понять, что же такое происходит снаружи.

Она так и стояла, пока в глазах не начало темнеть; но больше не услышала ни звука. «Да что же это? — спросила она сама себя, и сама же ответила: — Чем бы это ни было, пора сматыватьсь!» Девушка бесшумно подошла к двери, легонько толкнула ее и через образовавшуюся щелку выглянула наружу — никого.

* * *

Замки оказались несложными. Харал быстро осмотрел флигель, и ему показалось, что внутри здание значительно меньше, чем выглядит снаружи. На двух этажах располагались четыре комнаты, хотя их могло бы быть вдвое больше.

Сначала бритунца это обрадовало: он решил, что дом изобилует скрытыми помещениями и ходами, ведущими в тайники. Он принял высокий статус, но ни за одной не обнаружил пустоты. Еще немного повозившись, юноша бросил это занятие и направился к выходу. Он запер наружную дверь и осмотрелся, но никого не увидел, что показалось ему странным. Впрочем, сад надежно скрывал от него обоих братьев, но и девушки он не видел. Это не понравилось молодому вору: он помнил, что Соня собиралась только заглянуть в круглый павильон и вернуться, ведь искать там явно нечего.

Скорее всего, братья обнаружили нечто интересное и пришли за ними, но нашли только девушку. Улыбнувшись собственной сообразительности, парень направился прямиком через парк, разглядывая на ходу расставленные вдоль дорожек статуи воинов. Он быстро добрался до фонтана, миновал расположенный в середине парка колокол, осмотрел обе беседки, но так никого и не нашел.

Оставался небольшой павильон на северном краю парка. Не раздумывая, бритунец направился к нему... Нет... Дыхание его остановилось. Этого просто не может быть! Ему захотелось закричать

от ужаса, но он лишь молча смотрел на двух мертвых весельчаков. Через несколько мгновений Харалу удалось преодолеть страх, и он заставил себя подойти ближе. Один из братьев полулежал на скамье пронзенный стрелой, второй, проткнутый коротким копьем, упал к его ногам. Юноша внимательно огляделся, выискивая взглядом заставшихся в кустах стрелков, но увидел только две статуи воинов. Один застыл в позе готового к стрельбе лучника, но... Харал еще раз посмотрел на него и похолодел от ужаса. Тетива спущена! Он резко повернул голову: второй замер в вольной позе сделавшего свое дело копейщика. Пресветлый Митра! Да что же это?!

Такое и в страшном сне не привидится! Однако вопреки здравому смыслу бритунец верил, что именно они убили братьев. А ведь в парке полно и других статуй! Харал вдруг представил, как десятки мраморных воинов шествуют по тропинкам, выискивая его, и почувствовал, как кожа на теле покрылась мурашками.

Бежать! Бежать, и немедленно!

Ничего не видя перед собой, не разбирая дороги, парень рванулся прочь от этого проклятого места. Он с разбегу перепрыгивал через кусты, пару раз едва не врезался в дерево. Плевать! Лишь бы выбраться отсюда поскорее! Вот уже и дома впереди. Еще немного, и он на свободе! Он свернул за один из домов и в самый последний миг вспомнил, что именно здесь Соня совсем недавно указывала ему на возможную ловушку. Остановиться он уже не успевал, а потому от-

толкнулся, из последних сил пытаясь перепрыгнуть подозрительный участок, но прыжок получился неудачным.

Когда ноги Харала коснулись земли, он почувствовал, что плиты дрогнули и провалились. Словно в дурном сне, время замедлило бег. Он видел, что падает в бездну. Черные стены вырастали со всех сторон, и небо, усыпанное бриллиантами звезд, смотрело на него сверху. Юноша успел судорожно вздохнуть, когда почувствовал, что полет прекратился.

Он не ударился, а упал неожиданно мягко, на спину, и сначала даже не понял, что с ним произошло.

Высокое звездное небо над головой и тишина...

Харал медленно обвел взглядом стену и с изумлением увидел огромные окровавленные ножи, торчавшие из его тела и вокруг него. Он понял только, что случилось что-то ужасное, непоправимое, и в тот же миг дикая боль кипящей волной захлестнула его, принялась кромсать тело, лишая воли и мыслей, и он закричал, прежде чем тьма поглотила его.

* * *

Истошный крик разорвал ночную тишину, и Север обернулся в сторону волчьей ямы — исполненный муки и отчаяния вопль доносился именно оттуда. Еще один бедолага расстался с жизнью. Север понял, что время поисков кончилось. Сейчас начнется охота. И тут он услышал за спиной

очень тихий звук, как будто кто-то осторожно запер дверь на ключ, но, резко обернувшись, никого не увидел. Неслышной тенью метнулся он на звук и понял, что опоздал. Дверь заперта, а значит, девица успела уйти. Он невольно сжал кулаки и выругался про себя. Куда она делась? Он быстро осмотрел все удобные для укрытия места, но девушки и след простыл. Это плохо. Очень плохо! Сейчас парк начнет прочесывать отряд внутренней охраны, и девчонка может в спешке угодить в одну из ловушек!

Нужно срочно что-то делать. Шадизарка тоже должна понимать, что сейчас поднимется переверлох и спастись она сможет, только опередив охрану. Значит, она должна направиться к лесу. Около зданий на этот раз действительно делать нечего.

* * *

Неслышной тенью Соня скользнула наружу, не забыв прикрыть за собой дверь, и сразу бросилась на землю. Множество безмолвных фигур бродило вокруг. Дело явно принимало дурной оборот. Девушка не сомневалась, что теперь-то уж наверняка за стенами пристально следят. Однако, если она хочет остаться в живых, нужно выбираться, и сделать это необходимо сейчас, пока солнце не взошло над горами.

Она еще не знала, что случилось с братьями и Харалом, боялась даже подумать о том, кто так страшно кричал, но Альво и Сурхан с Альрикой ждут их. Пока не рассветет, никто не станет ис-

кать злоумышленников за стенами Логова. Она начала пробираться к юго-западному углу парка. Пряталась в тени деревьев или в зарослях кустарника, намечала путь и, выждав время, быстро меняла укрытие. Чтобы остаться незамеченной, ей пришлось немного забрать к северу...

Подойдя к самой границе парка, Соня увидела, что дальше ей не пробраться. Конечно, она могла добежать до стены, но та была слишком далеко, чтобы беглянку не заметили. На плацу и вокруг «сараев» она заметила прятавшихся людей. Значит, туда тоже нельзя. Похоже, дело плохо: ее собираются вытеснить на открытое пространство и там схватить. Оставалось только отступать к середине парка.

Она вспомнила о фонтане и, стараясь держаться в тени, пробежала мимо колокола, настороженно оглядываясь по сторонам, но сюда, похоже, охранники еще не добрались. Сердце ее радостно забилось: не все еще потеряно! Она еще обведет их вокруг пальца! Но когда девушка побежала к краю зарослей и увидела медленно бредущих в ее сторону людей, все ее надежды рухнули. Опоздала!..

* * *

Север добрался до западной оконечности парка, но беглянки так и не нашел. Он понял, что где-то просчитался. Девчонка перехитрила его. Она или заметила его, затаилась и пропустила мимо, или... Или заметила прятавшихся людей и поняла, что здесь ей не выбраться. Север приглядел-

ся и насчитал пяток едва заметных в ночи фигур. Что она теперь станет делать? Скорее всего, попробует пересечь парк и выбраться с северной стороны, но на это у нее времени уже нет. Охотники наверняка идут навстречу, вытесняя ее на плац. Когда она поймет это, ей останется только быстро найти убежище и переждать их. Где она сможет укрыться, оставаясь в парке?

Фонтан, пожалуй, слишком мелок, но проверить все равно придется. Что еще? Пара беседок, достаточно высоких, чтобы спрятаться на крыше. Кусты и деревья... Нет. Кусты слишком малы, кроны деревьев хорошо просматриваются. Значит, выбор весьма невелик.

* * *

Выродки проклятые! Они знали, что делают! Впустили их, а выпускать не собираются. Соня стало ясно, что с самого начала все они были обречены на поражение. Эта ворона, следившая за ними от самого Шадизара, ни одного человека вокруг — как это их не насторожило! От злости девушка едва не зарычала. А что они сделали с ее друзьями? Она никогда не слышала, чтобы человек так кричал. Что они сделали с ними?! Что они сделают с ней?! Она вспомнила про кинжал, про кровь убитого монстра с красными глазами, которая наверняка осталась на клинке. Ну нет, как бы там ни было, а кинжала они назад не получат!

Где бы его спрятать? Когда обнаружится пропажа, эти прихвостни волчьи весь парк переро-

ют! Она выбежала на небольшую площадку, вымощенную тяжелыми каменными плитами. Здесь, в сооруженной из толстых дубовых балок арке, висел колокол. Пожалуй, то, что нужно. Соня забралась под высокий бронзовый стакан и, отыскав самую широкую трещину между плитами, быстро и ловко подделя мечом слой дерна, затем торопливо достала упакованный в чехол кинжал и, вдавив его в мягкую землю, прикрыла подрезанным пластом, аккуратно придавила ногой и расправила примятую траву.

Получилось замечательно. Самой бы так нырнуть куда-нибудь и затаиться. Она затравленно оглянулась — пока никого. «Быть может, еще не все потеряно?» — подумала она, припомнила начерченный Альво план, пытаясь найти на нем что-то не замеченное прежде, еще раз, уже внимательнее, осмотрелась и обомлела... О, Бел! Вот оно! Теперь ее никто не найдет! Этим кретинам ни за что не догадаться, где она.

* * *

Поиски закончились. Север последовательно обошел все места, которые могли послужить убежищем, но так никого и не нашел. Девчонка словно испарилась. Все участвовавшие в охоте люди стояли с зажженными факелами, и прорваться мимо них тайком было просто невозможно. Впрочем, как и укрыться. Однако беглянка пропала.

Север не торопясь шел по аллее, в последний раз пытаясь представить себе, где могла бы спря-

таться ловкая, а главное, умная девушка. Вероятно там, где никто не станет ее искать. Есть ли такое место? Наверняка есть, раз до сих пор ее так и не нашли. Он сокрущенно покачал головой. Вот они, уже видны. Мать-настоятельница и Кучулуг в окружении самых преданных гирканцу стражей. Разара, как всегда, спокойна и немногословна, но это ничего не значит. С таким выражением лица она может наградить, а может и отправить на казнь или пытку. В последнем случае она даже изредка позволяет себе улыбнуться бедолаге на прощание.

Лицо Кучулуга светилось счастьем: он свою нехитрую работу сделал. Когда поднялась тревога, быстро расставил людей и прочесал лес и парк. Правда, никого не нашел, но это мало беспокоило гирканца. Его дело — боевая выучка послушников и надежность охраны, и, пока не доказано обратное, считается, что он свое дело знает.

Север подошел к ним, думая о том, что он сейчас скажет, как станет оправдываться, когда внезапная догадка осенила его. В первое мгновение он от нее отмахнулся, как от нелепицы, особенно когда представил, как будет выглядеть, если ошибется, но тут же понял, что прав.

Его тоже заметили, и оба обернулись, ожидая, когда он приблизится. Разара — сохраняя спокойствие, Кучулуг — не скрывая злорадства.

— Ты нашел девчонку? — прозвучал требовательный голос матери-настоятельницы.

— Думаю, да, — спокойно ответил Север.

— Тогда отчего ты один? — ехидно поинтересовался Кучулуг.

— Сейчас я позову ее.

Он увидел искреннее удивление на лице повелительницы и ехидную ухмылку Кучулуга, но не обратил на нее ни малейшего внимания. Он на ходу вытащил из-за пояса небольшую булаву, с которой никогда не расставался, размахнулся и с плеча ударил по колоколу. Низкий вибрирующий звук заставил затрепетать каждую клетку тела. Кучулуг собрался было расхохотаться, но в следующий миг девушка упала на каменные плиты. Капюшон слетел с головы, и рыжие кудри разметались по камням.

Север бережно поднял ее на руки и остановился перед Разарой. Та кивнула двум стражникам:

— Заприте ее.

Вожак поставил еще не пришедшую в себя девушку на ноги и, поддерживая ее, пошлепал по щеке. Она встременелась, приходя в себя, мгновенно поняла, что произошло, и попыталась вырваться, но ее тут же схватили люди Кучулуга, и Соне ничего не оставалось, как подчиниться. Север знал, что последует дальше, а потому не стал дожидаться приказаний матери-настоятельницы и быстро обезоружил пленницу: снял пояс и проверил, не осталось ли еще чего.

— Уведите! — Настоятельница жестом отпустила остальных стражей и повернулась к Вожаку: — Спасибо, Север! Ты, как всегда, превосходно справился со своей работой. Без тебя мы бы ее не нашли.

Услышав слова Разары, Соня обернулась и смерила его ненавидящим взглядом, а в глазах Кучулуга зажглась такая жгучая зависть, что Север понял: сегодня он укрепил свои позиции в клане, но зато приобрел нового врага и усилил ненависть старого.

Высокая цена...

Глава четвертая

Сердце Альрики тревожно стучало, отсчитывая оставшееся до рассвета время. Окружающий ее суровый мир погрузился в сон. Поначалу она еще слышала звуки ночной жизни леса, но очень скоро — почти сразу после того, как четверо друзей скрылись из виду, — пропали и они. Даже ветер перестал шевелить ветви деревьев, словно сама природа забылась тяжелым сном.

Страх волнами накатывал на молодую бритунку, заставляя сжимать побелевшими пальцами лук. В такие мгновения, безошибочно чувствуя, что девушка вот-вот может впасть в истерику, турانец неожиданно мягко клал огромную горячую ладонь на ее холодную, словно лед, руку, и Альрика чувствовала, как блаженное тепло разливается по телу, а страх отступает. Какая же она трусиха! Девушка благодарно смотрела на Сурхана, даже в темноте видя, как его скрытые пышными усами губы расплюзываются в ободряющей улыбке, и, благодарно кивнув ему, успокаивалась.

Она неожиданно поймала себя на мысли, что мечтает о том, как эти сильные руки обнимут ее, прижмут к могучей груди, защитят... Едва ли не со смехом Альрика вспоминала их первую встречу, когда он показался ей тупым, безжалостным громилой. Только позже она поняла, как добр этот бритоголовый гигант-туранец... И далеко не глуп!

Ей казалось очень странным, что такой человек мог оказаться вором. Впрочем, как она, прирожденная трусиха, сумела стать воровкой, и не плохой?

Так она размышляла, пока холод, мрак, а главное — Логово вновь не делали свое черное дело. Страх понемногу овладевал ею, и все начиналось сначала... Ночь подошла к середине. Девушка с ужасом подумала о том, сколько им еще предстоит ждать. А каково ее новым друзьям?

И тут, словно боги подслушали мысли бритунки и поспешили ответить ей, ужасный, леденящий душу вопль разорвал тишину. Кони заволновались, нервно зафыркали, но быстро успокоились, наверное почувствовав, что им опасность не грозит. Сурхан замер на мгновение, а затем положил руку на плечо девушки. Прикосновение заставило Альрику очнуться, и хоть на этот раз прежнего облегчения она не испытала, зато обрела способность мыслить.

— Кто это кричал? — прошептала она одеревеневшими губами.

— Плохо дело, — мрачно ответил Сурхан и, задрав голову, посмотрел на застывшего в вышине Альво. Немедиц знаками показал им, чтобы приготовились, значит, что-то увидел...

Повисшая вслед за тем тишина показалась девушке еще более жуткой, потому что теперь она скрывала не пустые девичьи страхи, а ужасную тайну, до поры недоступную им. О боги! Хоть бы какой-то звук! Лязг оружия, шум погони — все что угодно, только не эта гнетущая тишина! И в тот же миг лес словно ожило, и Альрика сдавленно вскрикнула, поняв, что этот желанный звук оказался во сто крат страшнее, чем растаявшая тишина. Ужас пришел на смену страху. Ей представилось, что она стоит в огромном, пусты темном, но пустом зале, который вдруг наполнился кошмарными тварями, а стены зашевелились, пожирая пространство, облегчая охотникам и без того не слишком сложную задачу.

Кто-то схватил ее за плечо, встряхнул, как тряпичную куклу. Она в ужасе обернулась, ожидая увидеть... Она сама не знала, чего боится больше. Но это оказался Сурхан. Туранец еще раз встряхнул ее, но, видя, что это не помогает, отвесил девушке оплеуху. Не сильную, только чтобы привести ее в чувство, однако, как ни странно, это помогло.

— Очнись! — быстро прошептал он. — Нас окружают, придется отстреливаться. Держись рядом со мной. Когда Альво даст сигнал, попробуем прорваться!

Девушка лихорадочно закивала:

— А как же они?! — Она махнула рукой в сторону Логова.

— Им уже не поможешь! Ты слышала крик? — угрожающе пророкотал туранец, быстро готовя

лук и проверяя стрелы.— Коли сразу никто не вырвался, то ждать уже нечего. Их или взяли, или скоро возьмут! Но в любом случае уже не выпустят.

Девушка положила стрелу на тетиву, но пока на них никто не нападал, и сердце ее стучало от этого еще сильнее. Уж скорей бы началось! Она так никого и не увидела, даже когда рядом с ней лук Сурхана со свистом выплюнул стрелу. Девушка только закрутила головой, силясь понять, в кого он стрелял. И тут она разглядела их, но это не только не принесло ожидаемого облегчения; а наоборот, ей стало еще страшнее. «Похоже, мне на роду написано умереть от страха», — успела подумать она, перед тем как выпустить первую стрелу.

Черные тени, еще чернее, чем те, что в серебряном свете луны отбрасывали на них деревья, окружали двух всадников. Они явно стремились не убить, а взять их живьем. Альрика истошно завопила и выстрелила в ближайшую из теней, и та, судорожно вздрогнув, осталась лежать на освещенном пространстве.

— Значит, их можно убивать... — прошептала бритунка.

— Конечно! — крикнул Сурхан. — Но для этого нужно стрелять, и как можно быстрее! Их слишком много!

Ну конечно же, быстрее, если она еще хочет пожить! Она принялась посыпать стрелу за стрелой. Тени дрогнули и начали отступать, пока не смешались с другими тенями и черными силуэ-

тами деревьев. Альрика опустила лук. Первый приступ они отбили, но что теперь?

Альво спрыгнул в седло и, словно отвечая на ее невысказанный вопрос, махнул рукой на запад.

— Вперед! Это наша единственная надежда! С востока к ним приближается подкрепление, и если сейчас не прорвемся, то нам крышка!

Застоявшиеся кони взяли с места в карьер, и дробный топот копыт пяти скакунов ворвался в повисшую над лесом тишину. Бешеная скачка по ночному лесу казалась девушке совершенным безумием, но она понимала, что излишняя осторожность в их положении окажется еще большим безрассудством, и отпустила поводья, полностью положившись на чутье умного животного. Деревья неслись навстречу, словно ожившие демоны, но кони каким-то чудом умудрялись огибать их. Сколько еще им может везти? Однако пока они с каждым шагом отдалялись от проклятого места. Впереди их ждал долгий путь, но они вырвались из кольца, и это придавало им сил. Только бы кони выдержали, ведь теперь им предстоит остаток ночи и все утро скакать до перевала. Потом спускаться вниз, а это еще полдня, и кто поручится, что, миновав Врата Черепа, они окажутся в безопасности? Никто.

Ни Альво, ни Сурхан так и не заметили, когда перестук копыт пяти коней сменился цокотом четырех, просто туранец, в очередной раз обернувшись, чтобы проверить, все ли в порядке с Альрикой, не увидел ее. Он осадил коня, с ходу разворачивая его, но жилистая, крепкая рука маленького немедийца ухватилась за поводья его

гнедого. Разгоряченные скаккой кони глухо заржали, останавливаясь.

— Нет, Сурхан! Нет! — воскликнул он.— Нам не отбить ее! Только сами пропадем — их не меньше трех десятков.

Сурхан с ревом вырывался, и неизвестно, чем бы закончился их нелепый поединок, не свистни рядом стрела.

— Уходим! — закричал Альво, разряжая арбалет в выскочившего из-за дерева всадника.

Сурхан вскинул лук и молниеносными, отработанными движениями принял посыпать стрелу за стрелой. Затем ударил скакуна пятками и, полуобернувшись, не прекращая отстреливаться, помчался вперед. Он прекрасно справился со своим делом, и только благодаря его искусству лучника им вновь удалось оторваться от погони. Причем не просто оторваться, но и сохранить всех четырех коней, что было для них очень и очень важно.

* * *

Мать-настоятельница восхищенно смотрела на Севера. Какой же все-таки он умница, и как жаль, что он всего один такой в клане! Впрочем, на то он и Вожак. Конечно, стае только один и нужен, но, случись что-нибудь с Севером, заменить его будет некем.

— Как ты догадался, что беглянка прячется в колоколе?

— Очень просто,— ответил он без тени хвастовства.— Я заметил, что веревка едва заметно раскачивается, хотя ветра нет.

Кучулуг прислушивался к откровениям Севера вполуха. Он не признавал его превосходства над собой прежде, не признал и теперь. Он не сомневался, что и его люди нашли бы беглянку. Не сразу, так чуть позже.

Гораздо больше его занимала сама воровка. Прекрасная фигура, высокая грудь, которую не могла скрыть даже просторная рубаха... Теперь он понимал Ханторека, который настаивал на том, чтобы беглянке не причиняли вреда. Неизвестно, насколько она может оказаться полезной клану, но в том, что сам Ханторек имел на нее виды, сомнений нет. Только зря это он. Кучулуг сдержанно улыбнулся. Этому хорьку с такой дикой кошкой не совладать, особенно когда она поймет, как попала сюда. И вот тогда настанет его, Кучулуга, черед! Правда, есть еще Север, но этот болван никогда не интересовался женщинами, так что и вспоминать о нем нечего.

* * *

Альрика скакала последней по проложенному мужчинами пути. Ей оставалось только уворачиваться от ветвей да не упускать из виду спутников. Радость и горечь боролись в ее душе. Она понимала, что друзья ее, скорее всего, погибли или скоро погибнут, но, избежав их участия, ничего не могла с собой поделать: радость брала верх над горем.

Она даже не поняла, что случилось. Темные силуэты деревьев все так же быстро проносились мимо, но вместо неба перед глазами вдруг замель-

кала земля. Девушка почувствовала, что вылетает из седла.

Сначала она удивилась, но, когда почувствовала, что лежит на земле, поняла все. Альрика хотела закричать, но не смогла. Мир подернулся туманной пеленой, и девушка увидела расплывчатые фигуры, которые подходили все ближе и ближе. Она еще успела осознать, что ее поднимают и несут куда-то, и мир погрузился во тьму.

* * *

Впервые в жизни Соня поняла, что влипла, и влипла крепко. Два дюжих стражника заломили ей руки, а еще двое связали их за спиной. О побеге не стоило и мечтать: куда ни взгляни — всюду охрана.

Девушка с ненавистью посмотрела на могучего красавца, спокойно объяснявшего, как он с первого взгляда обнаружил тайное убежище, которым она так гордилась. Наверное, если бы взгляд человека на самом деле мог жечь, на месте силача с благородным лицом аквилонского вельможи, которых она всю жизнь презирала, уже дымилась бы кучка обугленных костей.

Стражник грубо толкнул девушку в спину, и не упала она только потому, что конец связавшей ее руки веревки держал его напарник. Она развернулась и зло посмотрела на мужлана, но тот лишь расхохотался, уперев руки в бока и запрокинув голову. Зря он это сделал. Руки пленницы, конечно, были связаны, но ноги-то оставались свободными. В следующее мгновение ее

сапожок воткнулся стражнику в низ живота, и хотя упал тот лишь чуть погодя, смеяться перестал сразу, а на душе у Сони немного полегчало. Его напарник замахнулся, но стоявший рядом с седой женщиной красавец остановил его:

— Нет!

Стражник застыл с поднятой рукой, но через мгновение, словно очнувшись, осторожно подтолкнул пленницу, показывая, что надо идти. Его напарник с трудом поднялся и заковылял следом по дорожке, упирающейся в одну из боковых дверей дворца.

Очнувшись внутри, они прошли по короткому прямому коридору до лестницы, начали спускаться в подземелье и через два пролета, повернув направо, двинулись вдоль ряда сводчатых дверей. Миновав две первые, они остановились перед третьей, и стражник тронул Соню за плечо. Она поняла, что долгое путешествие из Шадизара подошло к концу. Второй стражник вышел вперед и загремел ключами, отпирая огромный, как на городских воротах, замок. Соню ввели внутрь.

— Раздевайся! — приказал грубый голос.

— Еще чего! — огрызнулась Соня и гордо вскинула подбородок.

Охранник устало вздохнул, нагнулся и, неожиданно бросившись вперед, схватил ее за ноги. Прежде чем девушка успела сообразить, что происходит, второй охранник начал кромсать ножом ее одежду.

— Сапоги тоже резать? — спросил стражник, развязывая ей руки.

— Сама сниму, — хмуро ответила Соня, понимая, что деваться все равно некуда.

Сунув под мышку сапоги и остатки одежды, он смерил ее насмешливым взглядом.

— Посиди здесь и подумай, — вполне мирно посоветовал он и пошел к двери.

— О чём? — поинтересовалась Соня.

— О том, что тебя ждет, — не оборачиваясь отозвался тот.

— И что меня ждет?

— Вот об этом и подумай! — расхохотался он, искренне радуясь своей незатейливой шутке.

— Иди, я останусь, — хмуро пробасил его напарник.

— Ты что это задумал? — забеспокоился шутник.

— Она ударила меня...

— Забудь об этом. Ты слышал, что сказал Север, и знаешь, что тебя ждет, если ослушаешься приказа Вожака.

Он отобрал у напарника ключи и торопливо запер дверь, словно опасался, что даже угроза расправы не остановит его товарища.

— Ну что же, сегодня ночью выдалась славная охота, — сообщила Разара, — но завтра предстоит не менее тяжелый день. Все мы устали, всем необходим отдых, но мы его заслужили. Жду вас у себя в полдень.

На прощание она окинула обоих мужчин благодарным взглядом и направилась в свои покои. Мать-настоятельница шла и думала о пленнице,

все больше убеждаясь в том, что девушка — именно тот человек, которого она искала долгие годы. Явно смела, умна, горда, красива. Как раз такая подруга и нужна Северу. Конечно, девушка свою-нравна, но, хвала Белой Волчице, они смогут спрятаться и не с такой гордячкой. Правда, лучше бы она согласилась сама...

Оставшись в одиночестве, Соня наконец-то осмотрелась. Камера оказалась почти квадратной, со сводчатым потолком. Стены, похоже, не сложены, а вырублены в толще гранита. Тяжелая дубовая полукруглая сверху дверь с небольшим решетчатым окошком явно выполнена умелыми мастерами. В углу лежала огромная охапка свежей соломы. Девушка ухмыльнулась: похоже, здесь принято заботиться о пленниках... Даже застелили солому чистым полотном!

В держателе на стене горел свежий факел, и света пока хватало. Можно, конечно, бросить солому под дверь и поджечь ее, но это ничего не даст. Ее просто переведут в другую камеру, а может быть, зальют пламя и оставят в темноте дышать вонючим дымом.

Прислонившись к стене, Соня присела на корточки и задумалась. Особенно ее злило то, что она не могла понять, в чем ошиблась, и не знала, что случилось с ее друзьями. Скорее всего, кто-то из них попался, но этот крик... Она покачала головой. Нет, так воров не ловят! С ней-то обошлись совсем иначе. Ее, правда, пнули не слишком веж-

ливо, но ведь не станет же стражник, поймав воровку, целовать ей руки. Она вернула долг, но даже после этого ее никто не тронул. Одежду вот отобрали... Но это понятно — хотят унизить. Затравленный человек более послушен, да и не побежит никуда...

Соня подняла закрывавшее солому полотнище, надорвала его посередине, просунула в дырку голову — получилось некое подобие платья, стянула его на талии поясом из соломенного жгута и усмехнулась: по крайней мере, наготу прикрыла. Перестанут пялиться.

Но что же все-таки им надо? Несомненно, всех их заманили в ловушку, но зачем? Старуха наверняка знала, что готовится кража... Страшно подумать, какой переполох поднимется утром, когда обнаружат убитого монстра и пропажу кинжала. Может, уже обнаружили и сейчас явятся сюда...

Эти мысли невольно повергли Соню в смятение. Как поступят с ней, когда станет ясно, что же на самом деле произошло ночью? Тут на пощаду рассчитывать не приходится. Она убила охранника, кем бы он там ни оказался на самом деле, и украла святыню! Думай, Соня, думай!

Она с отвращением вспомнила стоявшего рядом с женщиной красавца. Как он упивался своей победой. С каким достоинством принимал похвалы, как изображал равнодущие, всем своим видом давая понять, что ничего особенного не совершил. И ведь самое обидное — ему действительно есть чем гордиться. Он переиграл ее и, что хуже всего, переиграл честно. Да еще и

защитил свою жертву от заслуженных побоев. Соня зло расхохоталась и почувствовала, что всей душой ненавидит этого человека.

* * *

Север затворил за собой дверь, налил вина и лишь слегка пригубил напиток: во рту пересохло, но пить не хотелось. Предстояло многое обдумать, а думать он привык если не на свежую, то уж, по крайней мере, на трезвую голову.

Итак, что они имеют? Три трупа и пленицу. Правда, неизвестно еще, чтосталось с сообщниками, оставшимися снаружи. Судя по тому, что их так до сих пор и не привели, вполне возможно, им удалось скрыться. Мать-настоятельница пока не вспомнила о них, но утром непременно вспомнит, и, если он прав и гости ушли, Вамматару не поздоровится. А жаль... К нему в отличие от большинства обитателей Логова Вожак относился по-доброму.

Ладно, с беглецами все выяснится позже, а сейчас стоит поразмыслить о другом. Ход, который обнаружила пленица, вот что на самом деле интересно. На первый взгляд лучше всего было бы пойти к колодцу прямо сейчас, когда утомленные ночной охотой стражники если и не улеглись спать, то, по крайней мере, ослабили бдительность. И все же многолетний опыт подсказывал, что делать этого нельзя. Север знал: подземелья Логова обширны, и неизвестно, куда ведет ход и где побывала пленица, а главное — видел ли ее кто-нибудь. Поторопившись, он рискует угодить во взвешенную ею

ловушку. Нет, не время сейчас. Возможно, утром станет ясно, что там произошло, и тогда он решит, как действовать дальше.

* * *

Когда взошло солнце, Сурхан с Альво уже неслись по тропе, которая вилась вдоль речушки. Бешеная скачка продолжалась почти до полудня, пока впереди не показались горы. Всадники взлетели наверх и здесь остановились, хотя рассудок подсказывал: рано еще отдыхать.

Альво и сам не знал, что заставило его обернуться. Какое-то неясное, почти забытое ощущение... Рука его сама по себе вскинула к плечу арбалет, глаза зло сощурились, выискивая противника, и почти сразу обнаружили цель. Палец нажал на спуск, отправляя короткую тяжелую стрелу в полет. Словно предчувствуя смерть, ворона замахала крыльями, зависнув на месте, и громко закаркала. В следующий миг стрела пробила ее тело. Альво опустил арбалет и внимательно посмотрел вокруг: далеко внизу между ветвями мелькнул всадник.

— Скоро доберутся сюда, выродки,— сказал Сурхан.— Хорошо, что ты прикончил их шпионку. Не пойму только, как ты догадался, что она следит за нами?

— Сам не знаю,— ответил Альво, разворачивая коня.— Готов поклясться, что рука сама вытянула арбалет. Куда теперь?

— В Ханумар, как договаривались. Куда же еще? — пожал плечами турец.

— Думаешь, все-таки они выберутся?

— Выберутся, если живы.— Великан сокрушенно покачал головой, словно не слишком верил в это.— Кстати, и нам не мешает отсидеться в безопасном месте. Что-то я сомневаюсь, что они так просто отвяжутся от нас.

* * *

Мать-настоятельница, как обычно, неподвижно сидела на своем троне, но на этот раз те, кто хорошо знал ее, могли заметить, что спокойствие дается ей с немалым трудом. Это могло означать только одно: что-то случилось, и вряд-ли новости хороши. Однако, чтобы лишний раз не раздражать Разару, все молчали и даже не смотрели друг на друга.

Наконец долгожданный пятый гость вошел в зал.

— Ты звала, повелительница? — спросил он, когда тяжелая дверь затворилась у него за спиной.

Разара едва заметно кивнула и встала.

— Положение оказалось совсем не таким, как представляли мы, прощаясь ночью в парке,— без предисловий сообщила она.— И виноват в этом один из нас.

Лишь мимолетный взгляд бросила она на начальника наружной стражи, и Вамматар невольно съежился, а остальным стало ясно, кому предстоит испытать на себе всю тяжесть гнева владычицы, и четверо украдкой вздохнули с облегчением. Только Север вздрогнул и пристально посмотрел на мать-настоятельницу, пытаясь угадать ее намерения, прежде чем она выскажетсѧ.

— В чем он провинился, владычица?

— Двое ночных гостей ушли! — Она гневно сдвинула брови. — Такого прежде не бывало, и виновному полагается смерть!

— Смерть?! — спросил Север, настороживаясь. — Не слишком ли строго для первой и единственной ошибки?

— Ты, как всегда, прав, Север. Но ошибка ошибке рознь! — воскликнула Разара. — Эта может обойтись Логову слишком дорого. — Она подняла руку, приказывая Вожаку молчать. — Дело вовсе не в том, что осквернители ушли. — Она замолчала на миг, и кулаки ее сжались с такой силой, что пальцы побелели. — Клык Волчицы пропал, и, если это дело рук сбежавших, потеря окажется невосполнимой!

— Клык Волчицы пропал... — шепотом повторил Ханторек, зеленея от страха: ведь это он направил сюда шадизарцев.

— Успокойся, Ханторек! Твоей вины здесь нет. Эти люди и в самом деле оказались хороши. Даже слишком... Но стражи опозорились. Смерть Вамматару!

— Нет, — твердо возразил Север.

— Ты смеешь перечить мне?! — прошипела мать-настоятельница, и, хотя голос ее прозвучал тише прежнего, все четверо невольно потупились, а Вамматар побледнел так, будто в нем не осталось ни капли крови. Только Север сохранял спокойствие, по крайней мере, внешнее.

— Лишь об одном прошу — выслушай меня.

— Говори, — поджав губы, нехотя согласилась Разара.

Вамматар стоял ни жив ни мертв от страха, а Ханторек, Халима и Кучулуг гадали про себя, не сошел ли с ума Вожак. Никто еще не осмеливался противиться воле матери-настоятельницы.

— Среди нас нет нерадивых, повелительница, — коротко бросил Север, — и ты это знаешь. Что же касается ошибок, их может совершить каждый. — Он помолчал, словно раздумывая, говорить дальше или нет. — Помня о твоей справедливости, — медленно произнес он, тщательно взвешивая каждое слово, — осмелюсь заметить, что ты сама виновата, быть может, больше всех остальных.

— Что?! — вскричала Разара. — Ты смеешь обвинять меня?

Трусливый от природы Ханторек затрясся от страха. И куда этот сумасшедший лезет со своей справедливостью?! Ведь ему-то ничто не грозит! Он что, хочет, чтобы их всех казнили?! Халима слушала с интересом, ей явно нравился этот спор, но лицо ее застыло, словно маска. Она понимала, что, заподозри Разара насмешку, головы ей не сносить. Кучулуг же лишь злобно радовался: похоже, выскочка доигрался, и вечером вместо одного кола на плацу появятся два.

— Я только хочу сказать, — заговорил Север, объясняя свои слова, — что отец-настоятель, как всегда, оказался проницателен. Он заранее известил нас письмом о том, что найденные им люди очень ценные для Логова. Он даже, не надеясь на письмо, вернулся раньше срока, чтобы лично присутствовать при их поимке. Именно поэтому я предлагал избавить шадизарцев от испытания.

Поступи мы так, и сейчас все они сидели бы в подвале, но мы не сделали этого. В чем же виновата наружная стража?

— В том, что упустила беглецов! — стояла на своем Разара.

— Вина — это злой умысел или небрежность! Я прав? — неожиданно жестко спросил Север, и всем стало ясно, что он не собирается уступать.

— Хорошо. Пусть будет по-твоему, — не менее неожиданно согласилась Разара. — И что из этого следует?

— Нужно разобраться во всем, — чувствуя, что повелительница немного успокоилась, продолжил Вожак, — и выяснить, что же на самом деле произошло. Если отыщется чья-то вина, то я не против наказания. Но если стража сделала все, что смогла, а шадизарцы оказались изворотливее, то здесь нет ничьей вины, а есть наша общая беда, тем более горькая, что ее можно было избежать...

— ...Если бы не я, — закончила за Севера Разара. — Уж не предлагаешь ли ты наказать меня? — с горькой усмешкой поинтересовалась мать-настоятельница.

— Я не считаю, что за ошибки надо наказывать, — повторил Север: — Они даже полезны, ибо дают нам опыт, на котором мы можем учиться.

— Хорошо, — кивнула Разара и обернулась к начальнику внешней стражи: — Как им удалось уйти?

— Следуя указаниям, доставленным Вестницей, — с трудом сдерживая дрожь в голосе, начал

тот, — мы спрятались и покинули убежище, только когда услышали крик, означавший, что один из гостей попался и охота началась. Поскольку мы не знали, где они попытаются прорваться, нам пришлось окружить все Логово. Когда же осквернителей обнаружили, силы стражи оказались распределены. Осмелюсь напомнить, что я получил приказ взять их живьем, поэтому мои люди не могли стрелять. Мы хотели взять двух всадников в кольцо.

— Вам удалось это сделать? — перебил его Север.

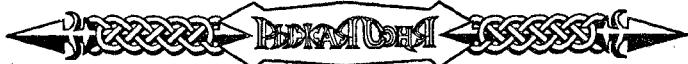
— Да, — кивнул Вамматар и чуть смелее продолжил: — Мы окружили их, но оказалось, что с ними третий — лучник, который спрятался на дереве.

— Откуда же взялся третий? — не выдержав, спросила Разара, и Север поздравил себя с маленькой удачей, на которую не смел и надеяться.

— Об этом мне ничего не известно, — развел руками гипербореец. — В долину вошли пятеро, и нам тут же приказали снять наружные посты и убрать наблюдение...

— Хорошо! Продолжай, — перебила его мать-настоятельница.

— Как только мы обнаружили их, я послал за подкреплением. Скажу, что эти двое оказались прекрасными лучниками, а засевший на дереве отлично видел всех моих воинов, и, когда помочь начала подходить, он обстрелял их, заставив затаиться. Тем временем все трое бросились на прорыв. На троих у них оказалось пять коней. Мои же воины сражались пешими. Однако

Вулоф появился вовремя, стая пустилась в погоню, и совсем ненамного опоздали всадники. Чем закончилась погоня, я не знаю. Когда я направлялся сюда, они еще не возвратились. Это все.

В комнате воцарилась тишина. Север молчал. Он знал, что мать-настоятельница жестока, но знал и то, что она умна и ценит надежных и опытных людей. К тому же он считал, что из рассказа начальника наружной стражи и без лишних слов ясно: наказывать некого.

Разара подошла к столу, взяла с бронзового блюда молоточек и ударила по небольшому гонгу. Легкий звон разнесся по комнате, и почти сразу дверь отворилась, пропуская внутрь стражника.

— Узнай, где Вулоф,— распорядилась мать-настоятельница.— Если он вернулся, немедленно приведи его сюда. Потом спустишься за пленницей. Пусть ждет в соседней комнате. Она нам скоро понадобится.

Как всегда, когда ждешь, время тянулось невыносимо медленно, пока наконец дверь не отворилась. В комнату вошел огромный серый волчище.

Он бесцеремонно уселся посредине комнаты. Круглые желтые глаза не мигая уставились в лицо матери-настоятельницы.

— Расскажи нам, как беглецам удалось скрыться?

— Мы бежали-и,— отрывисто прорычал он.— В нас стреляли-и. Многих убили-и.— Из всех волков стаи Вулоф единственный умел разговаривать, хотя и короткими, рваными фразами, а когда волновался, то еще и повторял последние буквы не-

которых слов. Обычно это выглядело весьма потешно, но сейчас никто из присутствующих даже не улыбнулся. Впрочем, и неудивительно: что Халима, что Ханторек боялись разумного зверя.— Конные стражи сменили нас, и мы отстали-и.

— То есть ты прекратил погоню?

— Да-а! — хрюпло выдавил из себя Вулоф.

— Ты прекратил погоню и позволил беглецам уйти,— холодно произнесла Разара.— Ты знаешь, какое наказание ждет тебя за это?

Волк напрягся, и шерсть на его загривке встала дыбом.

— Вулоф! — резко окликнул его Север.

Волк лязгнул огромными, как медвежий капкан, челюстями и развернулся в прыжке, но напасть на человека не решился. Однако желтые глаза его полыхали огнем, и он был готов драться.

— Подойди ко мне,— приказал Вожак.

— Ты убьешь меня-а! — прорычал зверь, хищно скалясь.

— Нет. Просто хочу, чтобы ты успокоился.

— Обещал! — рыкнул волк и, не переставая скалиться, подошел к Северу.

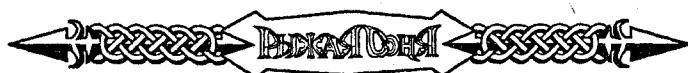
— Ты хочешь сказать, что он тоже не виноват? — расслабившись, спросила мать-настоятельница.

— Ты же знаешь, повелительница, волки Стai — как дети. Большие и сильные, но дети. Пришли люди, и они отступили.

— Они стреляли-и. Мы ушли-и.

— Они стреляли в беглецов? — уточнила Разара.

— Да-а,— ответил волк.

— Попали?
— Да.
— Ты можешь говорить яснее? — раздраженно поморщилась мать-настоятельница.
— Да-а.
— Позволь, повелительница, я спрошу, — видя, что Разара начинает гневаться, обратился к ней Север. — Кого-нибудь из троих удалось задержать?
— Девушку-у! Остальные ушли-и.
— Быть может, отпустим его вместе с Вамматаром? — обратился Вожак к повелительнице. — Вряд ли они знают еще что-то.
— Да. Пусть идут! — Она нервно взмахнула рукой.

Гипербореец поманил за собой Вулофа. Тот, проходя мимо, задержал на Вожаке долгий взгляд. Когда дверь за ними закрылась, Разара воскликнула, обращаясь к Северу:

— Ты видел?! Пrikажи я его казнить, и он бы бросился на меня!
— Обязательно, — кивнул Север.
— И ты говоришь об этом так спокойно?!

— Конечно. Ты просто плохо знаешь Стацию.
— Да я создала ее!
— Верно, — согласился Вожак, — и если бы не потеряла к ним интереса, то знала бы, что они не умнее малых детей.
— Дети должны слушаться!

— Конечно. Но представь себе пятилетнего ребенка, обладающего силой и статью Кучулуга. — При этих словах гирканец насторожился, не понимая, к чему клонит Вожак, но ничего не скажал.

зал. — Он знает, что должен слушаться, но не понимает, почему, ведь он сильнее и, как ему кажется, ничуть не глупее. А как будет действовать такой человек, когда узнает, что его собираются казнить, хотя вины он за собой не чувствует? Я не удивлюсь, если инстинкты взрослого зверя возьмут верх над умом ребенка. Нам еще повезло, что Вулоф умнее остальных.

— Ну хорошо, — нехотя согласилась Разара. — Ты пытаешься убедить меня, что никто ни в чем не виноват. — Она усмехнулась. — Пусть на этот раз все идет по-твоему. Я не стану никого наказывать. С лучницей разберемся позже. Гораздо сильнее меня сейчас беспокоит пропавший кинжал. — Она вновь подняла молоточек и ударила в гонг. — Приведите плениницу.

Ждать пришлось совсем недолго, но когда пленицу ввели и она остановилась посредине комнаты, Ханторек понял вдруг, что успел уже забыть, как божественно прекрасна эта женщина. Пожалуй, она стала еще прелестней в этих жалких лохмотьях, а сознание того, что девушка на конец-то попала в Логово, а значит, станет в скромном времени доступна ему, кружило голову сильней пальмового вина.

Очень скоро он укротит ее гордый нрав, и, когда девушка смирится с неизбежностью и станет послушницей, ему останется лишь завершить начатое. Нужно только не тратить понапрасну времени. Вон Кучулуг как переменился в лице. Да и Север, хоть и выглядит вроде бы спокойным, наверняка прикидывает, как бы половчее отнять чужую добычу.

Север действительно думал о пленице, но мысли его были весьма далеки от тех, что крутились в голове отца-настоятеля. Что же касается Кучулуга, тут Ханторек оказался полностью прав. Гирканец уже видел девушку ночью. Тогда она была одета в кожаные штаны и рубаху, а сейчас просто завернута в кусок рваного полотна, но, как ни странно, только похорошела от этого, а без одежды она, наверное, и вовсе будет божественно прекрасной... Он мысленно срывал с нее скучные лохмотья, и кровь закипала в нем.

Халима тоже по достоинству оценила рыжеволосую воровку и с первого взгляда вознавидела ее. Гирканка сама была удивительно красива, а кроме того, обладала острым, деятельным умом и сильным характером. Она видела, как загорелись глаза мужчин, за исключением разве что Севера, стоило незнакомке появиться в комнате, и почувствовала в ней опасную соперницу. Она мгновенно поняла, почему Ханторек стал так холоден с ней. Более того, молодая настоятельница знала, что Разара мечтает найти подругу для Севера, и не отказалась бы от этой роли, но она предпочитала действовать исподтишка, по преимуществу чужими руками, используя колдовство, а матери-настоятельнице требовалась женщина-войн.

И вот теперь она здесь... Сильная, красавая и, судя по внимательному взгляду серых, отливающих небесной голубизной глаз, умная — одним словом такая, какую уже давно здесь ждут. А значит, теперь надежды Халимы никогда не сбудутся.

Разара тоже сразу поняла, чего стоит Соня. Более подходящую для ее целей девушку отыскать вряд ли удастся. Нужно только с самого начала дать ей понять, кто здесь хозяин и где ее место.

— Где кинжал, моя милая? — сурово спросила она.

На лице Сони отразилось искреннее удивление.

— Уж не желаешь ли ты сказать, что понятия не имеешь, о чем идет речь? — насмешливо уточнила мать-настоятельница.

— Вовсе нет, — спокойно ответила Соня. — Этот человек, — она кивнула на Ханторека, — заказал мне кражу. Хотя не понимаю, зачем воровать у самого себя, тем более если не уверен, что сумеешь сберечь свое добро.

— Он был в этом уверен!

— Но кинжал пропал?

— Да!

— Поздравляю! — криво усмехнулась пленица, всем своим видом показывая, что она тут ни при чем.

— Я считаю, что вещь выкрада ты.

— Не понимаю, как я могла похитить то, что, по твоим же словам, украдь невозможно? — Соня широко улыбнулась, но тут же посерезнела. — Впрочем, это неважно. Я обошла внутренний двор, — начала она. — Точнее, его часть, но ничего не нашла и собралась уже уходить, когда поднялась тревога. Я попыталась бежать, но вдоль стен уже стояли люди. Тогда я решила спрятаться... — Она мельком взглянула на Севера. — Остальное вы и сами знаете.

— Что-то я тебя не очень хорошо понимаю, — недоверчиво покосилась на нее Разара. — Ты пришла, чтобы украсть нашу святыню, прошлась по двору и, даже не попытавшись проникнуть внутрь ни одного здания, собралась уходить?

— Конечно, — спокойно ответила девушка.

— Ты меня за дуру принимаешь?! — прошипела мать-настоятельница, медленно барабоня.

— Вовсе нет. Но в каждом деле есть свои правила, а первое правило вора гласит: не попадись. Если пренебречь им, то все остальное просто теряет смысл. Надеюсь, это понятно? — насмешливо добавила Соня.

— Но ты все-таки попалась, — напомнила ей Разара, которая успела к тому времени взять себя в руки и оценить разумность слов пленницы.

— Да, — согласилась та, — но не по своей вине. Если бы наш план удался, мы собирались бы в лесу, все обсудили и на следующую ночь повторили попытку.

— Хорошо, оставим это, — раздраженно ответила Разара. — Тем не менее кинжал пропал, — после паузы добавила она, — и я хочу, чтобы ты объяснила, как такое могло случиться... На твой взгляд.

Соня пожала плечами и задумалась. Она понимала, что ответ ее должен выглядеть убедительно. Допусти она хоть малейшую оплошность, и из нее тут же вытрянут правду. Хотя, если честно, девушка и сама не понимала, почему лжет, особенно теперь, когда выяснилось, что все это — заранее подготовленная ловушка, а значит, и ус-

пешное выполнение заказа Ханторека пойдет ей только на пользу. Однако эти люди были настолько неприятны Соне, что она решила не отдавать им кинжал.

— Единственное, что приходит мне в голову... — наконец заговорила она. — Кто-то проник сюда одновременно с нами. Тот, о ком вы ничего не знали. И ему удалось не только отыскать кинжал, но и уйти вместе с ним.

— Этого просто не может быть! — воскликнула Разара. — Твои друзья мертвы, а те, что оставались снаружи, внутрь не заходили! Мы знаем обо всем, что происходит в долине. Никого, кроме вас, тут не было. — Это, конечно, было неправдой, но девушка не могла об этом знать, а Разаре важно было увидеть, как она поведет себя. — Ты единственная, кто попал в Логово и остался жив.

Она внимательно следила за лицом пленницы, но девушка лишь улыбнулась:

— Тогда ищите вора среди своих. У меня кинжала нет.

— Ты могла его спрятать.

— Могла, — все так же насмешливо согласилась Соня. Она уже чувствовала, что одерживает верх в этом споре. — Но когда поднялась тревога, я думала только о том, как сбежать, и вовсе не собиралась возвращаться. Впрочем, — добавила она, — я понимаю, что вы не верите мне. Обыщите двор.

— Этим уже занимаются, — устало вздохнула мать-настоятельница. — Я вижу, ты способна трезво мыслить... Так ответь мне, кого ты имела в виду, говоря о проникшем в Логово воре?

— Никого,— ответила Соня, мысленно поздравив себя с победой.— Я говорила лишь о том, что такое возможно.

— Согласна. Пусть будет так,— кивнула Разара.— И все-таки?

— Здесь присутствует Ханторек,— сказала Соня, не удостоив отца-настоятеля даже мимолетным взглядом.— Он подтвердит, что двое приглашенных им в Шадизаре на встречу отказались участвовать в этом деле. Один из них отверг предложение только из-за денег, а второму не захотелось ехать так далеко. Кто поручится, что один из них, а может, и оба не отправились за нами следом? Кто, наконец, поручится, что они не рассказали о заказе кому-то еще...

— Складно рассказываешь, милая,— задумчиво произнесла Разара.— Впрочем, в том, что ты умна, я убедилась сразу. Все это может быть замечательной выдумкой, но может оказаться и правдой.

С этими словами она взяла в руки молоточек и ударила в гонг, на звон которого тут же вошел стражник.

— Уведи пленницу.— Она небрежно махнула рукой, и, когда они ушли, обратилась к своим людям, которые за все время разговора не проронили ни звука.— Ну? Что скажете?

— Я не участвовал в ночной охоте,— заявил Ханторек,— поэтому мне трудно судить о том, что здесь произошло, но эта девушка на все способна. Из всех кандидатов, включая прошедших испытание и ставших послушниками, она самая многообещающая. Больше мне сказать нечего.

— Я поняла тебя.— Разара кивнула и обернулась к Кучулугу.— Твое мнение?

Гирканец не мог похвастать красноречием, да к тому же его ничуть не интересовали умственные способности девушки, но, уловив нотки одобрения в ответе матери-настоятельницы, он сказал:

— Я полностью согласен с мнением отца-настоятеля, хотя почти не знаком с пленницей.

Разара едва заметно улыбнулась, кивнула и посмотрела на Божака:

— Тебе есть что добавить?

— Нет.— Он коротко мотнул головой.— Я ведь уже говорил, что согласен с отцом-настоятелем.

Пока шло это короткое обсуждение, Халима все больше злилась. Конечно, она не могла отрицать, что девица умна, но и не сомневалась, что для этих трех самцов главное не это. И потому, когда Разара обратилась к ней с тем же вопросом, она, старательно сохраняя спокойствие, ответила:

— Бессспорно, воровка умна и знает свое дело. Но я не согласна с выводами остальных.

— То есть?

— Я считаю, что шадизарка заслуживает смерти. Я уверена, что именно она украла Клык Волчицы.

— Вполне возможно, что ты права.— Север пожал плечами.— Но это значит лишь, что она еще лучше, чем мы думали.— Он обвел всех взглядом и закончил: — Мы должны беречь ее пуще глаза.

Разара задумчиво кивнула, показывая, что согласна с Вожаком, и вновь повернулась к настоятельнице.

— Не потому ли ты так защищаешь шадизарскую девку,— вместо ответа прошипела Халима,— что пленился ее красотой!?

— И поэтому тоже.— Север снисходительно улыбнулся.— Я вообще люблю все красивое,— добавил он насмешливо и тут же посерезнел.— Однако давай лучше поговорим о деле. Если, конечно, тебе есть что добавить.

Она закусила пухлую губу и скжала кулаки:

— В твоей изворотливости, Север, я никогда не сомневалась, но ты правильно заметил — мы говорим о деле. А потому я хочу обратить ваше внимание на то, что никто из вас почему-то не заметил.

Она вопросительно посмотрела на мать-настоятельницу, и та кивнула:

— Говори. Для этого мы тут и собрались.

— Хорошо,— согласилась Халима.— Так вот, еще раз повторю: в том, что воровка умна и изворотлива, сомнений нет ни у кого, и вы все, словно дети, обрадовались такой замечательной находке. Но никто из вас не подумал о другом.— Она повернулась к матери-настоятельнице. Похоже, теперь она говорила только с ней.— Мы давно знаем, что за Клыком Волчицы охотятся митриане. Вы все старательно забываете, факт, что кинжал не просто укради — его подменили точной копией. Не найди мы труп охранника, и о краже не скоро бы узнали. А значит,— прошипела Халима, то ли не сдержав злобы, то ли пытаясь подражать

Разаре,— если кража — ее рук дело, пленницу надо немедленно убить! Убить, потому что она не просто воровка, а подосланная врагами воровка!

Она обвела трех мужчин многозначительным взглядом, и ни Ханторек, ни тем более Кучулуг не нашлись что ответить. Она видела, что даже на невозмутимую Разару подействовали ее слова, и сердце мстительной гирканки наполнилось торжеством.

— Ну? Что ты теперь скажешь, защитник красоты и поборник справедливости? — злорадно усмехнулась Халима, обращаясь к Северу.

— Я скажу, что ты права,— совершенно спокойно ответил Вожак и добавил: — Но ведь вина пленницы не доказана. С соверши мы ошибку, и воин, быть может, лучший за все время существования храма, будет потерян.

— Зато если она виновата, может погибнуть Логово!

— Верно,— кивнул Север.— Мы должны быть очень осмотрительны.

— Хорошо,— произнесла Разара, подводя черту.— Твое мнение,— она взглянула на молодую женщину,— предельно ясно — немедленная казнь.— Та кивнула, и мать-настоятельница обернулась к Северу: — Что предлагаешь ты?

— Я предлагаю поступать так, будто ничего не произошло. Пусть не сразу, но она согласится стать послушницей, просто потому, что это лучше, чем смерть.

— Она сбежит при первом же удобном случае! — не сдержавшись, выкрикнула Халима.

— Возможно,— не стал спорить Север.— Но сдѣлать это не так-то просто. Верно, Кучулуг? — Гирканец стиснул зубы и хмуро кивнул.— Вамматар усилив наружное наблюдение, хотя он и потерял много бойцов и, пока не восполнит их ряды, сделать это окажется не просто. Но я верю, что он справится. Тем временем будем искать кинжал. Если Клык найдут в пределах Логова, значит, его украла наша пленница. Если нет, то она здесь ни при чем.

— Но если пленница попытается бежать и Вамматар не справится, на этот раз его не спасет твое заступничество,— добавила мать-настоятельница.

Север хмуро кивнул, но спорить не стал.

— Мы же тем временем постараемся склонить девушку на свою сторону.

При этих словах Халима снова не выдержала.

— Да разве ты не видишь?! — закричала она.— Она никогда не пойдет за нами! Она же ненавидит нас!

— Конечно, ненавидит,— по-прежнему не теряя спокойствия, ответил Север.— За что ей нас любить? За то, что мы убили ее друзей?

— Это не имеет значения,— прошипела настоятельница.— Воровка должна умереть, или нас ждут большие беды!

— Я устал с тобой спорить,— вздохнул Север.— Впрочем, я уже высказал свое мнение, и мне нечего добавить.

Он скрестил руки на груди и прислонился к стене, не глядя на кипевшую от злости девушку. Взгляды остальных остановились на матери-настоятельнице: настало время решать, что делать с пленницей.

— Пока рано принимать окончательное решение,— подумав, сказала она.— Я еще сама поговорю с ней с глазу на глаз, а дальше...— Она задумалась на мгновение.— А дальше видно будет. Либо она умрет, либо...

— Что либо? — совершенно забывшись от ярости, переспросила настоятельница.

— Быть может, ей выпадет участь стать Первой!

* * *

Вернувшись к себе, Халима в ярости заметалась по комнате. Все сегодня словно сговорились вывести ее из себя! Мать-настоятельница, которая обычно с таким вниманием относилась к своей помощнице, вдруг словно ослепла и оглохла. А Север со своим твердокаменным спокойствием, которому она частенько завидовала и даже пыталаась порой подражать? Будь ее воля, она повесила бы мерзавца!

Едва не зарычав от злости, она налила бокал вина и подошла к окну, пытаясь успокоиться. Всегда Север умен, ничего не скажешь. Как ловко он обошел ее! Не чета прочим мужчинам. Она отпивала вино маленькими глоточками, понемногу приходя в себя. А вот с пленницей придется что-то делать, иначе не только Ханторек, но и все остальные...

При этой мысли утихшая было ярость вспыхнула в ней с новой силой. Халима развернулась и с размаху запустила полупустой бокал в противоположную стену. Осколки драгоценного хру-

стала с жалобным звоном посыпалась на мраморные плиты пола, недопитое вино расплылось по стене безобразным кровавым пятном. Дверь тут же отворилась, и в нее заглянул испуганный послушник.

— Что-то случилось, госпожа?

— Вон отсюда!!! — взревела Халима, и дверь мгновенно захлопнулась.— Вернись! — тут же крикнула она не менее грозно.— Убери это безобразие!

Она показала на пятно и осколки, и послушник тут же скрылся, чтобы считанные мгновения спустя вернуться с ведром воды и тряпкой. С каким-то мрачным удовольствием следила Халима за тем, как юноша собирает осколки. «А ведь я могла бы и его так же размазать по стене,— подумала она,— и только кровавое пятно осталось бы...» Послушник закончил уборку и замер в полупоклоне, не решаясь поднять глаза на настоятельницу. Она кровожадно улыбнулась: боится — это хорошо.

— Пшел вон! — процедила она.

Ей захотелось взять кнут и отстегнать послушника, просто чтобы дать выход душившей ее злобе. У нее даже ладони зачесались. Вот так бы отомстить Хантореку за то, что решил променять ее на какую-то рыжеволосую шадизарскую шлюху! А потом спустить шкуру и с девки! А впрочем... Она снова быстро заходила по комнате. Кто ей мешает?..

Девушка остановилась у окна, наблюдая, как Север в парке болтает о чем-то с Вамматаром. Быть может, и не зря Вожак отстоял пленницу перед Разарой?

«Слишком уж я привыкла к спокойной жизни в тихом Логове,— подумала она.— Спала с Хантореком, этим жалким сморчком, на которого, как оказалось, и положиться-то нельзя, да ждала, когда освободится место матери-настоятельницы. Так можно всю жизнь потратить на ожидание... Не пора ли поторопить события? Раздавить слизняка Ханторека, заменить его кем-то более мужественным, отомстить рыжей стерве за унижение... А мать-настоятельница? И она не вечна. Слишком уж размеренно и неторопливо течет жизнь в Логове. А чтобы расшевелить ее, неплохо бы, чтобы до Похиолы дошли тревожные вести из Логова. Правда, ничего страшного пока не произошло, но ведь события можно поторопить... Прямо сейчас».

Халима усмехнулась. Если рыжая девка украдла Клык Белой Волчицы, она должна была спрятать его где-то неподалеку, ведь клинка при ней не нашли! А поскольку воровка умна и не выбросила его в кусты, надо полагать, его и не найдут, хотя и ищут с самого утра. Очень скоро они обшарят все Логово и успокоятся, решив, что кинжал взял кто-то другой. И вот тогда ей нужно быстро отыскать его, потому что вслед за стражниками и послушниками за поиски возьмется сама Разара, и тогда можно не сомневаться, что, если нож еще здесь, она-то найдет его. А если нет, ей придется отвечать перед Орденом, и тогда... От этих мыслей Халима повеселела, но тут же спохватилась: рано радоваться. Пора четко распределить роли между всеми, кто хоть что-то значит в иерархии Логова.

* * *

Вамматар поджидал Севера в парке и, когда тот вышел из дворца, тут же подбежал к нему.

— Не знаю, как и благодарить тебя,— начал он, но Вожак мягко оборвал гипербореяца:

— Не трать понапрасну слова, дружище. Как знать? Быть может, скоро ты мне окажешь такую же услугу...— задумчиво добавил он.

— Что ты имеешь в виду? — насторожился начальник наружной стражи.

— Мать-настоятельница жестока, но ум пока сильнее ее чувств. Иначе тебя не спасло бы мое заступничество. Но ведь кинжал пропал...

— Думаешь, ее изгонят из Ордена? — Вамматар всмотрелся в лицо Вожака.— Мне казалось, этого никогда не случится.

— Все меняется в этом мире,— заметил Север.— Но после сегодняшнего разговора я вдруг подумал... Что ждет нас, если мать-настоятельница впадет в немилость или, наоборот, переберется в Похиолу? Ее место займет Халима. А эта девочка не станет церемониться с теми, кто не согласен с ней.

— Но что же делать? — прошептал гипербореец.

— Я скажу тебе, что делать,— спокойно ответил Север, и Вамматар насторожился.— Во-первых, держать язык за зубами.

— А во-вторых?

— Ты же начальник наружной стражи. Ну вот и выясни, кто как настроен.

— А что тут выяснить-то? На людей положиться нельзя. Следопыты они отменные, но на уме у них только вино, девки да кости. Другое дело

Вулоф и его стая. Они за мной куда угодно пойдут, а после сегодняшнего разговора и за тобой тоже. Вулоф же прекрасно понял, что ты для него сделал... Так что можешь не сомневаться.

— Вот и отлично,— кивнул Север.— И помни...

Сказав это, он сжал двумя пальцами губы, напоминая, что рот нужно держать на замке.

— Не беспокойся,— Вамматар усмехнулся,— я не проболтаюсь. Вулоф не слишком разговорчив, а остальные вообще не говорят.

* * *

Оставшись в одиночестве, мать-настоятельница задумалась. Великолепно поставленное дело вдруг пошатнулось, хотя никаких видимых причин она назвать не могла. Впрочем, не зря, видно, говорят, что нельзя слишком долго охотиться одним и тем же способом: зверь привыкнет и научится обходить ловушки. А ведь они охотятся на людей — зверей разумных...

Да... Как бы там ни было, а наложенная система, которой она так гордилась, дала сбой. Значит, и вправду нужно что-то менять. Кинжал пропал — вот что скверно. Главное, что она не знает, как отнесутся к этому в Похиоле. Это могут расценить как непростительный промах, но, если ей удастся доказать, что перемены давно назрели, что зверолюди так и остались полуразумными существами, которых почти невозможно заставить повиноваться, то в утрате клинка никто не увидит катастрофы.

Однако ехать с объяснениями все равно придется, и объяснения предстоят не их приятных...

Если... Если, конечно, клинок не отыщется в ближайшие дни.

Мысли о кинжале вернули Разару к утреннему разговору. Она вспомнила о рыжеволосой пленнице и решила, что стоит, пожалуй, познакомиться с ней поближе, поговорить с глазу на глаз. Если она согласится стать послушницей, то прием в Похиоле, может, будет не столь уж и холодным.

Рука ее сама потянулась к молоточку...

* * *

Едва замок защелкнулся, Соня отошла к стене рядом с дверью, где ее не могли видеть оставшиеся в коридоре охранники, прислонилась спиной к холодному камню и закрыла глаза, пытаясь отогнать страх и осмыслить все, что с ней произошло. А подумать и в самом деле было над чем. До сих пор она считала, что пришла сюда красть и попалась на краже. Теперь же, когда увидела Ханторека, поняла, как ошиблась. Ее заманили в ловушку, но зачем? Пока ее жизни ничто не угрожает, но и о спокойствии говорить не приходится. Надо держать ухо востро и готовиться к побегу. Молодой бритунец и близнецы погибли, и неизвестно еще, что случилось с Альво, Сурханом и Альрикой. Ясно лишь, что те, кто ее поймал, настроены серьезно. Только вот на что? Ответить на этот вопрос она не могла, и оставалось только ждать, пока не выяснится, зачем их заманили в Логово. Не для того же, в конце концов, чтобы всех поубивать! Если так, то настоящая причина должна скоро выясниться.

Ее размышления прервал звук шагов, который донесся из коридора. Шаги приблизились, лязгнула связка ключей. Кто-то завозился с замком. Механизм щелкнул раз, другой, и дверь отворилась. В камеру вошел рослый бородач и принял недоуменно оглядываться, пока не заметил притаившуюся у него за спиной девушку. Его лицо растянулось в довольно ухмылке.

— Идем со мной, красавица. Мать-настоятельница хочет говорить с тобой.

— Мы только что виделись.

— Это ты ей скажи!

Соня пожала плечами и шагнула к двери, понимая, что именно сейчас все и выяснится.

— Ты звала меня? — спросила она, когда стражник вышел из комнаты, с вызовом посмотрела в лицо Разары и только теперь осознала, что никого, кроме них, в комнате нет.

— Вопросы здесь задаю я, милая, — тихо ответила мать-настоятельница, но в голосе ее не прозвучало и тени ласки.

— Мне казалось, что ты уже спросила обо всем, — усмехнулась Соня, хотя от змеиного шипения Разары и веяло смертельным холодом.

Некоторое время обе женщины молчали, глядя друг на друга изучающими взглядами.

— Я уже знаю, что ты умна и смела, — наконец заговорила мать-настоятельница, — но не думай, что это дает тебе право на дерзость и неповиновение. Ты попалась на краже нашей святыни и должна знать, что в Гиперборее кара за такое преступление — медленная смерть.

— Да,— кивнула Соня, и спокойствие далось ей совсем непросто.— Это я знаю. Мне неясно только одно — зачем все это подстроено? — Она вопросительно посмотрела на Разару.— Это ведь было подстроено?

— Ну,— Разара усмехнулась,— ты еще и проницательна. Твоя догадка предельно очевидна.

— Наверное.— Соня нахмурилась.— Особенно после того, как ее подкрепили трупами трех моих друзей...— Она подошла к Разаре вплотную, словно собиралась напасть на нее.— Или их больше?

— Брось! — зло огрызнулась Разара, невольно отступая на шаг.— Любой из вас совершил столько преступлений, что хватит на десять смертных приговоров! Те, кто лишился жизни, вовсе не были невинными младенцами! К тому же знали, на что шли,— добавила она, успокаиваясь.

— Я спросила тебя: зачем? И до сих пор не получила ответа,— процидила сквозь зубы Соня.

— Зачем? — переспросила Разара.— Ну что ж, быть может, действительно настал твой черед спрашивать? Все просто. Это отбор. Жестокий и беспощадный. Но нам нужны лучшие из лучших.

— Кому нам? И для чего?

— Об этом я и хотела рассказать тебе. Клану Белой Волчицы покровительствует орден Белой Руки. У нас есть друзья на юге, которые поклоняются Сохмет, а также на западе и востоке. Наши единомышленники обосновались по всей Хайбории, и почти не осталось мест, куда нам не удалось еще проникнуть. Скоро начнется большой поход. Мы уничтожим митрианство, не говоря

уже о более мелких сектах, и создадим новый мир. Но предстоит еще много работы.— Она посмотрела на Соню.— Логову нужны бойцы, быстрые, смелые, беспощадные и послушные. К сожалению, у нас пока всего один такой воин — Вожак стаи Север. Тот, кто поймал тебя. Это плохо, и ему нужен напарник. Этим напарником можешь стать ты. Не торопись отказываться! — воскликнула она, видя, каким гневом сверкнули глаза девушки.— Выслушай меня до конца.

— Если даже я соглашусь,— все-таки перебила ее девушка,— меня ждет здесь весьма незавидная жизнь.

— Это еще почему?

— Суди сама. Север относится ко мне совершенно равнодушно. Я для него пустое место. Огромный гирканец, наоборот, весьма неравнодушен и вряд ли впредь ограничится одними взглядами. Того же я ожидаю и от Ханторека. Наконец, молодая гирканка просто ненавидит меня, хотя я и не понимаю, за что. И самое главное: чтобы хорошо делать дело, нужно, по крайней мере, интересоваться им. Мне же ровным счетом наплевать на ваши цели и стремления.

— Ну, последнее-то как раз не беда. Аппетит приходит во время еды. Чтобы полюбить дело, нужно узнать его. С Халимой тоже все просто. До недавнего времени они с Хантореком были близки. Так что, скорее всего, она ревнует. Это пройдет, как только она найдет замену Хантореку. Что же касается мужчин... Приходи ко мне,

и уж я позабочусь, чтобы тебя оставили в покое. Ну что, я тебя убедила? — Она пытливо всмотрелась в лицо девушки и разочарованно вздохнула. — Вижу, что нет. Но все равно не торопись отказываться. Помни, ты или согласишься, или умрешь. Сейчас тебя отведут в камеру. Посоветуйся со своей подругой. — Она увидела, как девушка вздрогнула, и поспешила успокоить ее: — С ней все нормально, не волнуйся. Твоим спутникам удалось уйти, а под девушкой пала лошадь. Обсудите мое предложение. Оно, кстати, касается и ее тоже. Если надумаете согласиться, крикни охраннику, чтобы позвал Севера, — он позаботится о вас.

* * *

Третий раз за последние сутки двери камеры захлопнулись у нее за спиной, но теперь, стоило девушке переступить порог, на шею ей бросилась Альрика, и Соня с удивлением почувствовала, что нет для нее на свете никого роднее, чем эта едва знакомая трусиха-бритунка.

— Наконец-то! — шептала Альрика, заливаясь слезами. — Я уже думала, что осталась одна.

— Да успокойся ты, дуреха! — Соня насили у оторвала ее от себя. — Теперь мы вместе, и все будет хорошо. Расскажи лучше, что там у вас случилось? Как ты попала сюда?

— Да рассказывать-то и нечего, — заговорила бритунка успокаиваясь. — Вы ушли, и все вроде бы шло хорошо. Стояла мертвая тишина. Правда, казалась она какой-то неживой и было жут-

ковато, но в общем — ничего. И вдруг этот крик! — Глаза девушки округлились от ужаса, и она вновь зарыдала. — Кто это кричал, Соня? Кто?

— Не знаю. — Шадизарка тряхнула медными локонами. — Тел я не видела, мне только сказали, что все наши друзья погибли.

— О-о-о... — Альрика начала тихонько подывать, а Соня не знала, как успокоить подругу, и только гладила ее по голым плечам да по пушистым волосам. — Соня, — прорыдала наконец бритунка, — ведь человек не может так кричать... Что они с ними сделали?

— Не знаю, милая, не знаю, — повторяла Соня, — но ты успокойся. С нами ничего страшного не произойдет. Мы вырвемся отсюда!

— Откуда ты знаешь? — Альрика посмотрела на нее заплаканными глазами. — Тех, кто пошел с тобой, убили. Альво с Сурханом, наверное, тоже, а нас поймали только для того, чтобы предать мучительной смерти!

— Альво с Сурханом сбежали.

— Почему ты так думаешь? — спросила девушка, с надеждой глядываясь в лицо подруги.

— Мне сказала об этом здешняя владычица.

— И ты поверила ей?!

Бритунка с сомнением покачала головой. Соня задумалась. Она ведь действительно поверила матери-настоятельнице. А если та солгала?

— Поверила. Да и зачем ей лгать? Наоборот, ей выгоднее запугать нас. Она ведь предложила мне выбор: или мы остаемся здесь, или нас ждет медленная смерть.

При этих слова Альрика вздрогнула и отпрянула от подруги.

— И что ты ответила? — дрожащим голосом спросила она.

— Пока ничего.

— Нужно соглашаться,— быстро прошептала бритунка, и глаза ее лихорадочно заблестели.— Нужно выжить, пусть даже придется остаться в этом проклятом месте. Нужно проявить покорность, и тогда!..— Она наклонилась к самому лицу подруги.— Ты правильно сказала: рано или поздно у нас появится возможность сбежать отсюда,— выпалила она и устало закрыла глаза, словно силы вдруг покинули ее.

Соня ничего не ответила. Она только кивнула и подумала о том, как странно устроен мир, в котором порой панический страх подсказывает те же решения, что и здравый смысл, а затем подошла к зарешеченному окошку:

— Ей! Есть тут кто?!

— Че надо?! — донеслось из темноты.

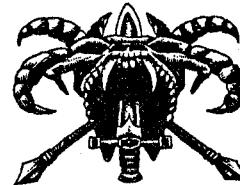
— Севера позови!

— Может, я его заменю?! — послышался хриплый смешок.

— Может! Когда-нибудь! Если научишься пасть держать закрытой! А сейчас позови Вожака, если не хочешь оправдываться перед матерью-настоятельницей!

Стражник что-то проворчал и отправился выполнять ее поручение.

Глава пятая

Прошло совсем немного времени, и вновь послышались шаги стражника, зазвенели ключи на связке, щелкнул замок, и дверь отворилась. В камеру вошел Вожак.

Соня пристально посмотрела на него, словно видела впервые. Север оказался красив, но не приторной, как Ханторек, а суровой мужской красотой. Однако, как ни странно, его лицо не понравилось Соне, равно как и могучее тело Вожака, увитое жгутами тренированных мышц. Шадизарка поняла также, что спокойствие, которое она горяча приписала надменности, высокомерию, скорее, объясняется умом и внутренним, не показным благородством. И все-таки ненависть девушки вспыхнула с новой силой. Она настойчиво искала в нем хоть какой-то недостаток и не находила, а от этого еще больше злилась.

Когда же она посмотрела на подругу и увидела ее устремленный на Севера взгляд, полный восторга, то едва не задохнулась от ярости. Заду-

майся она о причинах, и поняла бы, что чувство, которое она сейчас испытывает,— не что иное, как ревность. Но Соня убила бы на месте любого, кто осмелился даже заикнуться об этом.

— А ну отвернись,— прощедила она сквозь зубы.— Мы должны переодеться.

— Рад бы, да не могу,— насмешливо ответил он.
— Это еще почему?

— Слишком уж грозный у тебя вид — боюсь получить камнем по затылку,— все так же улыбаясь, объяснил он.— Так что уж либо раздевайся при мне, либо пусть она идет нагишом.

— Ладно, наслаждайся,— фыркнула она, быстро сбросила свой скучный наряд и разорвала его на четыре неравные части.

Двумя девушками прикрыли грудь, из двух других, побольше, получилась пара коротеньких юбочек. Север наблюдал за ними с легкой улыбкой, но похоти в его взгляде Соня не заметила, и это опять-таки рассердило ее.

— Пошли,— коротко бросил Вожак и направился к двери.

— Что-то подозрительно скоро ты перестал опасаться за свой затылок,— ехидно заметила Соня.

— Теперь не успеешь,— спокойно ответил он.

Он быстро развернулся, шагнул в сторону, одновременно протянув руку к двери, которая как будто сама отворилась ему навстречу. Север сделал еще один шаг и остановился уже снаружи, поджидая пленниц. Словно был человек и нет его. Только что стоял совсем близко, а теперь уже в коридоре — глядит на их растерян-

ные лица и ухмыляется. «Змея! — зло подумала Соня.— Ненавижу! Пропади ты пропадом!»

Они вышли из камеры и обнаружили, что кроме знакомого уже стражника их поджидают еще четыре воина, шагов которых девушки не слышали.

Соня так и не заметила, в каком месте сплошная гранитная стена перешла в каменную кладку. Вскоре лестница, по которой они поднимались, кончилась и впереди показалась дверь. Они вышли наружу и дальше направились по аллеям парка. Север впереди, а пленницы — в окружении четверых вооруженных воинов.

Они прошли мимо беседки, фонтана, миновали злополучный колокол. Парк кончился. Приблизились к плацу, на котором проводились занятия. Справа раскинулся лесок, а живописное озеро, поросшее кувшинками, отделяло его от плаца. Слева громоздились коробки казарм.

Север уверенно повел всех к одной из них. Соня увидела, как замерли люди на плацу, разглядывая их, значит, не так часто попадает сюда кто-то чужой. Они прошли мимо круглого здания, внутри которого располагался колодец, и вскоре наконец добрались до казармы. Не слишком широкий, но и не узкий коридор расходился внутри вдоль торца и вновь соединялся перед вторыми дверьми. По обеим сторонам коридора тянулось два ряда дверей. Пленницы и их сопровождающие сразу свернули направо, затем налево, за угол и, пройдя десяток шагов, остановились перед дверью. Север отпер замок (причем

Соня так и не заметила, как ключ оказался в его руке), шагнул внутрь и жестом позвал их за собой.

— Располагайтесь, девушки,— как-то просто, по-домашнему, предложил он.— Пока вам придется побывать здесь вдвоем. Надеюсь, только сегодня. Тут не так просторно, как в знакомом вам подвале, но зато есть окно, а в шкафу найдется одежда. Думаю, это в какой-то мере поможет вам смирииться с теснотой,— добавил он, и Соне показалось, что по губам Вожака скользнула едва заметная улыбка.

«Вот мерзавец! — зло подумала девушка.— Еще издается!»

— Значит, мы по-прежнему пленницы? — спросила она вслух.

— Пока да,— честно ответил он,— но, думаю, это не надолго.

— Не надолго — это как?

— До завтрашнего утра. Пока вам придется побывать здесь,— повторил он.

— Уже говорил,— не преминула заметить Соня.

— Я помню,— равнодушно согласился он.— Ужин вам принесут сюда, как, впрочем и остальным послушникам.

— Завтрак тоже подадут в постельку?

— Нет,— ответил Север, мимолетной улыбкой показав, что по достоинству оценил ее милую шутку.— Четверо людей,— продолжил он,— что сопровождали вас, останутся снаружи. Если понадобится выйти, дайте им знать. Дверь пока будет заперта. Если утром сможете выйти, зна-

чит, все нормально. Утренний колокол означает подъем. Выйдите наружу и делайте то же, что и все остальные.

— И что именно? — поинтересовалась Альрика.

— Умывание, завтрак, занятия. Дневной колокол — обед и небольшой отдых. Вечерний колокол — ужин и сон.

— То есть муштра от зари до зари? — хмыкнула Соня.

— Ничего подобного,— сдержанно возразил Вожак.— Занятия заканчиваются гораздо раньше вечернего колокола, чтобы у послушников оставалось достаточно времени для отдыха и общения. Да и сами занятия вряд ли можно назвать муштрай. Из вас ведь не солдат готовят, да и попадают сюда только после тщательного отбора.

— После смертельного,— хмуро поправила его Соня.

— Верно,— спокойно согласился Север, не обращая внимания на мрачный намек Сони.— После начального курса каждую из вас определят в группу, соответствующую вашим способностям.

— Ты думаешь, в этой дыре отыщется кто-то более умелый, чем я?

— Отыщется, не сомневайся. Хоть в чем-нибудь.

— Ну ладно.— Соня устало махнула рукой. Севера, похоже, ничто не могло вывести из себя, и ей стало неинтересно.— А завтра? — перевела она разговор на другую тему.— Если все пойдет нормально, мы станем наконец свободными? Или как?

— Безусловно. Но лишь в светлое время суток и только в пределах Логова,— ответил Север, и Соня вновь показалось, что по губам его скользнула едва заметная усмешка.

Она пристально посмотрела на Вожака, но ни один мускул не дрогнул на его лице. О боги! А человек ли он?!

— Кстати,— вновь заговорил Север,— хочу предупредить сразу, что между вечерним и утренним колоколами выходить из здания нельзя. Это правило относится ко всем послушникам.

Он подождал немного, но Соня больше не задавала вопросов. Тогда он коротко кивнул обеим девушкам и вышел. Ключ повернулся в замке, и подруги остались одни.

Соня посмотрела на Альрику. Та не отводила от закрывающейся двери влюбленного взгляда, словно Север все еще стоял в комнате.

— Ты видела, какой он?! — мечтательно произнесла бритунка.

— Мерзавец он,— процедила сквозь зубы Соня, чувствуя, что снова начинает злиться.

— И какой красивый,— словно и не слыша ее, продолжала девушка.

Соня посмотрела на подругу и неожиданно для себя самой расхохоталась. Та непонимающе уставилась на нее и через мгновение тоже рассмеялась. Когда обе успокоились, Альрика вновь посмотрела на подругу и покачала головой.

— Ну что ты такая сердитая? — спросила она, словно вспомнив страшный сон, помрачнела.— Наших мальчиков все равно уже не вос-

кресишь...— Она вздохнула.— А нам нужно выжить.

— Ты, я вижу, уже прикинула, как? — поддела ее Соня.

— А что? — удивилась бритунка.— Потрясающий мужчина! В жизни не видела такого! — Она пожала плечами.— А уж я повидала мужчин.

Соня смотрела на подругу и не верила своим глазам. Только что помирала со страха и вот на тебе — смотрит влюбленными глазами и, не задумываясь, готова прыгнуть в чужую постель! Чтобы как-то скрыть свое удивление, она подошла к шкафу и открыла створки. На вешалках висело несколько блеклых хламид. Соня перебрала их и поморщилась: одинаковые мешки от грязно-коричневого до серого, и единственное различие — есть капюшон или нету его.

— Выбор-то не богатый,— недовольно проворчала она, но Альрика только расхохоталась:

— Да уж, с тем, что ты дала мне, ни в какое сравнение не идет. Но что же ты надеялась найти здесь? Туалеты придворных дам короля Фи-лого?

— Нет, конечно,— согласилась Соня.— Но эти мешки на редкость безобразны.

— Ничего,— бодро отозвалась подруга,— на первое время сгодится и это, а потом что-нибудь придумаем.

Они как раз успели переодеться, когда в замке провернулся ключ и дверь отворилась.

— Кто из вас двоих Соня? — спросил вошедший, попеременно глядя то на одну, то на другую.

— Я Соня,— ответила шадизарка.

Человек в сером халате с капюшоном, примерно таком же, как и тот, что теперь закрывал тело Сони, перевел на нее взгляд.

— Тебя желает видеть отец-настоятель,— сообщил он.— Иди за мной.— Он вышел в коридор и обернулся к стражникам: — Двое сопровождают нас.

Соня направилась за посланцем, гадая про себя, кто такой отец-настоятель и что ему понадобилось от нее.

Она даже не заметила, как они вновь миновали парк, и очнулась, лишь услышав стук в дверь, у которой остановились и ее стражи, и она сама. Изнутри никто не откликнулся, но пришедший за ней человек в сером не стал дожидаться ответа, а просто толкнул дверь и вошел внутрь.

— Она здесь, повелитель,— услышала Соня, после чего ее жестом пригласили войти.

— Оставьте нас,— коротко бросил Ханторек провожатому, и тот, коротко кивнув, вышел.

Пока дверь не затворилась, Ханторек даже не повернул головы к Соне, но, едва лишь они остались одни, он улыбнулся девушке, а взгляд его засветился восторгом.

— Даже в этом рубище ты прекрасна! — напыщенно произнес он и жестом пригласил ее садиться.

Окинув с порога комнату взглядом, Соня заметила пару кресел с высокими спинками, которые стояли у небольшого круглого столика с вином и фруктами. Два высоких темно-фиолетовых хрустальных бокала ясно показывали, что Хантопек, приглашая ее, рассчитывал на беседу в не-

принужденной обстановке. Уголки губ девушки едва заметно дрогнули.

— Благодарю за приглашение,— усмехнулась она,— но я предпочитаю остаться там, где стою, и выслушать то, что ты собрался сказать мне.

Неизвестно, почувствовал ли отец-настоятель скрытую иронию или нет, но он улыбнулся и беспомощно развел руками.

— Как хочешь,— ответил он.— Просто я думал, мы поболтаем немного, но, если ты настаиваешь, буду краток.

— Да, хорошо бы,— кивнула Соня.

— Мне известно, что ты согласилась стать послушницей,— продолжил он.— Теперь настало пора поговорить о заманчивом предложении, на которое я намекал тебе еще при нашей первой встрече в Шадизаре.

— В чем же оно заключается?

— Как я понимаю, тебя гнетет такое положение и ты не прочь изменить его? — усмехнулась Соня.

— Вовсе нет,— ответил Ханторек.— Быть вторым — совсем не так плохо. Особенно если тебя только называют вторым.

— Кажется, я понимаю тебя,— кивнула Соня.

— Это хорошо.— Он облегченно вздохнул.—

Так вот, мне нужен единомышленник. Умный и решительный. Вдвоем ведь всегда легче пробиться к вершинам власти в этом мире. До сих пор для меня таким единомышленником была Халима, но она, к сожалению, не удовлетворяла меня.

— Странно. Она показалась мне темпераментной девушкой. Неужели ты так ненасытен?

— Я вовсе не это имел в виду,— холодно ответил Ханторек, но Соня видела, что уши его запылали.— Она хитра, но не умна. Она готова сто лет просидеть в этой дыре, дожидаясь, когда освободится место матери-настоятельницы. У меня же нет столько времени,— говорил он, все больше воодушевляясь.— Я помогу тебе побыстрее продвинуться, ты поддержишь меня, и, клянусь, через пять лет мы переберемся в Похиолу!

— Почему не в Халогу?

— А что делать в этой дыре?! — воскликнул он.— Халога — лишь центр светской власти. Аухи, глава Белой Руки, правит в Похиоле, и там же набираются сил наши сторонники. Именно в Похиоле должен находиться тот, кто желает занять достойное место в новом мире.

— Хорошо, хорошо,— остановила его Соня, на которую, похоже, зажигательная речь отца-настоятеля не произвела особого впечатления.— Взаимоотношения нашего союза с Орденом Белой Руки мне понятны: Орден поможет нам претворить в жизнь наши величественные планы.— Она усмех-

нулась.— Теперь, будь любезен, объясни, какие отношения ты мыслишь между мной и тобой?

Щеки Ханторека запылали.

— Ты займешь подле меня место Халимы.

— И под тобой, вероятно, тоже,— обворожительно улыбаясь, уточнила Соня.

— Ты сводишь меня с ума, колдунья! — выдохнул он давно заготовленную фразу и шагнул навстречу девушке, но вместо того чтобы броситься в его объятия, она лишь предостерегающе подняла руку.

— Стой, где стоишь! — холодно ответила Соня.— Поверь, так будет лучше для нас обоих.

— Но почему?! — взвыл он.

— Потому что мне очень хочется прирезать тебя,— объяснила девушка.

Ханторек побледнел, и только уши его пылали двумя яркими факелами. Он тупо смотрел на Соню, не понимая, что происходит.

— За что?

— За что? — переспросила Соня.— Постараюсь объяснить. Ты заманил меня сюда обманом...

— Неправда! — воскликнул он.— Ты сама согласилась!

— Да что ты говоришь? — всплеснула руками девушка.— Я согласилась выкрасть для тебя кинжал, но оказалось, что тебе нужно вовсе не это. Остальное мне предельно ясно разъяснила мать-настоятельница: я становлюсь или послушницей, или покойницей. В нашем с тобой договоре об этом ничего не говорилось. К тому же ты убил моих друзей.

— Я не убивал... — прошептал он еле слышно.

— Но ты заманил их сюда,— с ненавистью посмотрела на него Соня,— и здесь они нашли смерть.

— Они не прошли отбора.

— Ты ничего не говорил об отборе! И, наконец,— продолжала Соня, с трудом беря себя в руки,— ты пытался убить тех, кто остался. Двоим, правда, удалось бежать, но перед Альрикой встал тот же выбор — рабство или смерть.

Ханторек, который уже видел девушку в своих объятиях, был потрясен силой ее ненависти, однако все еще не мог поверить, что все надежды его напрасны, а потому страшно разозлился.

— Мне никто не смеет отказывать! — закричал он.

— Хочешь поспорить?

— Значит, нет? — Ярости его, казалось, не было предела.

Соня устало вздохнула: этот человек непривычно глуп. И такой собрался покорить мир!

— Я вижу, тебе надо растолковывать то, что было бы понятно и младенцу,— поморщилась она.— Поэтому буду предельно откровенна. Я не стану спать с тобой, потому что ты мне отвратителен, но и мстить не буду: не хочу портить себе жизнь из-за такой ничтожной твари, как ты. Но предупреждаю: держись от меня подальше. Или я устрою тебе такую веселую жизнь... Сто раз пожалеешь, что связался со мной!

— Ты смеешь угрожать мне?! — зло прохрипел Ханторек.

Он хоть и выглядел добродушным размазней, но отнюдь таким не был. Его лицо холеного

избалованного ребенка перекосилось от ярости и стало страшным. Соня поняла, что приобрела смертельного врага. Что ж, тем лучше! По крайней мере, она теперь знает, чего от него ждать.

— Вот именно,— смело ответила она.— А сейчас вели отвести меня обратно. Я устала и хочу спать.

— Ну что ж,— он вдруг заговорил совершенно спокойно,— ты сделала свой выбор. В отличие от своих тупых дружков ты не погибла, но очень скоро пожалеешь об этом... Если, конечно, не передумашь.— Он подошел к двери и распахнул ее: — Отведите послушницу назад! — приказал он и даже проводил ее насмешливым взглядом.

Соня шла, обдумывая этот неприятный разговор. Похоже, Ханторек все-таки не поверил в ее искренность. Видно, посчитал, что время пройдет, она успокоится и перестанет капризничать. Ну что ж, пусть потешится. Ей это только на руку. Что ни говори, а она изрядно рисковала, вызывая его гнев.

— Ну и как? — спросила Альрика, когда Соня вернулась и уселась рядом с ней на кровати.

— Предложил мне стать его любовницей,— брезгливо поморщившись, ответила она.

— Ну а ты? — спросила девушка, заметно оживившись.

— Посоветовала держаться от меня подальше, если еще пожить хочет.

— Ты с ума сошла! — воскликнула бритунка со смесью страха, восхищения и удивления.— Ведь ты могла бы прекрасно устроиться здесь!

— В Логове? — уточнила Соня.
 — Ну да!
 — А на кой оно мне сдалось? К тому же я предпочитаю сама выбирать друзей, не говоря уж...

Она так и не закончила фразы, но Альрика прекрасно поняла, что имеет в виду ее подруга.

— А если бы на его месте оказался Север?
 — Я бы убила его! — воскликнула воинственная шадизарка.

Альрика собралась спросить еще о чем-то, но в это мгновение ключ в замке провернулся два раза, дверь отворилась, и вошла послушница, неся в руках большой бронзовый поднос с едой. Девушка с откровенным интересом окинула внимательным взглядом двух новеньких, которым предстояло стать ее подругами, и поставила поднос на стол, стоявший у забранного стальной решеткой окна.

— Здравствуйте, девочки! — прощебетала она.— Я принесла ваш ужин. К сожалению, мне пора, но у нас еще будет время поболтать.

— Как тебя зовут? — спросила Альрика.
 — Лума,— ответила она, оборачиваясь в дверях.— А вас?

— Иди, Лума. Не велено, сама знаешь,— повторил ее стоявший в коридоре стражник.

— Не будь злюкой, Имар,— игриво улыбнулась послушница,— а то оставлю без сладкого.

Судя по тому, что он больше не стал говорить о правилах, шутливая угроза возымела действие.

— Так как вас зовут? — повторила она свой вопрос.

— Ее Соня,— мотнула головой бритунка,— а меня Альрика.

— Ага! — обрадовалась Лума.— Так это тебя вытряхнул из колокола Север?! — Соня вспыхнула, но достойно ответить не успела.— Да ты не расстраивайся! — легкомысленно махнула рукой девушка.— Укрытие ты себе выбрала — что надо! Никому до тебя еще не приходило в голову спрятаться в колоколе, но и Вожака еще никто не сумел перехитрить!

— Лума,— робко напомнил о себе стражник,— если кто-нибудь увидит, как ты болтаешь, мне попадет.

— Ну, до завтра, девочки!

Лума тряхнула коротко стриженными каштановыми волосами и исчезла.

— Что она тут нам принесла? — Альрика вскочила и подбежала к столу.— Ага,— удовлетворенно кивнула она,— овощное рагу, фрукты,— перечисляла девушка, пока не дошла до высокого медного кувшина.— Вино...— Она понюхала.— М-м-м! Туранское красное! Все! Решено! Я остаюсь!

Соня не выдержала и рассмеялась. Альрика удивленно уставилась на нее, пытаясь понять, что же так развеселило подругу. Соня рассказала ей, как посмеялась над Хантореком, но бритунка быстро смекнула, что вряд ли дело на этом закончилось, и понемногу вытянула из Сони всю историю. Та и не заметила, как сама увлеклась, и они, смеясь и перебивая друг друга, быстро умяли ужин. Напоследок они выпили немногого вина «за удачу», причем Альрика с явным удо-

вольствием, а Соня поморщившись, и почувствовали, что хочется спать.

— Баиньки пора,— томно улыбнулась Альрика.

— Ты, я вижу, уже готова.— Соня встала, чтобы расправить постель.

Та неуверенно кивнула, сняла через голову балахон, со вздохом облегчения улеглась на чистые простыни и тут же заснула. Глядя на нее, Соня покачала головой: похоже, ее подруга вполне довольна тем, что с ней произошло.

Она задула две масляные лампы из трех и устроилась на кровати поудобнее. Сказывалась накопившаяся за последние дни усталость, хотелось спать, но крутившиеся в голове мысли мешали расслабиться.

Как-то все здесь выглядело странно. Логово зверопоклонников расположилось на самой границе Гипербореи — страны варварской и полутикой. В то же время оно представляло собой огромную укрепленную усадьбу с любовно выстроенными дворцами и обилием статуй, выполненных в вольном аргосском стиле. Стражи-нелюди в подземелье и нормальные люди (сдержанные, взбалмошные, молчаливые, общительные, отрешенные и похотливые — всякие) наверху. Не слишком ласковый прием поначалу («А что ты хотела?!»), но вполне приличная, хотя и небольшая, комната, мягкая постель, сносная еда теперь, когда согласились остаться. Правда, порядки тут не намного мягче тюремных, но это-то как раз и неудивительно, ведь послушниками становятся не по доброй воле.

И вот что интересно — зачем это все? Соня задумалась. За стеной послышались равномерные неторопливые шаги. Бедняги стражники: им, похоже, сегодня спать не придется вовсе. Соня вспомнила сквозь надвигавшуюся дремоту, как заигрывала с одним из них Лума, и поняла, что стражники — обычные живые люди, с нормальными человеческими слабостями. Впрочем, не все здесь такие. Север, например, невозмутимый богатырь с благородным лицом, который по странной прихоти судьбы будил в ней непонятную злость. Или огромный, как бык, похотливый и, видать, не слишком умный Кучулуг. Соня подумала об обоих и решила про себя, что этих двоих ей, пожалуй, опасаться не стоит.

Матери-настоятельнице, судя по всему, вообще чуждо все, что близко и понятно обычным людям, но она умна, жестока и обладает полной властью в этом маленьком мирке. Пожалуй, эту женщину понапрасну дразнить не стоит.

Но есть у нее еще два врага, Ханторек и Халима, и оба не скрывают этого. Правда, ненависть отца-настоятеля она вызвала сама, но он не слишком тревожил Соню. Чутье подсказывало ей, что так или иначе она сумеет противостоять его козням. Гораздо опаснее молодая настоятельница. Теперь, после разговора с Хантореком, Соня поняла, за что ее невзлюбила гирканка. Нельзя сказать, что шадизарка боялась. Просто хорошо представляла, на что способна хитрая, мстительная женщина, обладающая к тому же немалой властью. Если она задумает отомстить, то Соне, по-

жалуй, придется не сладко. Впрочем, что будет, время покажет. Сейчас нужно как следует высаться, а там — как получится.

Она сладко зевнула. Мысли ее путались, но, прежде чем заснуть, она успела еще раз подумать о бедняге, приговоренном до утра шагать под ее дверью.

* * *

Весь вечер Халима металась по своим покоям, как загнанная в угол волчица. Как красива проклятая рыжая воровка! Она поняла, что Ханторек для нее потерян навсегда, и вовсе не потому, что изменил ей. Скорее всего, этого еще не произошло, но и грядущей измены Халима простить не могла.

Ханторек жестоко поплатится за то, что решил бросить ее. А после того как она разделась с негодяем, настанет черед рыжеволосой шлюхи. Халима вдруг почувствовала, что ей сразу полегчало, словно только что задуманная месть уже свершилась. Она даже рассмеялась.

Девушка подошла к окну, за которым уже стущались сумерки, и попыталась представить, какой она будет, ее месть, однако ничего в голову не приходило. Гирканка попыталась припомнить, что обычно делают в таких случаях. Яд, кинжал, стрела, веревка... Нет, все это не для нее. Они должны умирать долго и мучительно. Так, чтобы перед кончиной оба успели вспомнить всю свою жизнь до мелочей. Да! И все-таки чего-то не хватает... Она подошла к столу, налила вина

и задумчиво пригубила его. Что же она упустила? Ну конечно! Как она могла забыть об этом?! Они должны знать, за что несут кару! Пусть воют от бессильной злобы, кусают себе локти, зная, что ничего уже изменить нельзя! Вот тогда ее месть будет сладкой!

Она залпом выпила вино и в возбуждении вновь заходила по комнате. Теперь новые мысли снедали ее — как?! Как это сделать? Убить человека несложно, но как избежать возмездия? Здесь ведь Логово, и просто так убить послушника не может никто. Разве что мать-настоятельница.

Халима снова задумалась. Возбуждение ее понемногу углеглось. Надо сказать, молодую настоятельницу нисколько не смущало, что она никогда не убивала прежде. Она тут же попыталась это представить. Взяла кинжал и подошла к зеркалу, словно собираясь зарезать собственное отражение. Как ни странно, ей даже понравилось, когда она вспорола воображаемой жертве живот, а потом чиркнула по горлу.

Она вздохнула и положила кинжал на стол. Все это, конечно, хорошо, но ведь поднимется шум, ее тут же схватят. Конечно, она может подстерь девушки, когда та останется одна, и заявить, что та сама на нее напала. Скорее всего, ей поверят. Но что тогда делать с Хантореком? Во второй раз оправдаться будет труднее. Пожалуй, и с девушкой ничего не выйдет. Дернул же Нергал ее за язык тогда, у Разары. Молчала бы себе, так ведь нет. Наверняка все поняли, как она воз-

ненавидела рыжую суку! Случись с ней что, и старуха сразу сообразит, в чем здесь дело. Не спасет даже то, что она как настоятельница вполне может придраться к послушнице и потребовать ее наказания, которое случайно окажется излишне суровым. О будущем придется забыть, да и месть свершится только наполовину...

Вот если бы не она, а кто-то другой осуществил задуманное ею... А что? Это мысль! Но кто? Кто может расправиться с пленницей, а потом и с Хантореком? Север! Имя вспыхнуло в ее мозгу, казалось, помимо воли. Нужно только не торопиться. Вожак умен и сразу поймет, откуда ветер дует. Сперва нужно подобрать к нему ключик, а уж потом...

Она снова подошла к зеркалу, но на сей раз поправила прическу, хотя волосы лежали идеально, с удовлетворением отметила, что все еще молода и прекрасна, и шагнула к двери.

Она пошла по коридору, не опасаясь, что ее увидят: стражи стояли только в подвале, при входе, и все они старались пореже попадаться на глаза кому-то из местных властителей.

Когда Халима на миг остановилась перед дверью, ведущей в апартаменты Вожака, сердце ее колотилось так, что, казалось, готово было выскочить из груди. Сама не своя она толкнула дверь. Как ни бесшумно она двигалась, а Север мгновенно насторожился. Он уже лежал в постели и что-то читал, но теперь удивленно, с недоумением смотрел на вошедшую: их ничто не связывало, и немудрено, что визит показался ему странным. Ха-

лима улыбнулась ему самой чарующей и манящей улыбкой, на какую только была способна, не говоря ни слова, прикрыла за собой дверь и, все так же с улыбкой глядя на него, прошла на середину комнаты. Ловкие руки девушки скользнули по телу, и нежный шелк упал к ногам. Север откинул в сторону одеяло и медленно встал. Великая Волчица! Как он прекрасен! Гирканка задохнулась от восторга и даже испугалась, что потеряет сознание. Она закрыла глаза и попыталась расслабиться, но не сумела. Даже не видя его, она ощущала исходящую от него горячую силу, чувствовала, как он приближается, и задрожала, представив, как он сейчас прижмет ее к себе, а она...

Что-то холодное легло ей на плечи. Халима вздрогнула и открыла глаза.

— Не простишь, милая. Ночи еще холодные.

Она увидела собственный халат, накинутый на плечи, и поняла, что ее отвергли. Злость мгновенно вспыхнула в гирканке, но ноги не слушались ее, и она с ужасом почувствовала, что вот-вот рухнет к его ногам. Этого еще не доставало! Чувство жгучего стыда придало ей сил. Она окатила Севера яростным взглядом и, собрав волю в кулак, пошла к двери, моля богов лишь о том, чтобы он не заметил ее слабости.

Выходя от Вожака, Халима прислонилась к стене и попыталась отдохнуться. Ее по-прежнему тряслось. Правда, теперь уже не столько от неудовлетворенной страсти, сколько от закипавшей в душе злобы. Этого что, тоже окрутила рыжая шлюха?

Какой позор! Она пришла к нему, как уличная девка, и предложила себя! А он не нашел ничего лучшего, как заботливо накинуть ей на плечи халатик и выставить за дверь! «Тоже мне, мужик!» — подумала она с презрением. И тут же спохватилась: а если об ее позоре станет известно другим? Правда, Север не болтлив... Даже теперь, ослепленная обидой, она не могла отказать ему в благородстве.

Размыслия, она вдруг осознала, что уже не стоит у стены, а идет... Куда? И тут Халима сообразила, что ноги сами привели ее к покоям Кучулуга.

Как и Север, гирканец не спал, хотя уже и лежал в постели. Правда, не читал. Его и представить-то с книгой было невозможно. Кучулуг обдумывал, как бы половчее подъехать к новенькой, когда дверь в его комнату открылась и он увидел на пороге молодую настоятельницу. От неожиданности он замер и даже не почувствовал, как рот его приоткрылся, обнажая два ряда крепких белых зубов — вот это да! Даже в самых смелых мечтах он не заходил так далеко. О рыжеволосой красавице он тут же забыл. Впрочем, одернул себя Кучулуг, вполне возможно, что она пришла к нему по делу, хотя для дел уже и поздновато. Если бы на ее месте оказалась послушница, он бы знал, что делать, но Халима... Он замер, и его глуповатая улыбка словно превратилась в деревянную маску.

«Да, это не Север», — с досадой подумала Халима и, пройдя через комнату, остановилась в паре шагов перед его постелью. И вновь шелк халата,

во второй уже раз, скользнул по телу и замер у ее ног. Кучулуг совсем обомлел, но через мгновение ноздри его вздрогнули, учуяv запах возбужденной самки, и он почувствовал, как кровь прилила к лицу.

— К Нергалу! — прохрипел он с непонятныможесточением.

Одним движением великан сбросил с себя одеяло, вскочил, возвысившись горой над хрупкой девушки, сгреб ее в медвежьи объятия, бросил на простыни и навалился сверху. Халима упала на спину, вскрикнула от неожиданности, и кровать тут же мерно заскрипела в такт мощным толчкам огромного гирканца. Ее почти насиливали. Девушку чуть не стошило от омерзения. Она упиралась ладонями в скользкую от пота волосатую грудь, из последних сил уворачиваясь от тянувшихся к ней липких губ, не в силах ни вырваться, ни закричать, чувствовала, что стремительно слабеет, и тут волна дикого, животного желания захлестнула ее. Она зарычала и впилась в толстые губы Кучулуга. Она забыла обо всем, и, когда сознание вернулось к ней, не могла сказать, сколько времени прошло — то ли ночь только началась, то ли уже наступило утро.

Кучулуг лежал рядом и, как это ни странно, почувствовал ее пробуждение, хотя она готова была поклясться, что ни единым движением не выдала себя.

— Зачем ты пришла?

Халима почувствовала себя оскорблennой, но с изумлением подумала, что Кучулуг, похоже, вовсе не так глуп, как она думала до сих пор.

— Я уже которую ночь с одними тараканами сплю,— томно улыбнувшись, попыталась она отшутиться.

— Ты имеешь в виду Ханторека? — спросил Кучулуг, и оба рассмеялись.— А если серьезно?

— Я рассталась с Хантореком,— тщательно подбирая слова, ответила она и умолкла, чтобы сбраться с мыслями.

Гирканец тоже молчал. Он прекрасно понимал, что не Халима рассталась с Хантореком, а тот бросил ее и теперь она искала замену прежнему любовнику. Окажись на ее месте другая настоятельница, хотя бы Яра, или кто-то из послушниц, у него не возникло бы никаких вопросов, но Халима... Халима — другое дело. Она ближе прочих подобралась к месту матери-настоятельницы. С ней нужно держать ухо востро, а потому Кучулуг желал знать, какую игру она затеяла.

— Ханторек разочаровал меня,— вновь заговорила девушка.— И я даже рада, что рыжая воровка вскружила ему голову. Я поняла, что, пока жизнь стремительно проносилась мимо, я тихо кисла в этом болоте, а в нашем мире нельзя стоять на месте. Чтобы достичь чего-то, нужно идти вперед. Ханторек же хлипок и телом, и духом,— зло процедила она,— и не годится в попутчики.

— Сморчок,— убежденно подтвердил Кучулуг.

— Именно,— рассеянно согласилась Халима.— Мне нужен другой человек,— с жаром продолжила она,— сильный и решительный. Способный претворять в жизнь мою волю.

— Твою волю? — насторожился гирканец.

— Мы будем на равных,— поспешила уверить его Халима,— но не забывай, Белая Рука — женский орден!

— Твоя правда.— Кучулуг кивнул и успокоился, но тут же насторожился вновь.— А почему ты пришла ко мне, а не к Северу? У него больше власти.

— Север себе на уме,— помолчав, ответила девушка.— Я не могу ему доверять.

— Тоже верно,— согласился гирканец, окончательно успокаиваясь.— От него лучше избавиться, но, если честно, я не знаю, как.

— Не понимаю, что тебя так тревожит? — с нарочитым равнодушием сказала она.— Давно бы раздался с этим выскочкой! Или не уверен в себе?

— Да я хоть сейчас сверну ему шею! — запальчиво воскликнул гирканец.

— Так что ты медлишь? — спросила она, ловя его взгляд.

— Как будто сама не знаешь? — недовольно проворчал он.

— Что ты имеешь в виду?

— Разве тебе не известно, что мать-настоятельница питает к нему странную слабость? Да намекни любой из нас на то, что Разара хоть что-то сделала не так, и не сносить нам головы! Ни мне, ни тебе, ни Хантореку! А он умудрился еще отстоять и дружка, и зверюгу!

— Тут ты, пожалуй, прав,— согласилась Халима,— но это не отменяет законов стаи. Если брошивший Божаку вызов одерживает над ним по-

беду, он сам становится Вожаком! Тут даже мать-настоятельница ничего не сможет сделать.

— Я как-то не подумал об этом,— тихо проговорил Кучулуг.— Но все равно это не так просто, как тебе кажется. Я не могу просто так зарубить его: меня тут же схватят за убийство. Все должно произойти на глазах у людей, даже если ими окажутся простые послушники. И даже тогда я не имею права бросить ему вызов. Именно он должен начать спор, и вот тогда, если я не подчинюсь, состоится поединок. Но как сделать это? Севера невозможно вывести из себя.

— Думаю, это может оказаться проще, чем тебе кажется,— усмехнулась Халима, и, посмотрев на его удивленное лицо, пояснила: — Соня!

Однако Кучулуг не обрадовался, как она ожидала, а только присвистнул.

— Ты не совсем права,— помолчав, возразил он.— После утреннего разговора мать-настоятельница вызвала меня к себе и велела оберегать шадизарку от неприятностей. Так что сама понимаешь, что ждет меня, если я начну придиরаться к новенькой... Впрочем, быть может, это и к лучшему...

— Объясни,— оживилась Халима.

— Я знаю, что всех наставников известили об этом, и, если девчонке все будет сходить с рук, клянусь клыками Волчицы, она обнаглеет. Наставникам останется только жаловаться, а когда таких жалоб наберется достаточно, я...

— Молодец! — совершенно искренне похвалила сообщника Халима.— Почему мы не объединились раньше?

— Главное, что все-таки встретились,— сказал Кучулуг, и его огромная ручища скользнула по ее телу.

Она почувствовала, как глубоко внутри зарождается безумное желание, и не стала противиться ему...

Когда Халима вернулась к себе, солнце показалось над вершинами гор и тяжественный звук колокола унесся вдаль. Она устало подошла к зеркалу. По черным кругам под глазами все прекрасно поймут, чем настоятельница занималась ночью. Да, в такой животной связи есть, конечно, своя прелесть, но долго так продолжаться не может. Она выругалась и принялась приводить себя в порядок: с таким лицом нечего и думать показываться перед послушниками.

* * *

Тугой, вибрирующий удар колокола разогнал тишину, и Соня с сожалением открыла глаза. Альрика уже проснулась и теперь нагишом стояла перед окном, стараясь разглядеть, что творится снаружи.

— Вставай, подружка! — воскликнула она и улыбнулась Соне.

— Удивляюсь я тебе,— покачала головой шадизарка.— Еще вчера ты тряслась от страха, а теперь прыгаешь от радости, хотя мы накрепко заперты в этой клетке.

Бритунка помрачнела, но только на мгновение.

— Ты права,— согласилась она,— но что тут поделаешь? Я не могу долго печалиться о былом.

Советую и тебе жить так же. Все равно ведь ничего не изменить.

— Ну уж нет.— Соня упрямко поджала губы.— Наших мальчиков убили! Да и мы лишь чудом живы до сих пор.

— Вот и радуйся удаче. Живи, пока живется.

— Я так не умею. И не успокоюсь, пока не сбегу отсюда или не сплю их Логово!

— Я с тобой,— неожиданно поддержала ее подруга,— но сейчас-то мы все равно сделаем ничего не можем. Надо обжиться да разузнать, что и как. Ладно, пора одеваться. Смотри, все уже потянулись к плацу.

Соня вздохнула, понимая, что спорить бессмысленно.

Дверь оказалась не заперта, и подруги, быстро одевшись, выбежали наружу, пошли на плац, туда, где собирались девушки, и почти сразу увидели Луму, которая встретила их радостной улыбкой. Девушек оказалось немного — всего десять, считая и двух новеньких, да и юношей всего вдвое больше. Сперва это удивило Соню, но, вспомнив о жестоком отборе, она даже порадовалась, что вообще кто-то смог остаться в живых.

Умывшись у длинной каменной умывальни с проточной водой, они вошли в столовую. В огромном зале стояли два длинных стола — один для юношей, другой для девушек, и четыре небольших, за которыми обедали стражники, настоятели и наставники. Правда, в основном они предпочитали появляться в столовой только после того, как ее покидали послушники, а настоятели

и вообще гораздо чаще завтракали, обедали и ужинали в собственных апартаментах.

Соня встала в очередь к окошку, где раздавали еду, и прислушалась к разговорам послушников и послушниц, но ничего интересного не услышала. Девушки обсуждали юношей и сплетничали друг о дружке. Парни говорили на более серьезные темы: о наставниках, о достоинствах и недостатках того или иного оружия. Впрочем, и о девушках они тоже не забывали.

Соня с Альрикой перезнакомились со своими новыми подругами, и те охотно рассказали о местных порядках. Сегодня был первый день пятидневного цикла, полностью отведенного физической подготовке. Соня приготовилась к военной муштре и донельзя удивилась, узнав, что им предстоит играть в давно забытые детские игры. Однако уже к полудню она поняла, что рано обрадовалась: простая игра в мяч вымотала ее ничуть не меньше настоящей изнурительной погони на жаре. Так что после полуденного колокола она почти приползла в столовую, мечтая о послеобеденном отдыхе. Альрика чувствовала себя не лучше. Зато остальные, уже успевшие пообвыкнуть, не выглядели уставшими. Впрочем, и Соня старалась бодриться, и, судя по всему, ей это вполне удалось.

Как и утром, она встала в очередь, болтая с подругами о том, о сем, когда внезапно появившийся в сопровождении Севера Ханторек направился прямо к ней. Послушники хоть и не прекратили разговоров, но попртихли, чувствуя себя

не вполне уютно. Соня как раз взяла поднос, на котором стояли тарелка с пюре и куском жаркого, миска с салатом, пирожок и стакан легкого вина, когда подошедший Ханторек улыбнулся и со словами: «Вот это деръмо мы здесь и едим!» — забрал из ее рук поднос и пошел к столу, за которым уже расположился Север.

Послушники сдержанно гоготнули, Альрика покраснела, а Соня же мгновенно развернулась и, взяв следующий поднос, быстрым шагом обогнула стол и направилась навстречу отцу-настоятелю. Север с интересом наблюдал за девушкой. Послушники затахли.

Ханторек так и не понял, что же случилось. Он просто почувствовал, что наступил на что-то скользкое и падает. Он поднял поднос над головой, пирог, описав дугу, шлепнулся на поднос Сони, а Ханторек не удержался и полетел вверх ногами, вывалив на себя еду, залив одежду вином. Он лежал, обалдело таращась на девушку, которая прошептала достаточно громко, чтобы слышали все:

— Против меня ты сопляк! Не забывай об этом.

— Я отомщу тебе, — прошипел он в ответ, но в отличие от Сониного шепота его угрозы никто не слышал.

Север кивнул девушке, давая понять, что все видел и все понял, и протянул отцу-настоятелю руку. Схватившись за нее, Ханторек вскочил. Увидев, что поскользнулся на пироге, он принялся лихорадочно озираться, стараясь выяснить, чей это

пирог и кто подкинул его ему под ноги. Пирог оказался его собственным, и это изумило отца-настоятеля до крайней степени. Север взял его под руку и повел за собой.

— Пойдем-ка отсюда. Тебе надо переодеться. — Он наклонился к самому уху Ханторека: — И держи себя в руках, иначе оглянешься не успеешь, как станешь простым настоятелем.

Соня тоже слышала этот совет, и ее ненависть к Вожаку только усилилась.

— Стерва! — зло огрызнулся в дверях отец-настоятель.

— Но выглядит потрясающе! — невпопад откликнулся Вожак.

Дверь за обоими захлопнулась, и послушники, дав наконец волю своим чувствам, дружно захочотали. В одночасье Соня стала самым популярным человеком в Логове.

* * *

Вечером все девушки собрались в комнате Сони, в той самой, где подруги провели предыдущую ночь. Альрику переселили в соседнюю, точно такую же.

— Ты не беспокойся, — ободряла новую подругу Лума. — Вожак не выдаст тебя. Он отличный дядька.

— Я еще доберусь до этого «отличного дядьки», — мрачно пригрозила Соня. — Это по его милости я оказалась здесь.

— Да брось ты! — возразила Аванта, молодая зингарка, появившаяся в Логове на месяц рань-

ше Сони.— Ну да, нашел тебя Север, потому что он — самый лучший. Но если бы не он, так нашли бы другие. Утром позвонили бы в колокол, и конец игре! Так что зря ты на него злишься.

— Он, между прочим,— вмешалась ее подруга, аргоска Мила,— всегда на стороне послушников и не одного уже спас от плетей, а иных и от смерти!

— Они верно говорят,— опять заговорила Лума.— Север все вопросы решает сразу, на месте, честно и открыто. Другое дело Ханторек! Этот затягивается и отомстит, когда ты уже и не ждешь.— Остальные девушки посеребрели и закивали, соглашаясь с подругой.— Что он, кстати, сказал тебе?

Соня усмехнулась:

— Когда, говорит, моя месть свершится, иголки у елей встанут от ужаса дыбом!

Девушки весело рассмеялись.

— Знаешь что, Соня,— вмешалась Альрика,— если ты не перестанешь задевать его, то долго не протянешь. Поверь мне, я таких мерзавцев видела.

— Я? Задевать его?! — Соня недоуменно пожала плечами.— Да на кой он мне сдался, этот задохлик?

— Ой, не смеши, подруга...

Неожиданно дверь в комнату отворилась, и вошел Север.

— Знакомая картина,— добродушно ухмыльнулся он.— Как появляется новый послушник, все парни собираются в его комнате и наступает мертвяя тишина — делятся секретами. Когда же по-

является послушница, у новенькой собираются девушки и хотят стоит на все Логово — обсуждают последние сплетни.

— Между прочим, атаман,— Соня резко обернулась,— в дверь принято стучать.

— Вожак, с твоего разрешения,— Север подчеркнул свое звание,— входит без стука в любую дверь. Другое дело, если тебе понадобится прийти ко мне...

— Мечтай...— оборвала его Соня.

— Впрочем,— Север пропустил ее колкость мимо ушей,— я ведь пришел, чтобы спросить, не нужно ли чего?

— Конечно, нужно! — воскликнула Соня.— Одежонка-то наша больно на мешки походит.

Вожак кивнул и собрался уходить.

— И оружие верни! — крикнула ему вслед шадизарка.

— Не от меня зависит,— ответил он,— но сделаю, что смогу.

— Да уж, постараися,— проворчала девушка.

Когда дверь за ним закрылась, Аванта мягко улыбнулась Соне:

— Оставь ты свою ненависть. Разве не видишь, что она не только бессмысленна, но и бесплодна? Да и вообще ты зря на него злишься.

— Ты это уже говорила, а моя ненависть — это мое дело! Он у меня еще попляшет.

— Ну-ну,— примирительно кивнула ей Мила и попыталась переменить тему: — Расскажи лучше, чем ты занималась до того, как оказалась здесь.

— Да все вроде шло хорошо. Отец мой был человеком небедным, на воспитание отправил меня в столицу и там дал неплохое образование.

— И чему ты училась?

— Всему понемногу.— Соня усмехнулась, припоминая долгие и нудные занятия.— Как одеждой и гримом подчеркнуть свои достоинства и скрыть недостатки. Правила поведения в обществе, искусство общения...

— Твой любимый предмет,— вставила Лума.

— И кроме того,— как ни в чем не бывало продолжала Соня,— всякая ученая дребедень, чтобы не выглядеть полной дурой при разговоре с мужчиной. До сих пор я ни разу не обратилась к кладезю почерпнутой у учителей мудрости, и, хотя помню еще немало различной белиберды, думаю, обойдусь без нее и впредь. Правда, продолжалась такая жизнь не слишком долго. Родителей убили, и мне самой пришлось заботиться о себе. Так я и стала воровкой.

Смешки стихли: Соня коснулась больной для каждого темы.

— С твоей-то внешностью ты могла выбрать иной путь,— усмехнулась кокетка Лума.

— Каждый должен заниматься своим делом, только тогда из него выйдет толк,— заметила Соня.

— Ты права,— согласилась с ней Мила,— вот только как узнать, где тебе улыбнется удача?

— Нужно просто прислушаться к себе,— посоветовала Альрика.— Я, например, еще в детстве знала, что у меня хорошо получается.

— И чем же ты занялась?

— Я была лучшей девушкой в Келбаце,— с гордостью произнесла она, и под общий смех добавила: — Это наш родовой промысел.

— Что же заставило тебя стать воровкой? — удивилась Аванта.

— Ах! — вздохнула бритунка.— Мы росли вдвоем — я и сестра, на пять лет старше меня. Мать поучала нас обеих. Говорила, что в любом деле есть правила. Если придерживаться их, все пойдет нормально. Если нет, то жизнь рано или поздно пойдет кувырком.

— И какие правила ты нарушила? — рассмеялась одна из послушниц.

— Мама поучала нас с сестрой: не увлекайтесь клиентами, девочки, а то долго не протянете. Но вы же знаете,— продолжала она под общий смех,— родители всегда кажутся нам дураками, а советов никто не слушает. Сестра же только посмеивалась и внушала мне, что работа только тогда ладится, когда приносит удовольствие. Я попробовала и поняла, что сестрица, пожалуй, права.

Соня только качала головой: ей рассказ не показался ни занимательным, ни тем более смешным.

— Так как же ты все-таки очутилась здесь?

— За все приходится платить. Об этом мама тоже говорила нам, да мы не верили. Но однажды я увидела, что происходит с девушками через десять лет такой работы, и решила стать воровкой.

— Что же тебя так поразило?

— Да то, что тридцатилетняя женщина выглядела дряхлой старухой.

Все опять замолчали, но тут отворилась дверь и в комнату вновь вошел Север. Он бросил девушкам узел и протянул Соне ее меч:

— Возьми.

— Спасибо, Запад,— сладким голосом произнесла Соня, но, увидев его удивленный взгляд, добавила: — Я, кажется, неправильно произнесла твое имя, Восток? — невинно проворковала она.— Никак не могу запомнить, не обижайся.

— Не обижайся,— кивнул Север.— Я так и подумал... Лежебока.

Дверь за ним бесшумно затворилась, и девушки вновь громко расхохотались.

— Вот мерзавец! — прошипела Соня.

— Да брось ты! — Лума обняла подругу.— Я же говорю тебе, он отличный парень и не раз защищал нас от наставников. Это не Ханторек. Вот кого нужно ненавидеть! Кстати, что он так на тебя взъелся?

— Расскажи им! Расскажи! — принялась канючить Альрика, и Соне пришлось во второй раз пересказывать шадизарскую историю.

К тому времени, когда Соня закончила рассказ, все уже изнемогали от смеха.

— Ну и что же он предложил тебе, когда ты появилась здесь? — утирая слезы, спросила Аванта.

— Предложил стать его любовницей,— пожав плечами, ответила Соня,— что же еще?

— И ты отказалась?

— Конечно! — Девушка недоуменно уставилась на подругу.— Мне хочется умыться даже после того, как он просто проходит мимо.

— И теперь ты думаешь только о том, как бы сбежать и вернуться к прежней жизни?

— Да. Как верно заметила Альрика, каждый должен заниматься своим делом, а я свое давно нашла.

— Ты уверена?

— Полностью. Я поняла, что мир устроен очень несправедливо. Кто-то незаслуженно получает все, а кто-то точно так же незаслуженно — ничего.

— Ну и?..

— Ну и я стараюсь бороться с несправедливостью: отбираю деньги у богатых и отдаю тем, кто в них нуждается. В основном, правда, себе,— скромно закончила девушка, и слова ее вызвали новый взрыв смеха.

— Кстати,— заметила Соня, когда все успокоились.— Вы ведь не слышали, а я стояла рядом, когда Север повел Ханторека переодеваться. Так вот, он сказал отцу-настоятелю, что если тот не научится держать себя в руках, то очень скоро превратится в простого настоятеля.

— Да ну?! — не поверила Лума.

— Чтобы мне сдохнуть! — задорно улыбнулась Соня.

В это мгновение торжественный удар колокола прервал их беззаботный смех.

— Вы слышали? — спросила бритунка, хотя не услышать звона было просто невозможно.— Много

я слышала колоколов, но этот какой-то особенно мрачный.

— Да брось ты,— отмахнулась Соня.— Колокол как колокол. Ничего особенного — я в нем сидела.

— Не скажи,— неожиданно серьезно поддержала Альрику Лума.— Среди послушников ходят слухи, что звон этого колокола слышен на Серых Равнинах, хотя и очень слабо. Но тот, кто услышит его, может восстать из мертвых.

— Чушь,— возразила Соня, правда уже не столь уверенно.

— А вот и не чушь! — вмешалась Аванта.— Говорят, что делается это неспроста. Восставший из мертвых тут же попадает под власть жриц Ордена, и его используют для каких-то особых поручений, но только по ночам, когда смертные спят. А один из них бродит по коридорам, и его шаги можно услышать ночью,— закончила она зловещим шепотом.

На этот раз Соня промолчала. Она тоже слышала чьи-то шаги, но думала, что это стражник ходит у двери, чтобы не уснуть. А! Глупости все это!

— Пора расходиться,— с грустью сообщила Лума.— Сейчас разнесут ужин, а после него нам не разрешают выходить из комнат.

— Надо будет проследить, кто тут шляется ночами,— задумчиво проговорила Соня.

— Не смей и думать об этом! — замахала на нее руками Аванта.— Я уж и не рада, что сказала тебе. Пропадешь, как и те несчастные.

— Какие несчастные? — насторожилась Соня.

— Ну...— Девушка помялась.— Находились тут и прежде любопытные вроде тебя...

— И что?

— Пропали они все, понимаешь? Исчезли без следа! Отец-настоятель говорит, что их перевели в другую школу, в Гиперборею. И, усмехаясь, добавляет, что все желающие могут отправиться следом.

— Так это правда?...— побелевшими губами прошептала Альрика.

Соня только поморщилась в ответ, а Мила зашептала, оглядываясь на дверь:

— Вечером легли спать, а утром пропали, и вещи остались на месте.

— Что — все разом?

— Да ты что, не понимаешь? Логову-то не один десяток лет! По одному пропадали, но все одинаково!

Дверь отворилась, и в комнату вошел молодой послушник с подносом.

— Ага! — воскликнул он.— А я-то думаю, куда все запропастились? Расходитесь, девочки, пора!

К удивлению Сони, все поднялись и, попрощавшись, вышли. Только Альрика задержалась ненадолго, чтобы забрать свою одежду и, пожевав спокойной ночи, тоже ушла.

Оставшись в одиночестве, Соня переоделась, потом подошла к зеркалу и с удовлетворением кивнула отражению. Хоть Ханторек и утверждал, что она и в ру比ще прекрасна, а так, что ни говори, гораздо лучше. Она с аппетитом поужинала и, быстро раздевшись, улеглась в постель. Как

это ни странно, но собственная одежда вернула ей хорошее настроение и вселила уверенность, что все закончится благополучно. Затем она вдруг вспомнила Вожака и подумала, что, быть может, подруги правы и она действительно злится на него напрасно. Он просто хорошо сделал свое дело. Что же ее так разозлило? Не то ли, что он разгадал ее уловку? Девушка улыбнулась: ну конечно!

Она расслабилась, но тут же, как и прошлой ночью, услышала шаги за дверью.

Шаг, другой... Шаг, другой... Словно кто-то делал пару шагов и останавливался, прислушиваясь. Соня насторожилась и через несколько мгновений поймала себя на том, что старается не дышать. О, Бел! Неизвестный медленно удалился, и Соня вздохнула с облегчением.

* * *

Ханторек готов был выть от душившей его ярости. Все послушники видели, как он полетел на пол, вывалив на себя целый поднос еды. Он никак не сомневался, что это подстроила рыжая стерва, хоть и не понимал как. Теперь она расскажет всем послушникам, как поиздевалась над ним, а те — стражникам, а стражники — наставникам и настоятелям, и завтра мать-настоятельница узнает обо всем! Ханторек похолодел. Верно сказал Север: так можно очень быстро оказаться среди простых настоятелей. Если бы он не поссорился с Халимой, гирканка наверняка что-нибудь придумала бы. Так ведь и это еще! Что теперь делать?

За годы, проведенные в Логове, Ханторек привык считать послушников бессловесными рабами, а теперь наконец-то понял, что это не так. Конечно, он может распорядиться наказать провинившегося, но тогда придется объяснять, в чем вина этой наглой девицы.

К вечеру от гордости отца-настоятеля не осталось и следа. Сведи его сейчас судьба с Халимой, он на коленях молил бы о прощении. Он боялся лишь, что бывшая любовница просто расхохочется ему в лицо. Но страх несмыываемого позора оказался сильнее, и Ханторек сам не заметил, как очутился в коридоре и лицом к лицу столкнулся с молодой настоятельницей.

Она хотела пройти мимо, но он схватил ее за руку:

— Халима! — Она брезгливо поморщилась и отшатнулась.— Халима, прости! Я сам не знаю, что на меня нашло!

Она посмотрела на него и расхохоталась, точь-в-точь как он боялся, но Ханторека это не остановило. Забыв о том, что находится в коридоре, он бухнулся перед девушкой на колени, плечи его затряслись и он разрыдался. Халима молча наслаждалась своей победой, однако скоро это развлечение надоело ей.

— Вытри слезы,— усмехнулась она.

— Прости! Прости меня, Халима,— запричитал он.— Это ведь случилось всего раз! И, клянусь, больше не повторится!

Однако плач бывшего любовника не разжалобил настоятельницу.

— И одного раза много,— скривилась она.— Возьми себя в руки, и, быть может, я попробую забыть о случившемся. Посмотрим,— бросила она на прощание и ушла к себе.

Ханторек, утирая слезы, вернулся в комнату, и никто так и не увидел, что же произошло между ними. Заплаканное лицо его озарила счастливая улыбка, словно он уже получил прощение, о котором умолял. Халима же остановилась у зеркала, всмотрелась в свое отражение, и ей пришла в голову неожиданная мысль о том, что, умело играя на чувствах человека, можно завлечь его в такую ловушку, из которой смерть станет единственным выходом.

Итак, Ханторек теперь целиком в ее власти, и она может делать с ним все, что ей заблагорассудится. Вот только что? Конечно, восстановливать прежние отношения она не собиралась, а вот мысли о мести ни на миг не покидали ее. Однако Халима решила не торопиться и подождать, что предпримет эта рыжая. Сегодня она лихо сумела втоптать отца-настоятеля в грязь, превратила его в посмешище. Теперь даже интересно посмотреть, как расправится с ним шадизарская шлюха, ради которой он пренебрег Халимой. А там можно подумать и о том, как добить Ханторека, отомстить Соне и... Северу. Впрочем, Севера ей убивать пока не хотелось. Она и сама не понимала почему, просто не хотелось, и все.

Она вернулась мыслями к Соне, которая интересовала ее больше остальных. Почему? Наверное потому, что из-за нее у молодой настоятельницы начались неприятности. Но пока ее трогать нельзя.

Тут Кучулуг прав. Разара слишком благоволит к новенькой. И уж ни в коем случае нельзя действовать в открытую, так, как это пытался сделать сегодня идиот Ханторек. Размышая о шадизарке, Халима вспомнила о кинжале. Она не верила ни одному слову воровки. Ясно как день, что Клык Волчицы выкрала она и спрятала где-то в парке.

Понятно, что рыжая не собиралась попадаться, а значит, держала при себе кинжал до тех пор, пока оставалась хоть малейшая надежда на спасение. Потом она его спрятала. Но где? Халима знала, что потерю искали целый день и ничего не нашли. Это плохо. А может быть, хорошо?

Не проглотила же она его на самом деле! Халима усмехнулась. Раз не нашли, значит, плохо искали. Или искали не там, где нужно. А где нужно? Наверняка неподалеку от того места, где пряталась воровка! Ведь она должна была хранить кинжал до конца!

Только бы до кинжала не добрались раньше нее! Она даже подумала, не рассказать ли обо всем матери-настоятельнице, но тут же отказалась от этой мысли, потому что, как только догадалась, где может быть спрятан кинжал, сразу сообразила, как воспользуется им. Жаль, что нельзя сегодня же ночью забрать его! Пока Разара в Логове, об этом нечего и думать. Но на днях она должна отправиться в Похиолу, и вот тогда...

* * *

Наступил уже третий день пребывания Сони в Логове. В это утро после завтрака девушек отве-

ли к озеру, где по краям засыпанной песком площадки застыли в тридцати шагах напротив друг друга мраморные статуи двух обнаженных воинов: копейщика в вольной позе, с древком копья у ноги меченосца, который внимательно смотрел на него.

Девушки построились в ряд, а наставник, молодой мужчина лет тридцати, остановился перед ними, внимательно присматриваясь к новеньким. Ему предстояло оценить их сильные и слабые стороны, чтобы правильнее построить обучение. Он пробежался взглядом по Альрике, по Соне, старательно делая вид, что внешность девушки не производит на него впечатления, и отрядил обеих в лучницы.

— Не хочу в лучницы! — неожиданно для самой себя заявила Соня, будто дух противоречия вселился в нее, заставляя перечить всем и восставать против всего, что ей говорили.

— Чем же ты хочешь заниматься? — удивился наставник.

— Мне больше по душе меч. В Шадизаре никто не владеет им лучше меня, — хвастливо заявила она.

— Значит, ты лучше всех? — ухмыльнулся он. — А не хочешь доказать свои слова на деле?

— С удовольствием!

— Ты слишком молода, — заинтересовавшись, наставник подошел ближе, — чтобы успеть стать настоящим мастером. — Соня пожала плечами и отвернулась. — Значит, все-таки настаиваешь на своем? — спросил он, останавливаясь в паре шагов от девушки.

Он так и не понял, что же произошло. В следующий миг меч Сони выпрыгнул из ножен прямо ей в руку и замер на расстоянии волоса от его лица.

— Ты ошибся, — спокойно сказала Соня.

Она шагнула назад и неуловимым движением бросила клинок в ножны.

— А ты, оказывается, любишь покрасоваться, — заметил Север, неожиданно появившийся из-за статуи.

Девушки обернулась, как по команде. Наставник вздохнул с явным облегчением, а Соня улыбнулась.

— Надеюсь, ты не такой недоверчивый? — спросила она и двинулась навстречу Вожаку мягко и грациозно, как дикая кошка.

— Застигнуть врасплох можно любого... — начал Север.

— Вот и помни об этом! — перебила его девушка.

— ...Кроме меня, — договорил он.

Меч Сони вновь выпрыгнул из ножен, только на этот раз пальцы Вожака схватили ее за локоть, второй рукой он взялся за пряжку пояса, и в то же мгновение шадизарка почувствовала, что ноги ее отрываются от земли и она летит. Перед глазами мелькнуло синее небо, и вода сомкнулась над ее головой. Соня быстро вынырнула, отфыркиваясь, подплыла к берегу и вскочила на ноги, все еще держа в руках меч, но, когда сообразила, как смешно выглядит со стороны, раздраженно кинула его в ножны. Рассевшиеся на тра-

ве подруги весело хохотали. Сперва это ее разозлило, но она вовремя вспомнила, что все они по-доброму относятся к Северу, и подавила гнев.

— А ты не такой увалень, каким кажешься,— снисходительно заметила она, чем вызвала его одобрительный кивок.

— Кстати, я пришел за тобой. Тебя зовет мать-настоятельница.

В первое мгновение она удивилась, но тут же сообразила, что Разаре, видимо, донесли о том, как она столкнулась с Хантореком в столовой, и оказалась права.

Мать-настоятельница, как всегда, неподвижно сидела в кресле. Едва за Соней и Севером закрылась дверь, Разара повернула к девушке голову, пристально посмотрела на нее и спросила:

— За что ты так не любишь Ханторека, девочка? — И добавила: — Я знаю о том, что произошло в столовой, и о своих шадизарских приключениях ему пришлось рассказать мне. — Она помолчала немного и продолжила: — Ты помнишь наш разговор? — Соня кивнула. — Так почему же ты не пришла ко мне?

— Я привыкла сама защищать себя, — с достоинством ответила девушка, — по крайней мере, пока это в моих силах.

— Не полагайся слишком на свои силы. Лучше расскажи мне все.

— Он предложил мне стать его любовницей, а когда я отказалась, пригрозил, что заставит меня пожалеть об этом.

— Ты могла бы сразу прийти ко мне.

— Наверное, — равнодушно согласилась Соня. — Но все получилось как-то само собой.

Мать-настоятельница задумалась. Север застыл, будто превратился в одну из многочисленных статуй, что украшали парк.

— Хорошо, — наконец заговорила Разара. — В конце концов Ханторек заслужил этот урок, но впредь я попрошу действовать только через меня.

Соня пожала плечами, словно еще не надумала, соглашаться с матерью-настоятельницей или нет.

— Хорошо, иди. Кстати, ты что такая мокрая? — поинтересовалась Разара на прощание, но Соня только возмущенно фыркнула.

— Она очень любит воду, — объяснил Север, — но немного не рассчитала свои силы.

Соня фыркнула еще раз и вышла. Ханторек, ожидавший в коридоре, бросился в комнату матери-настоятельницы, да так стремительно, что едва не сбил с ног выходившего вслед за девушкой Вожака.

— Ну как, ты убедилась? — выкрикнул он, едва дверь за ним закрылась.

— Убедилась, что верить тебе можно только с оглядкой. Почему ты ничего не сказал мне о вашем с ней разговоре?

— Да что же в нем необычного?

— Мне не понравилась твоя угроза. Мы набираем послушниц, а не девок.

— Да все совсем не так, клянусь тебе! Она неправильно меня поняла.

— Чтобы тебя правильно понимали, следи за своим языком. В следующий раз ты не отделешься легким испугом. Тебе есть еще что сказать?

— Да, — ответил он, побледнев.

— Говори.

— Я не стану больше говорить о Соне, — начал Ханторек, — тем более что все это мелочи. Очень, признаюсь, неприятные для меня, но мелочи. Я хотел поговорить с тобой о деле.

— Приятно слышать, — кивнула Разара.

— Так вот. Моя поездка оказалась гораздо полезнее, чем я предполагал перед ее началом.

— Ты не мог бы выражаться яснее? — Она недовольно поморщилась.

— Да, повелительница. Постараюсь. — Он пожевал губу, решая, с чего начать. — Если помнишь, нас сильно тревожило, что послушников становится все меньше. Вернувшись из поездки, я доложил, что ничего изменить нельзя, но это не совсем так. Теперь я все до конца продумал и готов к беседе.

— Не тяни!

— Суть моего предложения проста, — начал Ханторек. — Поскольку в наших угодьях мы вряд ли отыщем новых достойных людей, остается единственный выход — расширить границы. На восток нам не пробиться, но на запад и на юг — довольно легко.

Он умолк, вопросительно глядя на повелительницу.

— Да ты... — в ужасе прошипела она. — Да ты с ума сошел! Это же война! Мы не настолько сильны, чтобы затевать ее!

Она вдруг стала удивительно похожа на волчицу, готовую к прыжку, но Ханторек скромно молчал, и Разара поняла, что он сказал далеко не все.

— Продолжай! — хмуро бросила она.

— Прости, что сразу не упомянул о том, что замысел мой не совсем честный. Ни о какой войне не идет и речи. Границы кланов останутся незыблемыми. Я говорю не о насильтственном вторжении, а всего лишь о мягком, возможно, тайном проникновении. Чтобы не возникло подозрений, центр, никак не связанный с Логовом, можно организовать, скажем, в Хоршемише и уже оттуда направлять посланников на запад и на юг.

Он еще долго говорил, подробно излагая соображения Влтха, выдавая их за плоды собственных тяжких раздумий.

— Таким образом, — закончил он, — мы много-кратно увеличим приток послушников. Но должен сразу предупредить, что это обойдется нам недешево.

Ханторек умолк, зная, что мать-настоятельница никогда не выносит решения, не обдумав их. Разара возбужденно заходила по комнате. Ее не столько беспокоила нечестность по отношению к единомышленникам, сколько цена, которую за нее, может быть, придется заплатить. Наконец она остановилась:

— Поздравляю. Я уж боялась, что на тебе придется поставить крест. Признаюсь, мне твой замысел кажется вполне приемлемым.

— Мне тоже,— удовлетворенно кивнул он.— Конечно, необходимо еще все хорошенъко продумать. Да и деньги нужны немалые.

— Ничего,— отмахнулась она.— Скоро наши боевики быстро восполнят недостаток средств. На эти деньги мы наймем новых людей, которые принесут нам еще больше денег, и вот тогда, наконец, мы сможем всерьез заняться поисками подземелий Пифона.— Она улыбнулась: — А Ибис придется убраться туда, откуда она явилась! — Разара замолчала, упиваясь триумфом, но, вспомнив о Хантореке, одобрительно посмотрела на него: — Что ж, я согласна считать, что ничего не случилось, но с одним условием — оставь девушку в покое. Тем более что ты оказался прав: она слишком ценна для нас!

— Конечно! — едва ли не заикаясь от счастья, закивал отец-настоятель.

— Вот и хорошо. А теперь ступай. Я должна кое над чем поработать. Вечером мы с Севером уезжаем в Похиолу.

* * *

Когда Соня вернулась к подругам, как раз пробил полуденный колокол. Ее расспрашивали, что да как, но она отвечала на вопросы сухо и однозначно. Ее оставили в покое, понимая, что со временем она все расскажет сама.

Соня же не знала, что и сказать. Вроде бы все было нормально, но взгляд Ханторека, которым он смерил ее, когда она выходила из покоя матери-настоятельницы, не предвещал ей ничего хо-

рошего. Что бы ни говорила Разара, отец-настоятель непременно отомстит. А это значит... Это значит, что у нее остается два пути. Или бежать, что совсем не просто, или завоевывать положение в Логове. Несмотря на ненависть Халимы и Ханторека, это было проще и надежнее. Она чувствовала, что Север относится к ней по-доброму, да и мать-настоятельница непонятно почему благоволит.

Что делать дальше, она так и не решила, но подумала, что стоит забрать кинжал из тайника, пока его не нашли, перепрятать в надежное место, чтобы лежал под рукой, а там видно будет. Главное — не сидеть сложа руки. И начинать надо прямо сегодня ночью. Никакие стены, никакие решетки, никакие сторожа за дверьми ее не остановят. Она тут же повеселела, и от ее суворости и сосредоточенности не осталось и следа.

* * *

Покинув покой матери-настоятельницы, Ханторек спустился этажом ниже и здесь столкнулся с Халимой. Воистину, сегодня удачный день! Он улыбнулся, но она лишь насмешливо посмотрела на него:

— Я слышала, у тебя кое-какие неприятности?

— А, мелочи... — равнодушно отмахнулся он, чем вызвал немалое удивление Халимы, которая знала о его болезненном самолюбии.— Я только что говорил об этом с повелительницей.

— И чем же закончился разговор? — вкрадчиво поинтересовалась Халима.

— Мне удалось убедить Разару оставить выходку этой девицы без последствий,— самодовольно ответил он.

— Да ну? — недоверчиво переспросила девушка.— Вот уж никак не ожидала от тебя.

Больше она ничего не сказала, но подумала, что что-то тут не так. Ханторек не прощает ничего и никому.

— Да,— продолжал Ханторек,— она слишком ценна для Логова, а дурь я из нее повыбью,— зло прощедил он, и Халима поняла, что не ошиблась.— Ну так как насчет нас с тобой?

— Жди меня у себя после полуночи, тогда и потолкуем.

Она игриво подмигнула ему и скрылась за дверью. «Ого! — подумал Ханторек.— Дело будет!»

* * *

Начались дневные занятия. Соня, накинув на себя маску смирения, принялась объяснять наставнику, что, как все могли убедиться, погорячилась и на самом деле не так хорошо владеет мечом, как бы ей этого хотелось, и просит дать ей несколько уроков. Она канючила и строила глазки до тех пор, пока наставник не пошел у нее на поводу. И только тогда понял, что угодил в ловушку. Раз за разом он либо лишался оружия, либо оказывался на земле.

— Я вижу, что должен вмешаться,— послышался знакомый голос, и Север появился так же неожиданно, как и в прошлый раз.

Наставник отступил на шаг и опустил меч:

— Слушай, Вожак, а она действительно здорово дерется!

Девушка с удивлением поняла, что издевалась над человеком, а он не чувствовал себя ни оскорбленным, ни униженным. Он просто учился и получал от этого удовольствие. Ей стало даже обидно: только зря время потратила...

— Нет! Нет! — поспешила ответила она, скромно потупившись.— Я просто попросила дать мне настоящий урок.

— Если хочешь получить урок, попроси меня.— Север посмотрел на рыжеволосую задирану.— Я всегда готов помочь послушникам,— добавил он насмешливо.

— Ну нет, с тобой я драться не стану,— вспомнив об утреннем купании, неожиданно для самой себя выпалила она.

— Если ты боишься...— Север равнодушно пожал плечами и собрался уходить.

— Это я-то боюсь?! — взъярилась она.

Соня выхватила клинок и бросилась на обидчика. Однако Вожак, казалось, ждал именно этого. Сталь звякнула о сталь, и девушка отскочила в сторону.

— Между прочим,— сказал Север, крутнув меч, как бы разминая кисть,— завершающий удар в спину чаще всего называется убийством, а не победой, и по законам Логова это первая ступенька на эшафот.

— Не беспокойся! Я вовсе не хотела убивать тебя! — рассмеялась она.

— Благодарю покорно. Ты меня успокоила.

В тот же миг меч девушки устремился вперед, но наткнулся на клинок Вожака, и Соня вновь отступила. Похоже, этого парня просто так не возьмешь. Тогда она сменила тактику и повела поединок совершенно по-другому, аккуратно прощупывая оборону противника. Удары следовали сверху и снизу, справа и слева, силовые и скользящие, колющие чередовались с рубящими, причем все быстрее и быстрее.

— Что ж, неплохо! — похвалил Север. — Совсем неплохо. Ты даже лучше, чем я ожидал.

Девушки замерли в восхищении: никогда они не видели ничего подобного. Никто даже не заметил, как к ним присоединились и юноши, и большинство наставников. Соня закусила губу: забава перестала ей нравиться. Особенно же ее выводило из себя то, что, несмотря на все ее старания, говорил Вожак совершенно спокойно, даже дыхание у него не сбилось. Да еще эти зеваки... Если она проиграет... Ну сейчас она ему покажет!

Теперь каждый удар ее клинка повторяло едва заметное движение кисти, рассчитанное на неглубокие раны и скользящие порезы, которые не сразу дают о себе знать. Публика загудела, и хотя этот прием тоже не сработал, зато произвел на всех впечатление. Даже Север многозначительно поднял левую бровь и кивнул, показывая, что оценил ее мастерство. Эта похвала вывела Соню из себя. Ну держись! Она нанесла сокрушительный удар, который, казалось, мог бы свалить быка, но, наткнулся на несокрушимый блок. Север даже не

шелохнулся. Он отвел руку для ответного удара, и Соня судорожно схватилась за рукоять двумя руками, поклявшись про себя, что тоже не шелохнется.

От удара Севера она взлетела, как от пинка, и рухнула посредине озера. Послышались смех и обидные выкрики, а когда девушка подплыла к берегу, то увидела склонившегося над водой Вожака.

— Давай руку.

Заботливый... Мерзавец! Она ухватилась за его ладонь, но вместо того чтобы выбраться наверх, неожиданно рванула его на себя, и через мгновение в озере плескались уже два купальщика. Зеваки захохотали еще громче.

— Надеюсь, ты не в обиде, — улыбнулась она, чувствуя себя хоть немного отомщенной.

— Да что ты! — под общий хохот мягко улыбнулся Север. — И старуху, бывает, корова лягает!

— Что?! — задохнулась Соня от возмущения.

Договорить она не успела. Стальные пальца легли на ее талию, и в следующий миг девушка очутилась на берегу.

— Ты поняла, когда проиграла? — спросил Вожак.

— Когда пропустила твой удар, — нехотя ответила она.

— Ты проиграла, когда разозлилась, — назидательно проговорил он. — Если ты запомнишь мои слова, то я рад. Значит, сегодняшний урок не прошел для тебя даром. Кстати, хочу сказать еще кое о чем. Я всегда рад незлой шутке. Тирал, — он

кинулся на молодого наставника, — тоже не помнит обид. Чего не скажешь об остальных. В особенностях о Кучулуге.

— Тут, кажется упомянули мое имя? — спросил гирканец, подходя к ним.

— Да. Я предупредил девушку, что ты не любишь строптивых послушников, — ответил Север.

— Ты возводишь на меня напраслину, — распился в улыбке гирканец. — Я их просто обожаю!

* * *

В тот вечер Халима раз десять подбегала к окну: ей чудился стук копыт, но тревога вновь и вновь оказывалась ложной. Начало смеркаться, и, только когда ударил колокол, она наконец услышала долгожданный звук, выглянула во двор и увидела запряженную шестериком карету, только что остановившуюся у входа. Перед экипажем замерли четверо вооруженных всадников и столько же — позади нее. Один из грумов соскочил с козла, чтобы отворить дверь кареты, и согнулся в поклоне. Мать-настоятельница вышла из дворца, о чем-то оживленно беседуя с Севером. Надо же, оказывается, Вожак понемногу занимает все более важное положение в Логове, а ведь он всего-навсего воин... По крайней мере, так Халима привыкла думать о нем, но теперь чутье подсказало, что она ошибается. Жаль, что он отверг ее предложение... Мысль эта против воли пришла в ее голову. Впрочем, быть может, еще не все потеряно?

Наконец Вожак с матерью-настоятельницей, как видно, договорились о чем-то, Разара поднялась в карету, дверца за ней закрылась, и кучер вскочил на козлы, щелкнул хлыстом, передняя четверка всадников взяла в руки по факелу, и процессия тронулась в путь.

Северу подвели вороного. Он небрежно положил ладонь на луку седла и, не касаясь ногой стремени, одним махом взлетел на коня. Халима невольно залюбовалась им и снова подумала: «А может, действительно не все еще потеряно?»

Отряд давно растворился в ночной тьме, когда молодая настоятельница одернула себя — время дорого. Она подошла к шкафу, надела самую неприметную из накидок и бесшумно скользнула за дверь, моля всех богов, чтобы на пути ей не попался кретин Ханторек. Так никого и не встретив, она сбежала по лестнице и вышла из дворца. Она имела право беспрепятственно ходить по парку, но, вместо того чтобы прямиком направиться к нужному месту, пошла вперед по боковой аллее.

* * *

Когда зазвонил вечерний колокол, девушки с сожалением начали подниматься: расходиться не хотелось. С появлением в Логове Соня их жизнь изменилась, стала не такой скучной. Однако делать нечего. Правила есть правила. Когда на пороге появился один из послушников с подносом, девушки начали прощаться.

Оставшись в одиночестве Соня подошла к окну. Узнав, что мать-настоятельница уезжает на

несколько дней в Похиолу и Севера забирает с собой, она решила, что лучшего времени, чтобы забрать кинжал, и не придумаешь. Но карета все никак не трогалась с места, и девушки оставалось лишь стоять у окна и ждать.

Какое-то время ничего не происходило, но вскоре она заметила справа нескольких всадников с факелами в руках. Они неспешно выехали со стороны дворца, миновали плац и скрылись за воротами. Последним ехал Север. Конечно, она не могла различить в полутьме его лица, но узнала Вожака по величественной осанке, по манере держаться в седле. И хотя она не знала, какой он наездник, но не сомневалась, что так править конем может только он.

Быть может, он и в самом деле не так плох? Она вспомнила слова подруг и даже не заметила, что думает о Вожаке очень тепло и по-доброму, лишь с сожалением отошла от окна и направилась к шкафу, чтобы сменить свои изысканные доспехи на что-нибудь менее заметное.

Соня уже взялась за дверную ручку, когда в коридоре послышались шаги, и она тут же отдернула руку. Вот выродки нергальи! Как она забыла о них?! Подождав, пока неизвестный пройдет мимо, она тихонько приоткрыла дверь, оставив едва заметную щелку, и увидела, что соседняя дверь тоже приоткрыта, но мгновенно забыла об этом. Ее вниманием целиком завладела фигура в длинном сером плаще с накинутым на голову капюшоном, которая, прихрамывая, плелась по коридору. В таком же плаще, какой она выбрала для

себя! Почему-то такое совпадение показалось Соне дурным знаком.

Впрочем, она тут же выкинула все из головы. Нужно подождать, когда незнакомец завернет за угол, и тогда она успеет выскользнуть наружу, ведь, судя по всему, он ходит по кругу. Фигура в сером, дойдя почти до конца коридора, вдруг остановилась, опустила руку в карман, достала связку ключей и отперла дверь в средней части здания, где не жил никто из послушников. Дверь бесшумно отворилась, незнакомец вошел внутрь и прикрыл ее за собой. Замок щелкнул раз, другой, и все стихло.

Некоторое время Соня стояла, не зная, что и думать, потом внезапная догадка осенила ее, и она усмехнулась. Мать-настоятельница и Север в отъезде, а каждому в конце концов хочется расслабиться. Ну что ж, оно и к лучшему. Соня вышла в коридор и внимательно посмотрела на дверь, за которой скрылся ночной страж,— последнюю перед поворотом. Надо будет заняться ею, но это позже. Она быстро пошла к северному выходу и на мгновение замерла у окна. Все спокойно: ночь лунная, никого вокруг. Наружная дверь оказалась не заперта, и Соня еще раз подумала о том, как странно переплелась в этом месте жесткая дисциплина с какой-то странной вольницей.

Девушка выскользнула наружу и спряталась в тени здания. Постоянно оглядываясь, она быстро перебегала от тени к тени, от укрытия к укрытию, пока не добралась до парка. Выйдя на площадку, она без труда отыскала нужное мес-

то — как раз под колоколом — и отковырнула ножом пласт дерна. Пучок травы легко отвалился в сторону, но кинжала под ним не оказалось. Не может быть! Она истыкала ножом всю траву вокруг, пока не поняла, что все напрасно.

Ее тайник обнаружили!

* * *

Приоткрыв дверь, Альрика следила за фигурой в сером плаще. Незнакомец хромал, словно каждый шаг давался ему с трудом. Наконец он остановился у последней перед поворотом двери, повозился немного, доставая ключи, открыл дверь и вошел внутрь. Замок щелкнул, запираясь, и все стихло. Альрика уже собралась выйти, но услышала, как дверь Сониной комнаты отворилась. Интересно, что она задумала? Неужто тоже решила следить за Серым?! Альрика хотела уже предложить ей составить компанию, но передумала, решив, что хорошо было бы подшутить над подругой и напугать ее.

Она затаилась, но Сони все не было и не было, и Альрика, пожав плечами, одна направилась к таинственной двери, совсем немного повозилась с отмычкой — замок оказался простым — и юркнула внутрь. За дверью царила почти полная темнота, и бритунка тут же захлопнула за собой дверь. Она запомнила, что коридор уводит влево, и осторожно двинулась вперед, держась рукой за стену. По ее прикидкам, она уже добралась до начала коридора, и в это мгновение нога ее не нашупала под собой опоры. Девушка на-

гнулась и нашарила ступеньку. Все верно. Могла бы сразу догадаться. Иначе куда бы девался этот, в сером?

Она осторожно пошла вперед. Лестница вела вниз. Альрика насчитала не один десяток ступенек, когда впереди наконец забрезжил тусклый свет. Девушка поняла, что цель близка, и зашагала быстрее. Тусклый свет понемногу становился ярче, и вскоре бритунка увидела, что спустилась в коридор, расходившийся в две стороны.

Голос рассудка подсказывал ей: «Вернись! Тебе нечего здесь делать!». Но она спрашивала себя, струсила бы Соня на ее месте или нет, и упорно шла вперед, пока не услышала позади шаги. Тогда она побежала, стараясь не шуметь, но вскоре остановилась. Спереди тоже доносились чьи-то шаги.

Альрика лихорадочно заметалась, от страха не понимая, что делает, случайно обнаружила какую-то темную щель и вжалась в нее.

«Дура! Дура! Дура!» — стучало сердце.

Шаги постепенно приближались. Девушка затаила дыхание. Она видела, как серая фигура приближается, но не могла рассмотреть лица под капюшоном, только два глаза горели, как красные угли. Альрика зажмурилась и начала твердить про себя молитву: «Пресветлый Митра! Молю тебя, чего не делала никогда, сделай так, чтобы он, — она мотнула головой в сторону твари, — оказался человеком! Чтобы не заметил меня и, клянусь, я в тебя поверю!».

Она тихонько открыла глаза и увидела торчащую из рукава черную волосатую лапу — зверь!

«Нергал с ним! Я не в обиде! Пусть будет зверь! Только бы не заметил, только бы не заметил!» — молила она, и тут тяжелая лапа упала ей на плечо. У девушки не осталось сил даже для крика.

* * *

Соня быстро, но аккуратно замела следы своих поисков и побежала обратно. Ей не терпелось остаться наедине с собой, чтобы собраться с мыслями и понять, что же произошло. Добравшись незамеченной до здания, где жили послушники, она остановилась у двери и, слегка приоткрыв ее, прислушалась. Полная тишина. Девушка осторожно скользнула внутрь, чувствуя, как бешено колотится сердце в груди, на цыпочках промчалась по коридору, юркнула в комнату и быстро закрыла за собой дверь. Этого, однако, ей показалось мало, и она задвинула засов. Впервые за все время пребывания в Логове Соне было страшно.

Она прислонилась спиной к стене и закрыла глаза. Кто взял кинжал? И вдруг ее осенило — проклятый Север! Ну конечно! Кто же еще из всего этого сбираща туши мог догадаться, где она спрятала украденное?! Только он! Он наверняка прикинул, что шадизарка должна была держать добычу при себе до последнего и спрятать неподалеку от своего убежища. Наверняка в первую же ночь он и забрал клинок. И ведь даже не намекнул ей о том, что ее тайна раскрыта. Впрочем, в этом весь он, Вожак! Спокойный и невозмутимый, как каменная глыба. Вовремя же она

все поняла, а то уже начала было считать его равным себе. Достойным себя... Дажечувствовала какую-то симпатию...

* * *

Халима вернулась в комнату и заперла дверь, хотя обычно этого не делала, подошла к столу, с трепетом развернула кусок материи и увидела аккуратный кожаный футляр с затянутой тесьмой. Дрожащими от волнения пальцами она с трудом развязала узел и осторожно, стараясь не касаться клинка, вытряхнула его на тряпичку.

Наконец-то! Она чуть не расхохоталась в голос. Главное — не трогать кинжал руками, иначе на нем останется неизгладимый след. «Спокойнее!» — приказала она себе и, только после того как сердце стало биться ровнее, взяла две салфетки и вытащила клинок из ножен. Как прекрасно все получается! Клинок покрыт кровью, и крошечная капелька застыла на самом кончике острия! Лучше и не придумаешь! Кровь погибшего от клинка зверочеловека осталась на ноже!

Она посмотрела на плывущий за окном месяц и едва не выругалась: уже почти полночь! Истомившаяся после долгой разлуки женщина не должна опаздывать на свидание. Это может показаться странным. Она усмехнулась, быстро спрятала нож, переоделась и поспешила прочь, стараясь настроиться на роль страстной любовницы.

Едва Халима вошла в комнату, как Ханторек кинулся к ней и начал срывать с нее одежду. «Ишь

как его проняло! — подумала она и выскользнула из его объятий.

— Не торопись, милый, — сказала Халима. — Всему свое время. Сейчас я выпила бы вина. Надеюсь, у тебя есть?

— Сейчас, моя радость!

Он рванулся было к столу, но девушка задержала его.

— Я чувствую себя перед тобой виноватой, — с игривой улыбкой заметила она. — Позволь поухаживать за тобой. Мне это доставит удовольствие.

Танцующей походкой она прошлась по комнате, наполнила два бокала и неуловимым движением бросила небольшую горошину в один из них. Горошинка быстро пошла ко дну, но опуститься не успела, без остатка растворившись еще на полпути. Халима протанцевала обратно и, усевшись Хантореку на колени, протянула бокал.

— За то, чтобы все забылось и прошло, — произнесла она нехитрый тост и выпила до дна.

Хантореку ничего не оставалось, как последовать ее примеру. Впрочем, он и не стал бы противиться. Щеки его пылали. Дрожа от страсти, он приник к ее губам.

— Бокалы, маловаты, — вдруг пожаловался он, оторвавшись от девушки, и поплелся к столу.

Она ничего не сказала, только усмехнулась, глядя ему вслед, да украдкой вытерла губы платком. Возможно, заметь он вовремя эту усмешку, она и заставила бы его насторожиться, но он не видел ничего, кроме вожделенного кувшина с

вином, и даже не задумался, чем вызвана его внезапная жажда. Ханторек просто налил вина в оба кубка, осушил залпом свой и наполнил его вновь. Затем он обернулся, прикинув нетрезвым взглядом расстояние до девушки, решил не искушать судьбу и, плюхнувшись на диван, поманил ее к себе.

Халима играла свою роль до конца. Все так же игриво улыбаясь, она медленно пошла через комнату, с удовлетворением наблюдая, как «возлюбленный» пьянеет на глазах, и, когда приблизилась к дивану, Ханторек уже спал.

Девушка окинула спящего брезгливым взглядом, перелила вино из своего бокала обратно в кувшин, сполоснула бокалы, взяла кувшин и вернулась к себе. Там она перелила вино в пустой графин, взяла кинжал, кувшин и, озираясь как преступница, вернулась обратно. Заперла дверь на засов, поставила кувшин на стол, положила рядом кинжал и, подхватив спящего за ноги, уложила и сунула под шею подушку. Голова Ханторека запрокинулась, он тут же открыл рот и гулко захрапел.

Халима встала посредине комнаты и начала мысленно произносить слова необходимых заклинаний. Подождав, когда вызванные ею силы явятся, она выставила перед собой руки и громко проговорила на тайном языке Слово, будто обращалась к тому, кто пришел на ее мысленный зов. И Слово не умерло, когда она замолчала. Гулким эхом прокатилось оно по комнате, и руки настоятельницы засветились красным сиянием.

Халима повторила Слово, и сияние стало ослепительным. Губы ее зашевелились, словно она беззвучно повторяла все то, что должно теперь свершиться по ее воле.

Затем она шагнула к столу, взяла жертвенный кинжал, медленно подошла к безобразно храпевшему Хантореку и начала опускать клинок в его открытый рот, пока он не ушел в горло по рукоять. Тогда она легонько ткнула острием в гортань спящего и молниеносно вытащила кинжал. Дрожь пробежала по телу отца-настоятеля. Он лязгнул зубами, едва не отхватив кончик собственного языка, потом выгнулся и обмяк, словно тряпичная кукла. Теперь Халима произнесла завершающее колдовство Ключевое Слово, и грозный гул наполнил комнату. В какой-то миг настоятельнице показалось, что стены пошатнулись и пол уходит из-под ног, но грохот тут же смолк.

Халима посмотрела по сторонам: все осталось на своих местах, ничего не изменилось. Она опустила руки и только тут обнаружила, что в правой еще держит салфетку с кинжалом, и поднесла его к глазам: на острие блестела свежая капелька крови. Крови Ханторека. Девушка усмехнулась, аккуратно опустила клинок в ножны и, вложив его на мгновение в руки спящего, убрала в чехол. Теперь, даже если Клык Волчицы обнаружат, то на нем найдут только следы Ханторека и рыжей девки.

Отлично! Но это если его найдут. Теперь нужно позаботиться о том, чтобы кинжал не нашли. Куда бы его спрятать? Халима задумалась. У себя нельзя. У Кучулуга? Ну нет. Если кинжал обна-

ружат у него, станет ясно, кто его там припрятал. Так где? И тут ее осенило.

Она завернула кинжал в тряпичку, заботливо поправила подушку под головой Ханторека, проверила в последний раз, все ли в порядке, и направилась в парк. Ноги сами привели ее к колоколу. Халима приподняла пласт дерна, положила чехол с кинжалом на место и придавила его травой. Отлично. Лучшего и не придумаешь. Теперь, даже если его и найдут, то и сомнений не возникнет, что он так здесь и лежал. В крайнем случае обнаружится, что его трогал Ханторек... Неосторожно трогал. Она усмехнулась: с магическими предметами следует обращаться бережно.

Сделав все, как задумала, девушка вернулась к себе, разожгла камин, бросила в него выпачканный в земле кусок полотна и скомканые салфетки и, пока грязные тряпки корчились в огне, привела себя в порядок, выпила немного вина, чтобы успокоиться, и вышла в коридор.

В комнату Кучулуга она вошла бесшумно, в темноте приблизилась к постели и сбросила халат. В то же мгновение гирканец открыл глаза. «По запаху, что ли, учゅял», — успела подумать она, прежде чем огромные руки схватили ее. Она услышала знакомое уже: «К Нергалу!» — и кровать быстро-быстро заскрипела. «Да, — подумала Халима, — простой он все-таки человек».

* * *

Ночь пролетела как один миг, но когда утренний колокол возвестил о начале нового дня,

Халима, одевшись, направилась не к себе. Она возвратилась в комнату Ханторека и растолкала его, несмотря на то что солнце еще только поднялось над горами. Он пьяно жмурился, глупо таращась, явно не понимая, что происходит, пока до него не дошло, что перед ним Халима и что она взбешена до крайности.

— Что? Что случилось? — спросил он осипшим голосом.

— Что произошло?! — гневно вскричала она.— И он еще спрашивает!

— Да в чем же я провинился? — просипел Ханторек и потер горло рукой.— Болит,— пожаловался он и попытался улыбнуться, но улыбка получилась жалкой.— Наверное, вино было слишком холодным.

Но она не обратила на его слова никакого внимания.

— Я пришла, чтобы сказать тебе: если ты помогался встречи только для того, чтобы у меня на глазах нажраться и заснуть, то спи дальше! Я тебе мешать не стану!

Он рванулся к Халиме, но она жестом остановила его:

— И не приближайся ко мне!

Она захлопнула за собой дверь и с довольной улыбкой отправилась спать.

Удар колокола прервал короткий и тяжелый сон шадизарки. Думы о пропавшем кинжале не давали ей покоя всю ночь, и потому, ничуть не

отдохнувшая и до крайности раздраженная, Соня пробудилась в отвратительном настроении.

Она рассеянно отвечала на приветствия подруг, пока не поняла: кроме исчезнувшего клинка ее беспокоит еще что-то. Она огляделась. Альрика! Бритунки нигде не было видно. Тогда Соня принялась расспрашивать девушек, но оказалось, что и они ничего не знают. Она бросилась в комнату Альрики: кровать застелена, словно девушка и не ложилась. И тут Соня вспомнила о приоткрытой накануне двери...

Неужели эта трусиха решилась в одиночку высledить одного из Серых? Волна озабоча прокатилась по телу девушки. Ну конечно. Альрика должна была видеть то же самое, что видела вчера Соня. Отпереть замок ей ничего не стоило. Значит, она дождалась, когда Соня уйдет, и отправилась за незнакомцем... Так что же? Выходит, рассказы подруг об излишне любопытных послушниках — правда?

Кровь гирканки вскипела в ее жилах, но уроженки севера оставался холодным, как снег. Сейчас она пойдет, отыщет кого-нибудь из наставников и вытряхнет из него все! Она выскочила в коридор и нос к носу столкнулась с Тирамом. Бедняга не успел и глазом моргнуть, как почувствовал, что его схватили за грудки и прижали к стене.

— Говори, урод, что вы с ней сделали! — Соня тряхнула наставника. Он попробовал что-то сказать, но не смог. Только тогда она сообразила, что глупо душить человека и одновременно требо-

вать от него ответа.— Говори,— повторила она уже спокойнее, отпуская его, хотя взгляд девушки по-прежнему пылал гневом.

— Зайдем в комнату,— сказал он, растирая шею.

Все так же хмурясь, она пошла за ним в комнату Альрики и остановилась у окна. Он прикрыл дверь:

— Успокойся. Это сейчас самое главное.

— Самое главное сейчас — спаси Альрику.

— А с чего ты взяла, что ее вообще нужно спасать?

— Ты что, меня дурой считаешь? — взвилась девушка.— Я ведь слышала разговоры об исчезающих послушниках, которых якобы переводят куда-то.

— Может, так оно и есть?

— Вчера мы расстались после вечернего колокола, а после утреннего ее уже не было.

И она рассказала о том, что видела ночью, умолчав только о собственном приключении.

— И чего же ты хотела от меня? Серые подчиняются только матери-настоятельнице.

— Значит, пойду к ней! Ах, да...— Она осеклась, вспомнив, что Разара уехала накануне вечером.— Хорошо. Кто здесь сейчас главный?

— Среди настоятелей — Ханторек, но всем управляет Халима. Среди стражей и наставников — Кучулуг, но внешняя стража ему не подчиняется. Там правит Вамматар.

Соня закусила губу: к первым двум она не могла обратиться.

— Значит, пойду к Кучулугу,— пробубнила она.

— Не ходи к нему.

— Это еще почему?

— Во-первых, он ничего не может сделать,— попытался объяснить наставник.

— А во-вторых?

— А во-вторых, даже если я ошибаюсь и он может, то наверняка не станет. Зато точно могу сказать, что наобещает тебе всего, но потребует твоей помощи, и ты оглянешься не успеешь, как окажешься у него в руках.

— Да ну?! — насмешливо спросила Соня.

— Не «да ну», а именно так,— серьезно ответил Тирал.— Кучулуг хитер, коварен и мстителен.

— Вот уж никогда бы не подумала!

— Я понимаю... Тупой громила...— насмешливо кивнул он.— Многие жестоко заплатили за такое заблуждение.

— Мне надоел этот спор,— заявила Соня.— Зачем ты здесь?

— Послушницы сказали мне, что Альрика пропала. Я побежал сюда, чтобы ты не наделала глупостей.

— О, Бел! — восхлинула она.— Так ты все знал с самого начала! Впрочем, не важно...— Она вызывающе посмотрела на него.— И что же ты хотел мне посоветовать?

— Если Альрика у них,— осторожно начал Тирал, и Соня презрительно фыркнула,— то с ней ничего не сделают до тех пор, пока не вернется мать-настоятельница. Без нее жизнь в Логове вообще замирает.

— Значит, дождусь, когда вернется Разара, и тогда...

— Нет.— Соня удивленно посмотрела на него.— Это ничего не даст. В Логове есть только один человек, способный навязать свою волю матери-настоятельнице. Вожак.

* * *

Соня последовала совету наставника: раз без ведома матери-настоятельницы здесь ничего не делается, то и предпринимать что бы то ни было — глупо. Зато она поняла, что пора бежать. Бежать при первой возможности куда глаза глядят. Вот только выручит Алърику, и в путь. Правда, пока она не обдумывала мелочей. Соня знала, что внутреннюю стражу минует без труда, а вот внешняя пока оставалась для нее загадкой. Впрочем, она никогда не задумывала далеко наперед. Всему свое время.

Она настолько увлеклась мыслями о побеге, что невольно начала вести себя так, будто из послушницы превратилась в почетную гостью. С каким-то злым наслаждением она донимала наставников, словно хотела оставить долгую и яркую память о себе.

И лишь Кучулуг смотрел на происходящее с довольной ухмылкой. Наставники ничего не могли поделать с Соней и лишь по десять раз на дню прибегали к Кучулугу с жалобами на строптивую послушницу, но гирканец выслушивал их, разводил руками и отвечал, что не может нарушить приказ матери-настоятельницы. Вот вернется она, и тогда...

Пока же все оставалось по-прежнему. Соня видела, что многие из ее жертв вот-вот готовы сорваться, но это не останавливало, а наоборот, только забавляло ее. Поток жалоб грозил превратиться в снежную лавину, когда мать-настоятельница наконец-то вернулась.

Судя по поведению внутренней стражи, произошло что-то необычное. Сперва послышались быстро нарастающие топот копыт и грохот колес кареты. Кто-то прорычал приказ, и ворота отворились. Мгновение спустя карета влетела во внутренний двор Логова, и только здесь возница, в котором все узнали Севера, натянул поводья. Кони пошли шагом. Вожак махнул рукой, подзывая одного из стражей, а когда тот сменил его на козлах, спрыгнул, проверив, все ли в порядке с материю-настоятельницей, и устало побрел к умывальне.

Тело его покрывал слой пыли, налипшей на кровь, но понять, чья она, было невозможно. Карета медленно направилась ко дворцу. Соня смотрела на нее округлившимися от удивления глазами, пытаясь представить, в какую же переделку они попали. Судя по всему, мать-настоятельница жива, но какой ценой... Бока кареты, алые от крови, были утыканы стрелами, половина коней оказалась ранена, хотя и не опасно, с крыши свисала цепь абордажной кошки...

Соня обернулась к Северу. Он стоял в набедренной повязке, и двое стражников поливали его водой из ведер, а он фыркал от удовольствия и стирал с себя кровь и грязь. Не только послуш-

ники, но и наставники обступили его. Лишь стражники оставались на местах, тоскливо глядя в его сторону и жалея, что не могут услышать рассказ Вожака.

— Так ты говоришь, все наши погибли?

— Да,— кивнул Север, отирая руками воду с могучего тела, и Соня насчитала с десяток ран.— Слишком много их оказалось. Человек сорок конных латников.

— Латников?! — удивленно переспросил кто-то, присвистнув.

— Латы немедийские или аквилонские,— пожав плечами, уточнил Север,— а кто уж там находился внутри доспехов, я, говоря по правде, не удосужился спросить.

— Так как же вы вообще умудрились пробиться?

— Вот так и умудрились.— Север развел руками, показывая свои раны.— Хорошо еще, что в северных предгорьях Граскаала на приличном расстоянии от перевала нас, как и было условлено, встретили разъезды Вамматара и сдержали латников, хотя те с непонятным упорством продолжали преследовать нас до постов на перевале, где и полегли.

— Странно...— задумчиво проговорил Тирал.

Север кивнул и направился к дворцу. Тут Соня вспомнила о своем деле и бросилась следом.

— Север! Север! — закричала она.— Подожди! Он недовольно обернулся.

— Ну чего тебе? — буркнул он не слишком приветливо.— И без тебя забот невпроворот.

— Да плевала я на твои заботы! — зло огрызнулась она.— Альрика пропала!

— И поделом! Не будет соваться, куда не надо!

— Ах так!..— Соня задохнулась от ярости.— Тогда я сама!..

— Слушай, девочка! — Он схватил ее за плечи и, наверное, вдавил бы по пояс в землю, если бы колени ее не подогнулись и она не бухнулась на скамью.— Я ведь только что приехал и успел лишь наспех смыть грязь, а уже вдоволь наслышался о твоих подвигах!

— Я сама пойду к Разаре! — упрямко заявила она.

— Иди! — воскликнул он.— Ты наверняка встретишься с ней, но не так, как тебе того хочется.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты не подругу выручишь из беды, а сама присоединишься к ней, глупая девка!

— Это я-то глупая девка?! — прошипела она.— А ты!..

Но Север не стал слушать, а зажал ее рот рукой. Она попыталась вырваться, но безуспешно. Тогда она попробовала укусить державшую ее руку, но поняла, что не может даже разжать челюстей, и впилась в лицо Севера потемневшими от ненависти глазами. Он подождал, пока она успокоится, отпустил ее и сказал:

— Я тоже хочу поговорить с тобой.

— Зато я не желаю с тобой разговаривать! — тут же запальчиво выкрикнула она, забыв, что сама увязалась за ним следом.— Я хочу убить тебя!

— Хорошо,— спокойно ответил он.— Убей. Только давай договоримся. Если ты опять проиграешь, мы с тобой поговорим.

Некоторое время оба молчали, глядя друг на друга.

— Нергал с тобой,— наконец хмуро ответила она.— Говори, что хотел сказать.

— Вообще-то, мысль простая: берись за ум, пока не поздно.

— Я все равно убегу! — воскликнула она.— Не останусь здесь!

Север лишь улыбнулся:

— Беги, если можешь. Ты давно уже могла сбежать. По крайней мере, могла попытаться,— поправил он себя.— Но ты еще здесь, потому что понимаешь: не так это просто сделать. Позволь дать тебе один простенький совет: пока ты не сбежала, следуй установленным здесь правилам. Поверь мне, так будет проще. И в первую очередь тебе самой.

— Хорошо! А ты вытащишь мою подругу?

— А как я это сделаю? Ты что же думаешь, я могу пойти к матери-настоятельнице и велеть ей сделать все, что мне заблагорассудится?!

— Значит, нет?!

— Давай договоримся так,— примирительно предложил он.— Ты исполнишь мою просьбу, а я попытаюсь спасти Альрику.

Девушка медленно, словно нехотя, кивнула.

— Какая же ты умница,— устало бросил Север и пошел по боковой аллее, оставив ее на скамье.

Соня смотрела ему вслед, в бессильной ярости сжимая кулаки, когда услышала, как его окликнули, и он свернулся к середине парка. Она невольно заинтересовалась, кто бы это мог быть, и тихонько направилась следом. Узнав голос Разары, Соня затаилась в кустарнике.

— Зачем ты сказал ей это? — спросила Разара.

— Не понимаю, повелительница, о чём ты?

— Зачем ты сказал ей, что она может бежать?!

Чего доброго, она так и сделает на первом же задании!

— На мой взгляд, в этом нет ничего страшного,— возразил Север.— Все послушники мечтают поначалу о побеге.

— И тем не менее не стоит поощрять такие мысли.

— По-моему, все гораздо проще.— Север равнодушно пожал плечами.— Нужно заставить ее заниматься, а вот когда она увлечется, я уверен, сами собой пропадут и спесь, и мысли о побеге.

— Хорошо, если так,— недоверчиво молвила мать-настоятельница,— а если нет?

Она повернулась к Вожаку, и Соня невольно сжалась в кустах.

— Если нет, то она так и так потеряна для нас. Конечно, можно убить ее, но я бы не торопился. Нам нужен сильный боец, и ради этого, на мой взгляд, стоит потерпеть.

Они встали и направились ко дворцу, а Соня не смогла даже пошевелиться. Она и не предполагала, что все так скверно. Впрочем, а чего она ждала? Послушницы восхищались ею, послушники

обожали, а наставники ненавидели — так и должно быть. Она задумалась. А как они разговаривали о ней? Как о вещи! Выбросить — не выбросить... Как она их ненавидит!

* * *

— Как осмелились эти выродки действовать на территории Гипербореи?! — сипло воскликнул Ханторек и тут же схватился за горло.— Простыл,— пояснил он, увидев обращенные на него удивленные взгляды, и криво ухмыльнулся.

— Выпей теплого вина,— посоветовала Разара и повернулась к Северу: — Если бы не ты, не стоять бы мне сейчас здесь.

— Пустое,— небрежно отмахнулся он.— Вамматар встретил нас очень вовремя,— заметил он как бы невзначай,— да, хвала Волчице, арбалеты прихватить догадались. Они нам сильно помогли.

— Ты догадался,— улыбнулась Разара.— Впрочем, ты прав. Не это главное,— тут же согласилась она.— Кто эти люди?

— Судя по доспехам и по трупам,— заговорил Вамматар,— аквилонцы.

— Наверняка митриане,— брезгливо поморщилась Халима.

— Давить их надо,— оскалившись, прохрипел Ханторек, вдруг став удивительно похожим на хищника.

Халима отстранилась от отца-настоятеля.

— Не понимаю, чего они добиваются? — недовольно проворчала Разара.— Били бы поклоны Светозарному, которому плевать на них, да со-

бирали деньги с прихожан — что еще им нужно для счастья?

— Что будем делать? — спросила практичная Халима.— Если они отважились устроить засаду в Гиперборее, ничто не помешает им позже на ведаться и сюда.

— Нужно выяснить, откуда они пришли,— заметил Север.— Я задам этот вопрос своим людям в Бритунии. Думаю, больше трех дней мне не понадобится, но, чтобы уехать завтра, я должен сегодня отоспаться.

— Конечно,— кивнула Разара.— А ты знаешь,— неожиданно заявила она, обращаясь к Северу,— может, то, что случилось, даже и к лучшему. Ты помнишь, как нас встретили в Похиоле? Они уже считают себя владыками мира, а не ведают о том, что творится у них под носом! Сегодня же пошлю Вестницу с сообщением в Похиолу. Пора им браться за работу, засиделись они на месте.

* * *

Едва Север вышел из дворца, Соня подбежала к нему:

— Ну как?

— Ты ждала меня? — Он усмехнулся.— Я польщен.

— Зря радуешься,— зло сощурилась она,— ты меня не интересуешь.

— Ну вот,— притворно вздохнул Север,— и всегда так... Хоть бы кто-нибудь сказал что-то хорошее... Да не беспокойся ты так — ее отпустят.

Она вздохнула с облегчением:

- Когда?
- Через два-три дня.
- Почему не сразу?
- Разара сказала, что она заслужила наказание.
- Наказание?.. — прошептала Соня, оторопев от неожиданности.
- А чего ты ждала? — удивился Север. — Как бы там ни было, а она сама полезла в запертую дверь. — Соня, однако, нахмурилась, а Север покачал головой: — Ну чего ты злишься? Радуйся, что она вообще останется жива. На моей памяти это первый случай.
- Ты уверен, что с ней ничего не случится?
- Я уверен, что до сих пор с ней ничего не случилось и что через пару дней она вернется.
- Смотри, ты обещал.

Уже темнело. Оставшись в одиночестве, Разара вспомнила свой визит в Похиолу, унизительный, как никогда. Ей пришлось, как девчонке, выслушивать старческое брюзжание Лухи. Сколько ей лет? Пятьсот? Тысяча? Еще больше? Бессспорно, заслуги ее перед Орденом велики, но, чтобы достичь задуманного, усилий приложить придется еще немало.

Почувствовав угрозу, враги зашевелились. И пусть их время давно ушло, но они еще способны огрызаться, и всерьез. Именно сейчас их нужно добивать, но осторожно и аккуратно. И уж ни-

как не сидеть сиднем в холодной каменной крепости и упиваться мечтами о будущем господстве, которое придет само собой.

Разара положила перед собой лист пергамента и задумалась. Ей вовсе не хотелось, чтобы послание ее сочли попыткой показать зубы издалека, а это вполне возможно. Она ведь находилась на краю гибели. Наверное, если бы не идея Ханторека, которую она выдала за свою, да не смерть зверочеловека, охранявшего кинжал, ей бы не сдобровать. А так бурно начавшийся разговор завершился более-менее мирно. Похоже, ей даже удалось отстоять свой авторитет, доказав, что больше не имеет смысла очеловечивать зверье, по крайней мере, так, как это делалось раньше, и что пора переходить ко второй части плана.

Теперь стоит подумать о том, как укрепить свои позиции. Письмо нужно написать очень умно, чтобы его не восприняли как крик о помощи, но вместе с тем они должны понять, что положение серьезное и что границы Гипербореи надо охранять. Смешно в самом деле думать, что кого-то, кроме жалких оборванцев, обитающих в Пограничном Королевстве, остановит нацарапанная на черепе зверя устрашающая надпись!

Она обмакнула перо в тушь и начала писать, тщательно подбирая слова и продумывая фразы. Закончив, Разара дважды перечитала написанное и удовлетворенно кивнула.

Она собралась было вызвать слугу, даже взяла в руку молоточек, но тут ей пришла в голову неожиданная мысль: а что вообще искали латни-

ки на севере? Здесь нет уединенных богатых усадеб, как в Аквилонии, или процветающих сельских общин, а для штурма городских стен отряд явно маловат. Однако отчаянность, с которой они сражались, подсказывала: они знали, на что идут. Разара задумалась. Уже не единожды дозоры Вамматара задерживали людей, пытавшихся проникнуть в Логово со стороны Бритунии. Как ни странно, большинство из них предпочитало погибнуть, нежели попасть в плен, но тех, кто струсил и сдался, удалось разговорить. Оказалось, все они шли сюда за кинжалом.

Тогда она отправляла письма в Похиолу, но их оставляли без внимания, и вот теперь кинжал украден. Украден, хотя она не раз предупреждала об опасности. Как жаль, что она не подумала об этом раньше. Конечно, сегодняшнее нападение, может, и не связано с теми попытками. Однако... Все правильно. Одиночки потерпели неудачу, и враги решили пойти другим путем. Захватить важного пленника, а если повезет, то, быть может, и сам кинжал вне Логова, на заснеженной равнине Гипербореи. Там, где служители Ордена привыкли чувствовать себя в безопасности!

Что ж, пусть Север отправляется к своим людям, и, если она не ошиблась, последует еще один визит в Похиолу, и тогда оправдываться придется кому-то другому. А ведь... Разара задумалась на мгновение, и радостная улыбка озарила ее лицо. Воистину сегодня день прозрений! Как же она сразу-то не сообразила! Ведь если латники охоти-

лись за кинжалом еще сегодня, значит, он все еще в Логово! И хоть девчонка утверждает, что она ни при чем, это легко проверить.

Разара взяла длинный узкий стилет и спустилась в парк, приказав слуге следовать за ней с факелом: давно перевалило за полночь, тучи затянули небо, и было очень темно. Она быстро пересекла парк, склонилась над укрывавшими землю плитами и принялась прощупывать стилетом землю, но все оказалось напрасным. Жаль. Она огорченно вздохнула и повернулась к слуге.

— Возьми двух человек и таким же образом проверьте все вокруг, — распорядилась она и ушла, думая о том, что, скорее всего, эти поиски уже ничего не дадут.

* * *

Прямо с утра Соня вновь резко изменилась, чем в очередной раз удивила уже привыкших к ее строптивости подруг. Она не дерзила наставникам, не подшучивала над ними и даже старательно выполняла все требования, превратившись из возмутителя спокойствия в образец приложения.

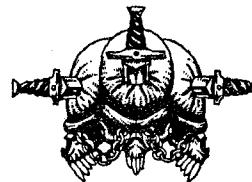
Сама не зная почему, она верила Северу, и это злило девушку, привыкшую полагаться только на себя. Теперь же она зависела от Вожака, и это ей не нравилось, равно как и то, что он на самом деле был удивительным человеком. Она злилась на него и против воли восхищалась им. После вечернего колокола Соня, оставшись одна, вновь заперла дверь на засов. Она даже не сразу

осознала это и, только когда улеглась в постель, поняла, что боится. Это рассердило ее, но ничего поделать с собой она не могла и снова подумала о том, что как только Альрику выпустят из подземелья, они сбегут при первой же возможности.

Глава шестая

В первые за все время пребывания в Логове Соня обрадовалась утреннему колоколу: сегодня она увидит Альрику! Всего пару недель провели они вместе, но за это время бритунка успела стать для нее едва ли не сестрой. По крайней мере, ближе нее у Сони никого не осталось. И пусть судьба свела их совсем недавно и, быть может, случайно, но они вместе пришли сюда, вместе и уйдут.

Она быстро оделась, что-то мурлыча под нос, выскочила в коридор и увидела, что дверь в соседнюю комнату слегка приоткрыта. Девушка улыбнулась: значит, Север сдержал обещание. Чуть не приплясывая от счастья, она влетела в комнату подруги и замерла у порога...

Увидев в дверях рыжеволосую шадизарку, Альрика задохнулась, лицо ее исказилось от ужаса, и она спрятала его в ладонях. На крик просто не хватило сил.

— Это же я!

Соня упала перед кроватью на колени, обняла девушки за хрупкие плечи, погладила по мягким волосам.

— Это же я, Соня,— повторила она.

— Соня...— слабо прошептала Альрика, узнав ее.

Она попыталась улыбнуться, но вместо этого заплакала. Тихо-тихо, будто опасаясь, что кто-то услышит ее плач и накажет за него. Соня растерялась, и тут Альрика начала жалобно поскуливать, как маленький ребенок, который не в силах удержать внутри свою боль и не умеет выразить ее словами. Да она перепугана насмерть!

— Да что же они сделали с тобой? — воскликнула девушка, прижимая к груди заплаканное лицо подруги.— Они били тебя?

Но Альрика в ответ лишь помотала головой, и лицо ее вновь исказила гримаса ужаса, но ни звука не сорвалось с ее губ.

— У тебя болит что-нибудь? — спросила Соня и по новому взрыву рыданий поняла, что угадала.

— Что у тебя болит, милая? Скажи мне. Скажи! — требовала она.— Тебе станет легче!

— Па-мять! — прорыдала Альрика.— Она жжет изнутри! Помоги мне, Соня!

— Тебе надо заснуть, успокоиться. Я сейчас.

Она выбежала к себе и вернулась с кубком оставшегося от ужина вина. Альрика пила жадно, захлебываясь, и опустила голову на подушку, только когда выпила все. Взгляд ее быстро затуманивался.

— Заснуть, заснуть,— словно в бреду, повторяла она,— забыть все.

— Спи, милая,— словно маленькую девочку, гладя по волосам, вторила ей Соня.— Ты все забудешь, а потом мы с тобой убежим.

— Убежим,— повторила бритунка, и сон наконец-то сморил ее.

Соня посидела с ней чуть-чуть и, вздохнув, отправилась на занятия: ей тоже нужно было забыться, хотя бы на время. Однако тревожные мысли не давали ей покоя, и в обед Соня зашла навестить Альрику, но та все еще спала. После обеда Соня рассказала подругам о возвращении Альрики, и, когда окончились занятия, девушки поспешили к бритунке, но она еще не проснулась. Подруги уселись возле нее и начали тихонько перешептываться. Все сходились во мнении о том, что отсюда нужно бежать, и тут же наперебой убеждали друг друга, что сделать это невозможно. Соня слушала их и презрительно хмыкала.

Так, в бесплодных рассуждениях о побеге пролетел вечер, ударил вечерний колокол, и девушки начали расходиться.

— Я останусь ненадолго,— шепнула Соня Луме, и та, кивнув, затворила за собой дверь.

Соня примостилась на краешке постели и с нежностью смотрела на изможденное лицо подруги. Потом вздохнула, поправила на ней одеяло и шепнула на прощание:

— Спи.

— Я давно уже не сплю,— ровным голосом ответила бритунка, не оборачиваясь.— Просто делала вид, чтобы вы не приставали с вопросами.— Соня покачала головой, но ничего не ск

зала.— Ты хочешь знать, что со мной сделали,— продолжала Альрика все тем же деревянным голосом.— Наверное, я должна была бы рассказать тебе, но не могу.— Она немного помолчала.— Я слышала, вы тут говорили о бегстве, и теперь я знаю точно: отсюда нужно бежать, но так же точно я знаю, что сбежать нельзя.— Слова ее походили на бред.— Однако я кое-что придумала,— сказала она, понизив голос, впервые посмотрела на шадизарку, и глаза ее лихорадочно заблестели.— Я придумала, как убежать отсюда! — прошептала она еще тише.

— Скажи мне,— попросила Соня.

— Нет! — Она оттолкнула подругу.— Это очень страшно!

— Хорошо, хорошо! — поспешила успокоить ее Соня.— Но пообещай мне, что все расскажешь потом.

— Да,— устало ответила Альрика,— ты узнаешь первой. А теперь оставь меня.

Она опять отвернулась. Соня вздохнула и ушла к себе. На столе ее ждал поднос с ужином. Вяло, без аппетита прожевав несколько кусков, она решила, что лучше всего лечь, и едва положила голову на подушку, как провалилась в сон.

...Сперва ее окружила непроглядная тьма. Соня ощупала себя и обнаружила, что одета в знакомое уже рубище, затянутое на талии поясом, за который заткнут кинжал причудливой формы. Она уже когда-то держала его в руках, но почему-то никак не могла припомнить, когда и где. Впрочем, не важно. Главное, что он есть.

В тот же миг она поняла, что спускается по бесконечно длинной лестнице, и, хотя она не знала, откуда пришла и куда направляется, решила не останавливаться. Вскоре она увидела внизу блеклое пятно, которое могло означать только одно — цель близка. Через два десятка ступеней лестница кончилась. Соня оказалась у расходившегося в две стороны коридора.

Почти не раздумывая, она осторожно двинулась направо, сама не зная почему, и вскоре поняла, что путешествие по подземелью грозит затянутться. Она совсем уже было решила повернуть назад, когда услышала за спиной шаги. Сердце ее учащенно забилось. Она быстро оглянулась, но коридор плавно поворачивал, и она никого не увидела, однако почувствовала, что страх ее еще больше усилился, и тем не менее побежала вперед. Такие же шаги донеслись и спереди, она заметалась и юркнула в какую-то щель, уже зная, что это ее не спасет.

Две фигуры появились перед ней почти одновременно. Дикий, панический ужас навалился на нее, когда она увидела горящие, как угли, глаза. Она съежилась, моля лишь о том, чтобы ее не заметили, прошли мимо, но этого не произошло.

В тот же миг все переменилось. Соня не помнила, как ее схватили, но, когда очнулась, поняла, что лежит на столе. Она увидела, а скорее, почувствовала, что за руки ее держит один из красноглазых, в то время как второй возится у огня. Она ощутила жар пламени и запах горящей плоти, перед лицом мелькнул раскаленный добела стальной прут. Девушка закричала и по-

пытаясь вырваться. Мохнатые лапы крепко держали ее, но ей удалось освободить одну руку. Она нашарила на поясе кинжал, встретилась взглядом с мучителем, взмахнула рукой... В тот же миг покрытые шерстью лапы сомкнулись на ее горле. Она размахивала кинжалом, стараясь поразить монстра, но клинок рассекал лишь пустоту. Соня почувствовала, что ей не хватает воздуха и силы покидают ее. Красные угли глаз превратились в размытые плывущие пятна... Она задыхалась.

Издалека, словно из другого мира, донесся до нее тугой удар колокола. Девушка отчаянно рванулась, ощущив внезапный прилив сил. Волосатые лапы соскользнули с горла...

Соня вскочила на ноги, очумело озираясь. За окном светило солнце, все вещи лежали на своих местах. Так это был сон... Сон, из которого ее вывел удар колокола, и случилось это, надо сказать, весьма вовремя. Девушка вспомнила душившие ее лапы, и ее передернуло от омерзения.

От раздумий ее оторвали голоса подруг в коридоре. Пора и ей присоединиться к остальным. Она быстро оделась и выскочила за дверь.

— Что? Что случилось? — невольно вырвалось у девушки, когда она увидела столпившихся у комнаты Альрики подруг.

Она бросилась вперед да так и замерла в дверях: бритунка висела под потолком.

Девушки осторожно вынули мертвое тело из петли и уложили его на постель. Кто-то всхлипывал за спиной, но глаза Сони оставались сухими, и только ярость медленно закипала в душе.

— Что же с ней сделали эти сволочи, чтобы довести до такого? — хмуро спросил кто-то, но никто не ответил.

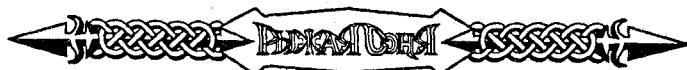
Соня стиснула зубы. Ей захотелось взвыть по волчьи, словно, попав в Логово, она и сама превратилась в волчицу. Тут она вспомнила, что сегодня должен вернуться Север. Вот с кого она спросит за все!

— Пошли отсюда! — сказала она, словно отрезала.— Ей уже ничем не поможешь!

Она отрещенно жевала свой завтрак и строила планы мести, один изощреннее другого, пока не поняла, что все они несбыточны, как девичьи грэзы о прекрасном принце. Все они требовали времени, денег и свободы. Причем настоящей, а не в стенах Логова. Однако у нее оставался еще один, уже опробованный способ.

После завтрака все отправились на знакомый уже бережок, усыпанный чистым белым песком: на плацу обычно тренировались юноши. Здесь их уже поджидал невысокий, худощавый мужчина с сильным телом воина и хитрым лицом мелкого воришки. Он окинул внимательным взглядом шеренгу девушек, задержав на мгновение взгляд на Соне.

— Меня зовут наставник Юнг,— представился он.— Сегодня вы начнете изучать новый курс, который доверено вести мне. Рукопашный бой. Вот ты! — Он ткнул указательным пальцем в Соню.— Я видел, как ты доказала Тиралу, что лучше него владеешь мечом, и получил огромное удовольствие, несмотря на то что впоследствии Вожак точно так

же превзошел тебя. Кстати, я вполне согласен с его словами о том, что женщина не в силах открыто противостоять мужчине.

Со стороны плаца к ним приблизился Кучулуг, и наставник развернулся, приветствуя его, но гирканец жестом показал, чтобы тот продолжал занятия. Он остановился и замер, скрестив на груди руки, похожий на каменную глыбу. Юнг остановился напротив Сони.

— Попытайся ударить меня,— сказал он.

Соня улыбнулась и медленно согнула в локтях руки, с удовлетворением отмечая, что, оставаясь внешне спокойным, Юнг напрягся. Похоже, ее стычка с Тиралом и впрямь произвела на него впечатление. И хотя Соне не часто приходилось драться кулаками, кое-какой опыт она все-таки имела и в этом деле. Она немного попрыгала на месте, чтобы прочувствовать почву под ногами, одновременно стараясь приблизиться к наблюдавшему за ней противнику, но тот не подпускал ее ближе чем на два шага. Она нанесла удар, другой. Еще один и еще, но наставник спокойно и, надо признать, ловко уворачивался, не нанося ответных ударов. Он играл с Соней, и она мгновенно поняла это. Наверняка и Кучулуг появился здесь неспроста.

Она улыбнулась своим мыслям, и гирканец расхохотался:

— Что? Не получается, красавица?!

Соня улыбнулась еще шире и, подняв руки, одним быстрым движением скинула с плеч одежду и осталась обнаженной по пояс. Кучулуг неволь-

но перестал смеяться, а Юнг ошарашенно замер. Сонин кулак тут же впечатался в его правый глаз, отбросив наставника к ногам гирканца. Когда Кучулуг перевел взгляд с повалившегося на землю Юнга на девушку, та уже стояла полностью одетая и насмешливо смотрела на него. Послушницы же тихонько хихикали.

— Это запрещенный прием,— хмуро буркнул Кучулуг.

— Запрещенный? — насмешливо переспросила Соня.— Ты, наверное, знаешь, что в Иранистане, например, если пляшишься на что не надо, можно запросто лишиться мужского достоинства. Так что он еще легко отдался.

— А вот за это,— взъярившись, указал на быстро заплывающий глаз наставника Кучулуг,— ты запросто можешь лишиться женского!

— А ты знаешь, что ждет того, кто покусится на мою честь?

— Буду знать, если скажешь! — прорычал великан.

Он видел, что ему бросили вызов, и не собирался уступать. Соня усмехнулась, подобрала валявшийся на песке булыжник и запустила им в мраморную статую меченосца на берегу озера. Камень угодил точно между ног, и часть статуи, изображавшая мужскую принадлежность воина, с треском отвалилась. Послушницы за спиной Сони расхохотались. Она обернулась к ним и увидела на боковой аллее парка Халиму, которая молча наблюдала за происходящим. Встретившись взглядом с послушницей, она кивнула и подошла ближе. Откуда-то

издалека донесся стук копыт. Соня взглянула на Кучулуга: гирканец побагровел от ярости.

— Я вижу, — сдерживаясь, заявил он, — мне придется повторить для тебя урок Севера. Я даже дам тебе кое-какое преимущество.

— Оставь его себе, боров! — крикнула Соня. — Клянусь, оно тебе пригодится!

Ворота отворились, и всадник влетел внутрь Логова.

— И что же ты со мной сделаешь? — зло расхочотался Кучулуг.

— А ты смотри!

Не успел гирканец опомниться, как ее стройная обутая в сапожок ножка вонзилась ему в живот, великан перегнулся пополам, и девушка тут же ударила его ребром ладони по шее. Кучулуг бесформенным мешком повалился к ее ногам. Соня наклонилась к нему.

— Что? Больно, грязь? — спросила она, но Кучулуг не мог вымолвить ни слова.

Зато оскорбительно хохотали послушницы, и унижение жгло гирканца страшней огня. Конский топот приблизился, и Север, натянув поводья, остановил скакуна. Одним взглядом окинув все: Юнга с заплывшим глазом, скорчившегося у ног Сони Кучулуга, что было совсем уж невероятным, и гогочущих послушников, собравшихся вокруг, — Вожак одобрительно кивнул.

— Хорошая работа. Смотрите только, не увлекайтесь, — бросил он и поскакал дальше.

— Как она его избила... — изумленно проговорил кто-то из стражников. — Еще немного, и из

него дермо рекой польется. А ведь это не кто-то — Кучулуг!

Соня улыбнулась, успев краем глаза заметить, как гирканец поднимается, но не успела защищаться. Звонкая оплеуха, от которой зазвенело в голове, опрокинула ее на землю.

— Застать врасплох, как ты только что могла заметить, можно любого. А сейчас я посмотрю, чего ты стоишь на самом деле.

Он быстро двинулся вперед, гораздо быстрее, чем она могла ожидать от человека его размеров, и отвесил ей еще одну пощечину, от которой мир закружился, и девушка перестала понимать, что же происходит. Кучулуг же избивал ее основательно, со знанием дела, с каким-то садистским наслаждением, и, хотя ни разу не ударил кулаком, лицо девушки почти мгновенно превратилось в сплошную кровоточащую рану.

— А ты, как я погляжу, настоящий герой. — Прозвучавший за спиной насмешливый голос Севера остановил руку гирканца. — С бабами-то драться, — добавил он нахмутившись.

Кучулуг выпустил свою жертву, и девушка без чувств упала на песок. Он уставился на Вожака и смерил его хмурым взглядом.

— Могу я вежливо спросить: чего ты приперся? Я всего лишь преподал нахалке урок!

— У меня на родине мудрецы говорят, что если для доказательства правоты ты прибегаешь к насилию, то уже проиграл! И, клянусь честью, они правы!

— Брось! — Кучулуг зло расхохотался. — Откуда взяться чести у бродяги без рода, без племени?

— Ты оскорбляешь меня, Кучулуг, — спокойно отозвался Север. — Мне как Вожаку придется наказать тебя.

— Накажи меня, Север! — воскликнул Кучулуг, раскинув могучие руки. — Я ведь без оружия!

Вожак медленно расстегнул пояс, на котором висел меч, бросил его в песок, снял доспехи и остался в одной набедренной повязке. Кучулуг тоже разделся.

— Тебе недолго оставаться Вожаком! — взревел он. — Я разорву тебя, на куски голыми руками!

Они остановились друг напротив друга. Огромный, невероятно тяжеловесный гирканец, из-за затянувшего тело жирка казавшийся каменной глыбой, и уступавший ему в росте едва ли не на голову Вожак. Для человека неискушенного исход предстоящего поединка не вызывал бы сомнений, но в Логове таких не было. Даже послушники знали достаточно, чтобы понять: поединок предстоит нешуточный, и исход его далеко не ясен.

Некоторое время противники стояли не двигаясь, с ненавистью глядя друг на друга, и вдруг оба, как по команде, подняли руки. Кучулуг первым нанес удар. Зрители невольно ахнули, когда его кулак, словно выпущенный из катапульты булыжник, рванулся к лицу Вожака, но так же внезапно остановился на полпути. Левая рука Севера сжала его, поймав на лету. Пытаясь освободиться, гирканец дернулся раз, другой, но цеп-

кие пальцы Севера держали мертвой хваткой. Гирканец выбросил вперед вторую руку, но ее сумел перехватить противник.

Они замерли, и только по их учащенному дыханию можно было догадаться, какая упорная борьба развернулась между ними. Так и не начавшись, драка превратилась в силовое противоборство.

Север хорошо знал о звериной силе Кучулуга и не торопился наступать. Пока он лишь сдерживал гирканца, не выпускал его, пытался измотать. Он предпочитал действовать наверняка. Кучулуг начал выворачивать кулаки книзу и внутрь. Север понял, что еще немного, и гирканец вырвется, и тогда все усилия пойдут насмарку. Более того, противник почувствует себя на подъеме, а этого допускать нельзя. Вожак присел и чуть подался вперед.

— Ага! — взревел гирканец. — Гнешься, плесень! Гнись! На колени! — торжествующе ревел он. — Я раздавлю тебя, как блоху, прямо сейчас!

— Ты, как всегда, торопишься, Кучулуг. Ты ведь пока еще у меня в руках!

Север встал, не ослабляя хватки, и теперь уже противнику его пришлось преклонить колени. Невольные зрители, среди которых подавляющее большинство желало победы Северу, одобрительно загадели.

— Теперь ты видишь, как порой изменчива судьба? Ты даже как будто стал меньше ростом.

Глаза Кучулуга пылали злобой, но мелькал в них и страх. Он почувствовал, что слабеет, и, хотя даже не помышлял о том, чтобы сдаться, его пра-

вое колено подогнулось и тяжело опустилось на песок.

— Ты знаешь, правила, Кучулуг, — заговорил Север ровным голосом. — Ты бросил вызов и не смог победить. Признай перед этими людьми свое поражение, и разойдемся.

— Никогда! — прохрипел гирканец.

Лицо его налилось кровью. Он напряг последние силы и попытался встать. Ему даже удалось оторвать колено от песка, но всего на мгновение.

— Я не хочу доводить до этого, но ты не оставляешь мне выбора, — вновь заговорил Север. — Теперь ты не можешь не признать себя побежденным, потому что иначе я сломаю тебе руку. Ну?

— Сдаюсь... — выдавил из себя гирканец, и все почувствовали, с каким трудом далось ему это простое слово. — Отпусти меня... Ты Вожак...

Север разжал руки, и противник его упал на колени, растирая распухшую кисть левой руки. Не сказав ни слова, Вожак прошел сквозь расступившуюся толпу и склонился над Соней, которую подруги уже перетащили на траву. Что с лицом девушки, он разобрать не мог (кровь и налипшие на него песок и волосы не позволяли увидеть ран), но ничего хорошего не ждал. Тело бедняжки покрывали многочисленные кровоподтеки. Север сокрушенно покачал головой, поднял ее на руки, но, сделав всего шаг, обернулся к оставшимся за спиной послушницам:

— Идите со мной. Мне понадобится помочь. И пусть кто-нибудь из юношей принесет поболь-

шее воды. Тирад! — окликнул он наставника. — Сходи ко мне, возьми на полке розовую баночку с мазью и принеси ее в комнату Сони.

Он зашагал к низкому одноэтажному зданию, а девушки направились следом. Им пришлось почти все время бежать, но все равно он опередил их.

— Быстро постелите матрац на пол.

Когда все сделали, он положил Соню, аккуратно раздел ее и начал осторожно ощупывать, выискивая повреждения.

— Э-э-э! — слабо запротестовала она. — Кто там по мне ползает?

— А-а, уже очнулась? — Север приподнял ее голову и, подложив ладонь под ее затылок, медленно повернул вправо, потом влево. — Ты, кажется, говорила, что твоя мать из Ванахейма?

— Ты поосторожнее, — прошептала она, — а то мой завтрак окажется на тебе... Голова кружится...

— Раз ты в силах шутить, дело не так плохо. Я просто стараюсь выяснить, что с тобой, да понять, кого ты мне напоминаешь. Уж во всяком случае не северянку.

— А я тебе никого не напоминаю? — растолкав девушек, спросил послушник и, бухнув на пол ведро с водой, ошарашенно уставился на обнаженную шадизарку.

— Брысь отсюда! — взвилась Лума, и девушки со смехом вытолкали парня в коридор.

— И это вместо благодарности! — обиженно воскликнул тот.

— Давай, давай! Проваливай! — прикрикнула на него Аванта.

Север оторвал кусок простыни, намочил его в воде и принялся обтирать лицо девушки, смывая кровь и песок. Превратившимися в щелочки глазами она посмотрела на Севера.

— Я знаю, кого напоминаю тебе,— слабо шевельнув разбитыми губами, шепнула она.

— Да? — Север замер и с интересом посмотрел на нее.

— Наверное, я похожа на хитаянку.

Подруги, не выдержав расхочотались, и даже сама Соня попыталаась улыбнуться.

— Нет, нет,— остановил ее Север.— Пожалуйста, успокойся. Когда я смотрю на твои губы, мне и так кажется, что ты все время улыбаешься мне.

Девушки, только что успокоившиеся, вновь засмеялись, а Север тем временем привел в порядок ее лицо и принялся за тело.

— Ты не слишком там усердствуй,— вяло заметила она, но в голосе ее тем не менее прозвучали ехидные интонации.

Кто-то опять хихикнул.

— Ты говори, где тебе больно, а не где приятно,— невозмутимо отпарировал Вожак.— Здесь, например, болит? — Его рука легла на огромный кровоподтек под левой грудью.

— Только когда дышу,— непроизвольно вздрогнув, мрачно отшутилась она.

Лума хмыкнула и покачала головой, а Аванта всхлипнула и уткнулась ей в плечо. Север кивнул, словно ожидал от нее именно такого ответа.

— Я принес, Вожак! — послышался голос Тирала.

— Давай сюда мазь и не глазей по сторонам.

— А тебе, значит, можно?

— Я смотрю на раны, а не на...

— А не на что? — ехидно переспросил тот.

— А не на то, на что глазеешь ты! — отрезал Вожак.— Гоните его, девочки. Я разрешаю.

Когда Тирала вытолкали вон, Север перенес девушку на постель, укрыл легким одеялом и крикнул:

— Тирал! Ты еще здесь?

— Да! — послышалось из коридора.

— Найди Вамматара! Пусть приведет Вулофа!

Он взял со стола хрустальную баночку с мазью, отвинтил серебряную крышечку и смазал Соне рассеченную правую бровь, разбитые губы и несколько ран на лбу и подбородке. Она сразу насторожилась:

— Чем это ты меня мажешь?

— Эта мазь состоит из тысячи трав и кореньев, а аромат ей придает масло, выжатое из лепестков роз.

— Зачем она?

— Не задавай глупых вопросов! Шрамы украшают мужчину, но если ты считаешь, что от рассеченной брови и перебитых губ твоя внешность только выигрывает, то...

— Ладно, мажь,— разрешила она.

Север закончил свою работу и завинтил крышечку.

— К приходу Вулофа все уже подсохнет, и я смогу тебя покормить,— деловым тоном сообщил он.

— Не сможешь,— слабо возразила девушка.

— Это почему же?

— Ложка в рот не пролезет,— через силу пролепетала она.

Некоторое время Север смотрел на нее удивленно, потом не выдержал и расхохотался.

— С тобой не соскучишься. Как вообще-то себя чувствуешь?

— Болит все,— сообщила она равнодушно, словно речь шла не о ней, а о ком-то другом.— И голова особенно.

— Да, голове досталось. Ну ничего, придет Вулоф, он еще полечит тебя по-своему.

— Кто он?

— Увидишь,— уклончиво ответил Север, посмотрел на девушку, покачал головой и поправил себя: — Узнаешь.

Девушки удивленно переглянулись. Хлопнула дальняя дверь. Одна из послушниц выглянула и, коротко охнув, выскочила наружу. Одна за другой ее примеру последовали и остальные, так что вскоре в комнате остались только Соня с Севером. Вамматар пропустил вперед огромного зверя и вошел сам.

— Кто это ее так? — спросил он, нахмурившись.

— Кучулуг постарался.

— Тогда понятно,— кивнул гипербореец.— А то я уж было удивился: для чего, думаю, Вожаку понадобился Вулоф?

— Надеюсь, ты обойдешься без него?

— Об этом не беспокойся. Надолго он тебе нужен?

— Пока девушка не встанет на ноги.

— Хорошо,— кивнул Вамматар и направился к выходу.

— Эй, Вулоф! — слабо позвала Соня.

Зверь подошел к ней и подставил огромную голову под свесившуюся с постели руку. Почувствовав ладонью шерсть, Соня вздрогнула, припомнив горящие углами глаза и волосатые лапы нелюдей. Словно почувствовав ее тревогу, волк лизнул руку девушки.

— Он что — собака? — спросила Соня с облегчением.

— Он волк, и он будет охранять тебя, пока ты не поправишься. Он никого не впустит в комнату без твоего разрешения.

— Я бы хотела остаться в комнате Сони,— сказала Лума, заглядывая в дверь.— Хотя бы первые несколько дней.

— Хорошо.— Север кивнул.— Перенесешь сюда свою постель. Ты все понял, Вулоф? — спросил Вожак у зверя.— Следи, чтобы Соне не причинили вреда.

— Только... Если... Меня... Убьют,— отрывисто прорычал тот, почти не заикаясь, быть может, потому, что на этот раз не волновался.

— Так он еще и говорит, твой зверь? — на миг забыв о боли, спросила Соня и даже умудрилась приоткрыть глаза.

— Не называй его зверем,— спокойно, но веско произнес Север.— Никогда. Он волк. Он умен... Он умнее многих из тех, кто считает себя человеком. Он умеет разговаривать, хотя болтуном его

и не назовешь.— Рассказывая, он свернул мокрый матрас в рулон.— Ну отдохай. Завтра я навещу тебя.

Он кивнул на прощание и вышел.

* * *

Когда Север вошел к матери-настоятельнице, у нее уже находился Ханторек.

— Ты, верно, не знаешь, о чем мы тут говорили? — спросил он, странно пришепетывая, и пристально посмотрел на Вожака.

Тот не стал спорить, только развел руками, показывая, что восхищен проницательностью отца-настоятеля.

— А говорили мы о том, что Соню надо принести в жертву.— Он договорил и замер, выжидательно глядя в глаза Северу, но тот, не отвечая, лишь перевел взгляд на мать-настоятельницу.

— Отец-настоятель переменил свое мнение о послушнице,— сдержанно пояснила Разара.— Он считает, что ее строптивость сводит на нет все ее достоинства.

Север кивнул и обернулся к Хантореку:

— У меня еще нет определенного мнения.

— Вот как? Нет?! — вскинувшись, прошипел тот.— Но, быть может, в данном случае хватит и моего...— Он запнулся и посмотрел на мать-настоятельницу.— Нашего мнения?

— Но и мое что-нибудь значит? — сдержанно поинтересовался Север.

— Ну так выскажи его! — воскликнул Ханторек.

— Я уже сказал, что у меня его пока нет,— напомнил Север.— Но в любом случае придется немного обождать.

— Это еще почему?

— Перед тем как принести девушку в жертву, ее придется подлечить.

— Что-то серьезное? — спросила Разара.

Север равнодушно пожал плечами:

— Два-три сломанных ребра, лицо, превращенное в сплошной синяк, сотрясение мозга и прочие мелочи.

— Ты считаешь, что Кучулуг перестарался?

— Можно сказать и так.— Север явно предпочитал не обсуждать это и не высказывать своего мнения.

— Сколько она будет поправляться? — более спокойно спросил Ханторек.

— Неделю точно провалляется, может, две,— уклончиво ответил Вожак.

— Хорошо. Неделю мы подождем,— прошипел Ханторек, кивнул Северу, поклонился матери-настоятельнице и вышел вон.

— Ты действительно согласна с ним? — спросил Север, кивнув на дверь.

— Пожалуй, да. А ты, как я понимаю, нет? — Север снова кивнул.— Почему?

— По двум причинам. Ты обещала отпустить Альрику.

— Разве я не сдержала слова? — возмутилась Разара.

Север вздохнул. Опять придется объяснять, что белое — это белое, а черное — черное.

— Осмелюсь напомнить, что девушка повесилась, и, думаю, не без причины.

— Она оказалась слаба духом и не перенесла наказания.

— Быть может, не следовало ее наказывать? Нам ведь нужна Соня, и ради нее стоило поступиться принципами, которые, кстати, и существуют для того, чтобы время от времени идти вопреки им. Я не знаю, что сделали с бритункой, но лучше бы ее убили. А Соня...— Он пожал плечами.— На нее подействовала смерть подруги.

Разара задумалась, потом невесело усмехнулась:

— У тебя есть отвратительная черта, Север. Ты постоянно оказываешься прав.— Она помолчала — Ну хорошо, а вторая причина?

— Наверное, мне не стоит давать советы, которые ты все равно оставляешь без внимания, но я все-таки скажу. Не надо прислушиваться к мнению Ханторека.

— Вот даже как! — воскликнула мать-настоятельница, удивленно вскидывая бровь.

— Он странно изменился за последнее время, — не обращая внимания на ее слова, продолжил Север.— Его голос...

— Да,— кивнула мать-настоятельница,— и он уже не жалуется на простуду.

— А ты не обратила внимания на его уши? Они обросли шерстью, и в повадках его появилось что-то звериное...

— Быть может, он тайно принес себя в жертву? Решил стать Первым?

— Все может быть,— согласился Вожак.— И это объясняет историю с пропажей кинжала. Но если он решился на это, он просто дурак. Я знаю о Клыке Волчицы только с твоих слов, но даже этого достаточно, чтобы понять, что происходит с Хантореком. Он не становится человеком с реакциями и чувствительностью зверя, а просто сползает к состоянию животного.

— Слишком уж ты проницателен,— поморшившись, заметила Разара.

— Это не проницательность,— возразил Север.— Я просто высказываю опасения. Если он действительно становится Первым, то, чего от него ждать, неизвестно никому, а это всегда плохо. Как бы не случилось беды...

— Хорошо, я подумаю о том, что ты мне сказал. Иди.

Север не стал спорить. Он просто поклонился и вышел. Возвращаясь к себе, он думал о том, как странно изменила эта девушка жизнь Логова. Только сейчас, после разговора с матерью-настоятельницей, Север понял вдруг, что силы Логова делятся на два лагеря. И еще он понял, что чем больше об этом никто не узнает, тем лучше для всех.

* * *

Задолго до того как Север покинул мать-настоятельницу, Халима, воровато озираясь, вышла из его комнаты, унося с собой странную вещь, обнаруженную на столе Вожака,— древний свиток со стихами в футляре из телячьей кожи.

Вернувшись к себе, она заперла дверь на замок и достала из кармана драгоценную добычу. Свиток с шуршанием лег на ладонь, выскохнув из тисненой оболочки. Она открыла его и остановилась на первом стихотворении:

Когда король откроет путь
И в Тайный Град войдет,
Восстанет Падших Властелин,
На Тарот тень падет —
Сойдутся в сече острова,
Бессмертных смерть найдет...

Халима задумалась. Эти строки, скорее, казались странным откровением провидца, чем обычными стихами, но никакого смысла она не улавливалась. Разве что упоминание о Владыке Падших будило тревожные воспоминания. Кажется, его считали отцом всех Зверобогов, и самой Белой Волчицы. Но при чем здесь он? Что мог иметь в виду безвестный поэт?

Владыка Падших... Женщина невольно нахмурилась. Словно тень огромных крыл пала на сердце, и сумрачные предчувствия одолели ее. Сама не зная почему, Халима вдруг преисполнилась уверенности, что еще не раз услышит это имя, и оно не принесет ей добра.

Никому из них...

Девушки быстро привыкли к Вулофу и перестали бояться его. Впрочем, и его незлое ворчание длилось недолго. Смеясь, они трепали густую

волчью шерсть, обнимали его за шею, заглядывали в глаза, а он терпеливо сносил все это.

— Вулоф, а у тебя подружка есть? — прижимаясь щекой к волчьей мохнатой башке, спросила Аванта. — Как ее зовут?

— Есть, — недовольно проворчал волк. — Вилва.

— Она хорошенская? — продолжала расспрашивать девушка.

— Красавица, — коротко ответил зверь. — Как Соня.

— О-о-о! — закричали девушки хором, и даже Соня через силу засмеялась, но в тот же миг сморщилась, потому что в голове запульсировала боль.

Звериным чутьем почувствовав это, Вулоф подошел к девушке и принялся вылизывать ее лицо.

— Отстань, — слабо запротестовала Соня, — я не целуюсь с небритыми парнями.

— Главное — зализать раны, — наставительно заметил Вулоф, принимаясь за разбитые губы девушки.

— На твоем месте я бы не слишком усердствовала, — ехидно заметила Аванта, — а подумала о том, как отнесется к твоей заботе Вилва.

Соня быстро шла на поправку. То ли помог бальзам Севера, то ли лечение Вулофа подействовало, но через пару дней, едва прошли тошнота и головокружения, она начала готовиться к побегу. Собственно, готовиться-то было нечего. Надо было только дождаться выздоровления, чтобы Вулоф вернулся в лес. День этот, а вернее ночь, на-

ступил ровно через неделю. Все это время Север ежедневно навещал девушку, и та даже начала понемногу привыкать к его обществу. Но когда поймала себя на том, что начинает ждать его прихода — это лишь ускорило принятие решения, которое давно зрело в душе Сони.

«Не хватало еще друзей заводить в этом Логове! — сказала она себе с неожиданной злостью. — Не дождутся! Меня здесь никто не удержит — будь они все прокляты! Довольно медлить!..»

Словно откликаясь на ее мысли, ударила вечерний колокол.

Пора.

Соня легко встала, в последний раз окинула взглядом комнату и тихонько выскользнула за дверь.

Теплый ветер разметал волосы, и она увидела в этом знак: ветер свободы звал ее вперед! Девушка метнулась к стене, оглянулась, не заметил ли кто, и быстро выбралась наружу. Выглянувшая из-за облаков луна осветила пустое пространство впереди и густой подлесок в сотне шагов. Соня быстро добежала до леса и в последний раз оглянулась, испытав вдруг странное сожаление, но в следующий миг пьянящая радость свободы захлестнула ее, и она быстро зашагала к западному перевалу.

Конец первой книги

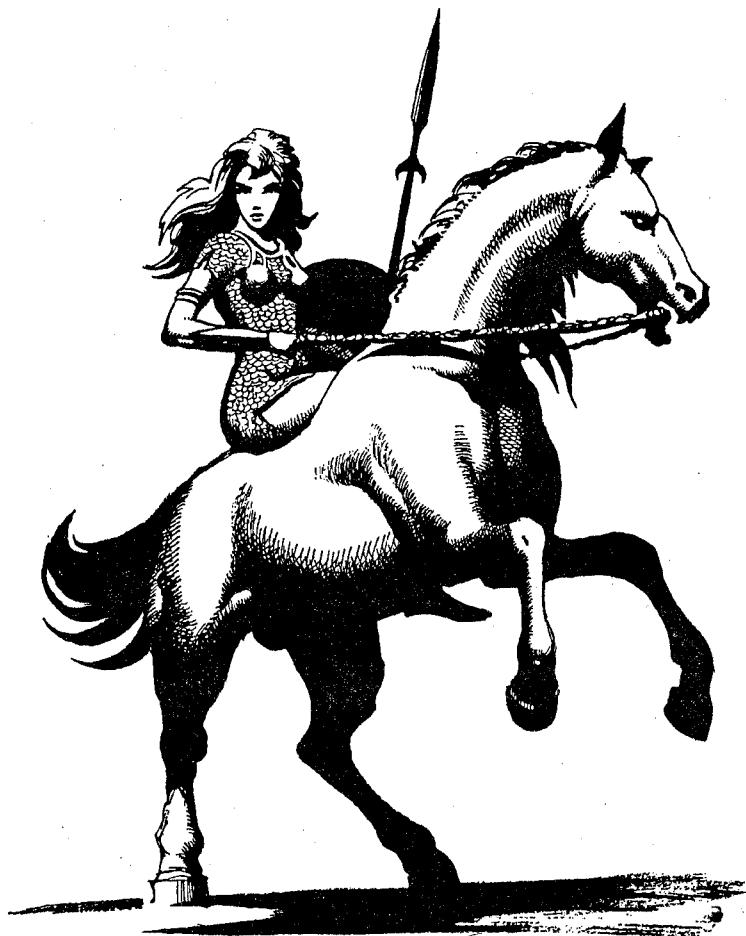
ВРАТА ЧЕРЕПА

- И вот тогда, осознав свое великое предназначение, Альстан решил создать самое грандиозное творение в своей долгой жизни. Ведь он был ваятелем.

Однако то, что Альстан собрался сделать на этот раз, ничуть не походило на все созданное им прежде. Эта работа требовала истинного мастерства и немало времени. Возможно, всей жизни... Из цельного кристалла кварца он задумал сделать человеческий череп в натуральную величину, но сотворить такое с помощью обычных приспособлений невозможно. Кварц, горный хрусталь, поддается резке только при помощи алмаза, однако при подобной обработке такой большой кристалл должен был просто-напросто развалиться на куски... Но Альстан разгадал секрет, как...

— Хватит, Марсал! — Соне порядком надоело слушать пустые рассказы этого чудака. У него в запасе было множество всяких невероятных историй. Правда, надо признать, пересказывал он

их мастерски.— Ты бы так мечом орудовал, как языком — цены бы не было.

Парень обиженno умолк, но потом, видимо, решив оскорбиться на то, что она упорно не желает принимать его всерьез, угрожающе приподнялся:

— Что, не веришь?
— Нет! — отрезала Соня.
— По-твоему, я вру, да? Между прочим...
— Что «между прочим»? Ты говоришь о том, чего сам никогда не видел. И этот череп не исключение.

— Конечно! Хочешь сказать, что ты одна здесь такая — все видела и всюду побывала, а я ведь с тринацдцати лет в бегах и тоже изъездил всю Хай-борию, только что ноги до задницы не стер, пока не попал в это чудное местечко.— С каждым словом Марсал заводился все больше и больше, явно намереваясь затеять нешуточную драку.

— Не сомневаюсь. Насчет ног. При твоем умении удержаться на спине даже самой смиренной кобылы это неудивительно.

Сидевшие за столом дружно расхохотались. Все знали, что Соня права,— им не раз доводилось видеть, как лошади, стоит Марсалу подойти поближе, начинают вести себя точно безумные: с храпом прижимают уши и норовят зацепить его если не копытами, то зубами. А уж если он каким-то чудом все же оказывался в седле, то вылетал из него в считанные секунды. Естественно, при упоминании об этом, Марсал сразу приуныл

и умолк. Лишь изредка он бросал на Соню уничтожающие взгляды, но затеять спор и что-то ей доказать уже не пытался.

Однако, когда пожалев о своей резкости и главным образом о том, что явно нанесла удар ниже пояса, девушка попробовала заговорить с Марсалом в примирительном тоне, он, будучи человеком весьма вспыльчивым, но отходчивым, на сей раз показал, что столь откровенной издевки прощать не собирается.

— Ты унизила меня перед всеми,— сквозь зубы прощедил он,— причем дважды. И, если хочешь доказать, что ты на самом деле во всем меня превосходишь — сделай это в бою, один на один со мною!

Он смотрел на Соню с вызовом, прекрасно понимая, что отказаться от поединка она не может — ведь это трусость. Девушка недобро усмехнулась:

— А ты хорошо подумал, стоит ли со мной связываться?

Уже более восьми месяцев Соня находилась в Гиперборее вместе с такими же, как она сама, воинами и искателями приключений, словно специально собранными судьбой — и не только судьбой — в этой обители. Пребывание здесь должно было со временем превратить их всех в истинных Повсвященных. Марсал появился чуть позже. И если с остальными послушниками Соня находила общий язык и пользовалась среди них уважением, то с ним ничего не получалось. Он раздражал ее одним своим видом, и скрыть свою неприязнь Соне

не удавалось. Марсал с первой встречи ей не понравился, даже непонятно, почему. Вроде бы отнюдь не уродлив, общительный и неглупый парень, достаточно смелый... но уж очень он любил привлекать к себе внимание. И эта уверенность в собственной неотразимости... Давно следовало поставить его на место. Просто порой избежать араку куда достойнее, чем поддаться порыву. Но открытый вызов — другое дело.

— Я-то подумал. И не один раз.— Он не моргнув выдержал пристальный взгляд Сони.

— Тем лучше для тебя, Марсал. Когда?

— Сегодня ночью.

Отличная идея. Ну как же, ему необходим серебристый свет луны, чтобы все выглядело мрачно и устрашающее. Что ж, пусть так и будет, ей-то все равно.

...Кромешная тьма. Ни единого проблеска света. И звенящая тишина, в которой скрывается враг. То есть пока еще не враг, а такой же ученик, как она сама. Но это не повод расслабляться. Задача — научитьсячуять там, где почти невозможно ничего ни увидеть, ни услышать, и не попасться самой. Да,чуять — по малейшему движению воздуха, по дрожанию земли под ногами, по запаху страха или скрытого торжества... С каждой минутой напряжение возрастает. Каждый нерв натянут и дрожит. Сердце не должно стучать так громко! Шаг... Затем перенос тела на другую ногу и скользящее, бесшумное, совсем

незначительное движение вперед и в сторону... и опять... Есть! Сзади словно слабый ветер прошел. Соня стремительно разворачивается и делает захват, обозначает удар в горло, который мог бы стать для врага смертельным. Сдавленный хрип и звук упавшего тела! У нее получилось.

— Хорошо, Соня! — Яркий свет из распахнувшейся двери заставил прищуриться. Лицо наставника разглядеть не удавалось, он стоял против солнца.

Соня вышла из тесного помещения, машинально поправляя огненные волосы, а за нею следом появился поверженный противник — мужчина. Да, женщин и девушек здесь не так уж много. Лицо Севера как обычно, ничего не выражало, но глаза были внимательны и холодны, точно две льдинки недоверия. Похоже, сегодня он не радовался ее победе.

Север знаком приказал Соне следовать за собой, и та повиновалась. Времена отроческого бунта давно прошли, и она научилась подчиняться людям, которые в ста случаях из ста оказывались мудрее и опытнее ее самой, а главное — пока ничего не требуя взамен, щедро передавали ей все то, чем в совершенстве владели сами. Войдя в храм, Соня увидела Марсала. Тот стоял, в крайнем смущении и тревоге озираясь по сторонам.

— Вы двое собрались сегодня выйти на поединок, — бесстрастно проговорил наставник. — Словно вам неизвестно, что, кроме особо оговоренных

случаев, у нас подобные вещи запрещены. Споры между теми, кто идет по пути Посвящения, не должны разрешаться кровью. Мужество следует проявлять в бою с истинным противником, а не с братьями и сестрами, и самым большим бесчестием для себя надлежит считать нарушение закона. Тебе доводилось слышать об этом, Соня?

— Да.

Конечно, они оба прекрасно знали это непреложное правило. В Логове Волчицы его ввели, чтобы хоть как-то охладить пыл воинственных послушников. Любой из них был способен ни с того ни с сего наброситься на подлинного или мнимого обидчика, и драка в лучшем случае заканчивалась переломанными костями и множеством выбитых зубов, а в худшем — смертельными ранами от ножей и мечей. Причем женщины не только не уступали мужчинам, а напротив — их драки были особенно свирепы, в ход шли и ногти, и зубы... Севера поражало, как дешево эти люди готовы были отдать свои жизни — и псу под хвост многомесячные труды... Поэтому он поступил просто: запретил подобные поединки и жестоко карал осмелившихся не подчиниться.

— Марсал?..

— Известно. Но, Север, она ни при чем.— Он мотнул головой в сторону неподвижно застывшей девушки.— Я вызвал ее. Ей ничего не оставалось, как согласиться. У нее не было выбора, и...

— Выбор есть всегда,— прервал его Вожак.— А ты слишком много говоришь, Марсал. Очевид-

но, вам обоим некуда девать свои силы и не на кого выплеснуть злость. В течение суток, начиная с нынешнего заката, вам предоставится возможность это исправить. Поединок состоится. Вы будете непрерывно сражаться с поочередно меняющимися противниками, а потом сможете использовать свое право и объяснить причину вшего спора.

Соне показалось, что она ослышалась. Целые сутки непрерывного боя? Ну, на несколько часов ее хватит. А потом что? Ждать, пока сердце лопнет?..

— Вдвоем,— добавил Север.— Вместе. Двое — лучше, чем один. Это облегчит вашу задачу.

О боги. То же самое, да еще в паре со своим врагом. С этим самодовольным болваном. Соня обожгла Марсала неприязненным взглядом, и он ответил ей точно таким же.

— Оружие можете выбрать по своему усмотрению. И постарайтесь не очень мешать друг другу.— Соне показалось, что Север усмехнулся.

...К концу дня она перестала различать лица нападавших, будто они слились в одно. Пока что Соня с Марсалом еще держались на ногах, иногда сменяя друг друга и за счет этого получая короткую передышку. Соня была вынуждена признать, что недооценивала своего напарника. Марсал старался как мог, к тому же он был искусным бойцом. Его нож мелькал с такой скоростью, что уследить за ним едва удавалось. Он атаковал.

Соня скорее держала оборону, ловко отбиваясь от все новых и новых нападающих. В ушах стоял непрерывный гул, сердце колотилось где-то в глотке, норовя выскочить наружу. Кровь, грязь и пот превращали их лица в подобие жутких масок. Еще немного, и она упадет без сил. А сдаваться нельзя. Марсал с хрипом рухнул на землю — пропустил очередной удар. Значит, теперь надеяться можно только на себя. Боги, сколько же их!..

Ноги словно налиты свинцом, рукоять короткого меча скользит в потных ладонях. О счастье: Марсал заставил себя встать, теперь они снова вместе, спина к спине, как один человек... Можно восстановить дыхание... Кажется, на теле живого места нет, каждая клетка молит об отдыхе, хотя бы о передышке. Сказать, что Соня и Марсал отчаялись — нельзя, они слишком измучались, чтобы чувствовать что-либо. Но в какой-то момент оба поняли, что силы не убывают, а стремительно возвращаются к ним. Предел человеческих возможностей был перейден, а эти двое продолжали сражаться с новой яростью, с решимостью выстоять любой ценой. Север пристально наблюдал за ними. Да, рыжая красавица стоит десятерых воинов, но это не главное. А вот то, как быстро пробуждается в ней мощь предков, и впрямь заслуживало восхищения. Что удерживает ее на ногах, заставляет на удивление точно парировать любые удары и не ошибаться, не промахиваться, нанося свой?

На глазах Вожака совершалось великое таинство Посвящения, когда в одном теле должны слиться воедино две сущности, две природы, обреченные на вечное противоборство и союз, скрепленный кровью? Душа Зверя в теле человека... Две души в одной оболочке... Да, так... И второй ни в чем ей не уступает. Ошибки не произошло, жребий выпал правильно... Теперь Север в этом не сомневался.

— Правда ли, что причиной вашей ссоры послужил хрустальный череп? — спрашивал наставник у вновь представших перед ним Сони и Марсала, стоило тем немного прийти в себя после изнурительного сражения, выдержанного с честью.

Сейчас, когда им пришлось выстоять в таком бою, прежние размолвки ровным счетом ничего не значили. Марсал кивнул.

— Верно. Я рассказал о черепе, а Соня мне не поверила. С этого все и началось.

— Откуда ты о нем знаешь?

— Сыпал, будто великая реликвия хранится в одном из самых мрачных замков Ванахейма, оберегается могущественными духами и является священным предметом, символом тайны легендарного ваятеля Альстана, тайны, которую он унес с собой в могилу... С ее помощью можно обрести силу непобедимого воина и сверхчеловеческую мудрость... Взглянув на человека сквозь глазницы хрустального черепа, можно проникнуть

в тайны души,— говорил Марсал, все больше воодушевляясь,— в сущность любого явления...

— Ты в это веришь?

— Верю.

— А ты, Соня?

Она пожала плечами:

— Все возможно. Как знать.

— Марсал не ошибся, такой предмет на самом деле существует,— проговорил Вожак.— О нем ходит немало легенд. Хрустальный череп находится в руках владелицы замка Эрдед в Ванахайме — Хегбы. Это истинное чудовище в человеческом обличье, женщина неземной красоты. Хегба очень сильная колдунья, перед ее чарами невозможна устоять никому... Во всяком случае, пока череп не покинет пределы замка. С его помощью Хегба совершаet страшные обряды, наводя подлинный ужас на всю округу. По ее вине погибло множество людей, их кровь она использует в своих колдовских действиях. Остановить ее можно, только если Эрдед лишится своей святыни, а Хегба — магической силы, дарованной ей как хранительнице Хрустального черепа, но обращенной во зло.

Необходимо вырвать череп из недостойных рук — силой или хитростью, неважно. И я позвал вас, чтобы сказать: вы двое должны сделать это. Мы не вмешиваемся в дела, которые нас не касаются, но Хегба перешла все границы, распустив слух, будто имеет отношение к нашей Обители, и бросив тень собственных деяний на само Логово.— Углы губ Севера опустились и хищно

дрогнули.— Белая Волчица весьма огорчена. Ее выбор пал на вас, когда я сказал, что по прихоти судьбы именно между вами возник спор о Хрустальном черепе. Мать-настоятельница вынесла решение: «Пусть они вырвут черное сердце замка Эрдед и доставят в Логово». Все ясно? Отправитесь вдвоем. Кажется, вам больше нечего делать.

Соня и Марсал переглянулись. От былой враждебности не осталось и следа. Девушка тряхнула головой, ответив за обоих:

— Мы сделаем это.

После нескольких попыток Марсала покорить лошадь Соня поняла, что с таким спутником возможен только пеший путь. Животные шарахались от Марсала, точно от хищника. Они его просто ненавидели! Марсал по-настоящему страдал из-за этого. Мужчина, не способный удержаться в седле,— этому даже названия не придумаешь. Но поделать с этим несчастьем он ничего не мог. С судьбой не поспоришь. Когда-то его дед украл коня у человека, слившего могучим колдуном, а тот, прознав о виновнике нанесенного ущерба, в гневе проклял весь род дерзкого вора, произнеся, что отныне ни он сам, ни один мужчина, являющийся его потомком до десятого колена, и близко не сможет подходить к лошадям. Так и произошло. Поэтому потомок конокрада, Марсал, расплачивался за грех предка и был обречен всю жизнь передвигаться пешком. Впрочем, он и сам был вором

не из последних. С тринадцати лет, после того как убежал из дома, он обитал где придется, промышляя лицедейством либо мошенничеством в самых разных уголках Хайбории. Но такая жизнь не радовала его. В глубине души Марсал видел себя великим воином, и потому, оказавшись в Логове Белой Волчицы, в отличие от Сони, не бунтовал и не сопротивлялся, охотно приняв подобную перемену в судьбе и надеясь, что находится на пути к осуществлению своей мечты. Ведь он, сколько себя помнил, жаждал подвигов и побед, но из-за родового проклятия не мог быть даже простым наемником ни в одном войске! Однако теперь идея завладеть необыкновенным черепом из горного хрусталя захватила его целиком. В том, что на пару с такой подругой, как Соня, можно горы свернуть, он ни на секунду не сомневался. Да ей иной мужчина и в подметки не годился! Вот только сурова чересчур. Никто не мог похвалиться, что Соня оказывает ему знаки особого расположения. Дружбу она признавала, но никаких вольностей. Она явно была рождена не для того, чтобы вертеться в толпе подружек, грызть орешки, показывая крепкие белые зубки, и пересмеиваться да заигрывать с парнями, хотя вроде бы еще не вышла из того возраста, когда девушке хочется быть красивой для целого света. Марсал не раз становился свидетелем того, как обжигающе холодно Соня глядела на мужчин, осмеливающихся оценивающе взглянуть на ее ладную фигуру и густые волнистые рыжие волосы,— неважно, будь то простой послуш-

ник или жрец в черном балахоне, перехваченном на талии пурпурным поясом и скрепленном на плече круглым медальоном с выгравированным изображением лесного зверя. Марсал, весьма опытный по части любовных приключений и считавший, что запросто заговорит зубы любой, кажущейся неприступной, красотке, к Соне испытывал совсем иные чувства, главным из которых было глубокое уважение. Он страдал от того, что Соня не желает воспринимать его всерьез, и если и выделяет среди прочих, то отнюдь не по той причине, по которой ему хотелось бы; во всяком случае, героя-воина она видела в нем в последнюю очередь. Ну ничего, теперь он докажет ей, что годен не только для постельных сражений (так некогда сказала Соня, заметив, как Марсал обхаживает очередную девушку). Совершить рискованное путешествие вместе с Соней — уже большая честь и удача. О таком другое можно только мечтать. Конечно, Ванахейм не ближний свет, но если повезет, за половину луны можно успеть добраться туда и обратно, возвратившись с достойной добычей. Ваниры — хитрые твари, в одиночку с ними не справиться. Податься Марсал всегда готов, но в их проклятой магии ему в жизни не разобраться.

...Придирчиво оглядев свое облачение, Соня осталась вполне довольна. В теплой рубахе, перевязанной широким кожаным ремнем, и темном плаще из грубой шерсти внешне она мало чем отличалась от молодого парня. Непокрытые огненные локоны стягивала тесемка, сплетенная из

тонких полосок воловьей шкуры, но если набросить капюшон, то волосы не будут привлекать излишнего внимания. Соня еще раз проверила, на месте ли боевые ножи и короткий меч, с которыми она никогда не расставалась. Хорошо! За полгода, прошедших с тех пор, как она оказалась в Логове Белой Волчицы, относительно спокойная жизнь ей порядком надоела, хотя Соня вовсе не теряла времени даром, успешно обучаясь всему, что только могли дать ей жрецы. Теперь ей ничуть не меньше, чем Марсалу, не терпелось испытать себя, почувствовать разницу между собой прежней — и нынешней, убедиться, что последние месяцы не прошли напрасно, и вновь вдохнуть воздух свободы. Подолгу задерживаться на одном месте было не в ее правилах, хотя, положа руку на сердце, следовало признать, что Логово Волчицы заменило Соне давно утраченную семью и дом, а когда в конце пути знаешь, что где-то есть место, в котором тебя ждут, и жить легче.

...Первые два дня пути в Ванахейм принесли обоим изрядное разочарование. Марсал изо всех сил старался пореже раскрывать рот, зная, что Соня на дух не переносит пустых разговоров. А она, в свою очередь, была весьма задумчива и обеспокоена дурным предзнаменованием — очень уж мрачно выглядел багровый диск перечеркнутого темными полосами туч солнца, на рассвете поднявшегося из-за гор. Ох, не к добру. Она не ошиблась.

Погода испортилась сразу, как только они перевалили через горный хребет, отделявший Гиперборею от Асгарда. Марсал еле переставлял ноги в глубоком снегу. Черные вмятины все сближались, шаги давались все с большей мукой. Соня оказалась куда выносливее и шла впереди, стараясь ставить ногу так, чтобы Марсал мог ступать след в след. Ей казалось, что все тело превратилось в кусок льда: сначала ноги и руки словно покалывали сотни игл, а потом она уже ничего не чувствовала и лишь, как заведенная, переставляла ноги. Ледяная крупа до крови иссекла обмороженное лицо. Ранки тут же покрывались корочкой инея, и вскоре лицо превратилось в ледяную блестящую маску. А спуску, казалось, не было конца. Оглянувшись в очередной раз, Соня увидела, что осталась одна — силует Марсала больше не темнел позади. Пришлось вернуться. Подъем оказался чудовищней спуска, подножие горы будто нарочно тянуло вниз. Соня перевалилась через очередной ледовый гребень, припорощенный наметенным пургой снегом, и только тогда вздохнула с облегчением. Марсал, упираясь, но неуклонно продвигаясь вперед, словно гигантский черный паук полз по насту, помогая себе руками и коленями.

Соня вздохнула, мороз обжег легкие.

Когда она добралась до Марсала, тот бессмысленно поводил головой, и каштановые волосы при каждом его движении звенели сосульками.

— Не могу больше, не хочу. Давай останемся здесь, — умолял он, и слезы стояли в его глазах.

Соня скорее угадывала, чем слышала слова. Может, это только ее мысли, смешанные с заунывным ветром? Но нет, говорил Марсал. Каждое слово — оставляло трещину на его обескровленных губах.

Соня не ответила, щадя силы. Теперь первым, по несколько шагов в час, передвигался Марсал. Каждое движение — стон из стиснутых губ. Остановка — и еще один рывок. Вся жизнь Сони впала в эту цепочку бесконечных повторов. Она не собиралась сдаваться.

Девушка даже не заметила, как, натянувшись пологом облаков, просеялся дождь, сменивший метель. Лишь облизала губы, когда растаяла, сорвав кожу, ледяная маска. При вспышках молний лицо Марсала было мертвенно бледным. Соня со стоном перекатилась на бок. Прислушалась к его дыханию. Потом лихорадочно рванула одежду на груди молодого человека: сердце медленно, через раз, но билось. Лишь тогда Соня позволила себе закрыть глаза и провалиться в черный кошмар без снов.

Солнце, показавшись над горизонтом, высушило одежду. Подсушило раны, стянув кожу. Тени стали длиннее. Соня зашевелилась первой, разом очнувшись, и попыткалась, раздирая поджившие трещины губ, улыбнуться. Внизу, уютно устроившись под ясеневой рощей, зеленела долина. Соня рассмотрела аккуратные полоски пашни и маленькие фигурки людей. Заманчивая картина... Но туда еще предстояло спуститься.

— Пойдем-ка, — обратилась Соня к Марсалу. Навстречу, заметив чужаков, еле переставляющих ноги, торопились люди. Определить, куда они попали, Соня пока не могла, хотя смутно догадывалась, что переделка, из которой им едва удалось выбраться живыми, не была случайностью. Некие силы охраняли это место, по каким-то, пока неведомым, причинам вовсе не желая пускать сюда посторонних. Маленькое горное селение, расположившееся в долине, выглядело довольно убогим. Оно ютилось здесь, защищенное вершинами от ветра и снежных бурь, и его жители, мирно добывая себе пропитание, далекие от великих деяний, были, похоже, заняты только землей и уходом за невзрачными, тощими овцами. Соню и Марсала окружила сумрачная толпа стариков, в сторонке остановились с полдюжины похожих на бродяг юношей и девушек. Однако на чужаков местные обитатели взирали с любопытством и без угрозы. Вперед выступили двое — старик и девочка лет пяти, глаза которой светились живым умом и совсем не детской мудростью. Судя по тому, как благоговейно расступились остальные, эту необычную пару здесь весьма почитали. Церемонно поклонившись, что выдавало в ней невесту откуда взявшееся представление о хорошем воспитании, девочка заговорила первой, приветствовав незнакомцев и предложив разделить с селянами хлеб и кров.

— Люди моего племени рады тем, кто приходит к нам с миром, — завершила она свою крат-

кую речь, произнесенную приветливо и с достоинством.

Тоненький детский голос никак не вязался с умением девочки прекрасно выражать свои мысли. Боги, подумала Соня, да ребенок ли это?.. Такая маленькая, хрупкая, как огонек свечи на ветру...

— Мое имя Арвина,— представилась девочка.— А это,— она указала на старика,— Лейн, мой младший брат.

Соня подумала, что ослышалась. Но судя по выражению лица Марсала, его слух уловил то же самое. Арвина не задала гостям ни единого вопроса и даже, кажется, не ждала, что они сами о себе расскажут. Она сделала знак своим соплеменникам возвращаться к прерванным занятиям и не докучать уставшим путникам, которых проводила в хижину, где жила вместе с человеком, названным ею братом. Старик с испещренным морщинами темным обветренным лицом суетился, торопясь накормить их. Арвина куда-то вышла, затем снова вернулась, нырнув в проем невысокой двери. Зажгла светильник. Коптилка занялась причудливым огоньком, бросая неясные тени на небогатое жилище. Соня с интересом рассматривала девочку. Дитя как дитя, пока молчит. Разве что необыкновенно хорошенькая, хоть и неряшлива. Чистое безмятежное лицико, на которое впору молиться. Но движения очень уверенные, и взгляд... Огонек наполненной лишь на треть коптилки мигал, почти не давая света.

— Кто ты, Арвина? — не выдержала Соня, отрывавшись от еды. Она жадно поглощала небогатую снедь — рыбу, творог, мед, ржаные лепешки,— но любопытство оказалось сильнее голода.

— Она глава нашего племени,— пояснил старик.— Великая честь быть принятым в ее доме.

От подобного объяснения все становилось еще запутанней.

— Ребенок? — спросил Марсал, поперхнувшись.— Глава племени?..

Арвина тихо рассмеялась серебряным колокольчиком и тут же умолкла.

— Но ей же не более шести зим от роду,— продолжал рассуждать Марсал, не сводя глаз с трясущегося от старости Лейна.

— Не утверждай того, о чем доподлинно не знаешь,— бесстрастно возразил тот.— Арвина всегда была такой, как теперь. Я похоронил несколько десятков жен и без счету сыновей, дочерей и внуков, а она...— Он с беспредельной нежностью положил руку на голову девочки.— Ничуть не изменилась за это долгое время.

— Это правда,— подтвердил дитя, тут же теряя интерес к разговору с чужаками и обращаясь только к старику.— Сегодня ночь полнолуния, Лейн. Как и обещала, я буду говорить о тебе с духами. Может быть, они согласятся отпустить тебя,— закончила она печально.— Мне будет трудно одной, но ведь я знаю, как ты устал. Иди, разыщи Туна и спроси, готов ли он помочь мне, как обычно. Вы же,— Арвина снова обратила при-

ветливый ясный взор на онемевших гостей,— если пожелаете, тоже сможете присутствовать при совершении обряда. До ночи еще далеко, не теряйте время, отдохните, придите в себя.

Она проводила взглядом покинувшего хижину Лейна и вздохнула.

— Он хочет уйти. Воткнул нож себе в горло по самую рукоять, будто не знает, что это бесполезно.— Арвина осуждающе покачала головой.— Для племени это будет нехорошо.

Прежде чем Соня нашла хоть какие-то слова, чтобы ответить, дверь вновь широко распахнулась, и на пороге хижины появилось совершенно невероятное существо. Оно стояло на двух ногах и, очевидно, могло бы называться человеком, если бы не шерсть, клочьями покрывавшая его тело в самых неожиданных местах, абсолютно круглые желтые глаза с попечечно расположенным узкими зрачками и торчащие вверх подвижные уши, тоже покрытые шерстью.

— Арвина,— возбужденно проговорило существо совершенно по-человечески,— Лейн ищет Туна, чтобы... чтобы...

— Успокойся, Сабайн.— Девочка подошла к существу, чуть ли не втрое выше ее ростом, и протянула к нему руки. Когда оно склонилось, Арвина нежно обвела его шею.— Я ни о чем не забыла. Конечно, я спрошу о тебе.

Тот, кого она назвала Сабайном, тотчас воспрял духом и, указывая на Соню, растянул губы в жуткой улыбке:

— Какая красивая! Хорошо, что наш Перевал не сожрал ее!

— Значит, так хотели боги,— пояснила Арвина чуточку назидательно.— Иди, малыш, займись делом, и предоставь мне позаботиться о тебе.

Когда и это страшилище покинуло хижину, девочка забралась на стоявшую вдоль стены скамью, подтянула колени к животу и прикрыла глаза.

— Если бы на самом деле я была так могущественна, чтобы помочь всем, кто нуждается во мне и ждет,— пробормотала она, словно разговаривая сама с собой.— Но иногда я жалею о том, что у меня не очень много сил.

Нет! Так больше не может продолжаться! Марсал сорвался с места и выбежал из хижины, очевидно, намереваясь поговорить с кем-нибудь, способным пролить свет на все эти странности. А Соня осталась с Арвиной. Кем бы та ни была, сейчас она выглядела просто-напросто уставшим, одиноким и почти больным ребенком. Подсев к ней поближе, Соня тем же жестом, что и древний Лейн, коснулась светлых волос, нимбом окружавших голову Арвины.

— Не надо меня жалеть,— сказала странная девочка, не открывая глаз.— Пожалуйста. Все будет хорошо. Ты хочешь о чем-нибудь попросить?

— Нет,— покачала головой Соня.— Мне кажется, тебя и так слишком многие просят. А ты... чего бы хотелось тебе самой?..

— Быть с теми, кому я нужна,— не задумываясь, ответила Арвина.— Ты мне нравишься.

Не меняя позы и не открывая глаз, она повела в воздухе рукой, затем скжала пальцы и протянула руку в сторону Сони.

— Вот, возьми. Это подарок.

Девушка изумленно ахнула. На тоненьких пальцах Арвины висела цепочка из чистого золота.

— Тебе нравится? — с надеждой спросил ребенок.

— Спасибо, милая. Она прекрасна. Но...

Такая дорогая вещь посреди вопиющего убожества. Чудо?.. Нет, поняла Соня, даже не задавая никаких вопросов. Чудо здесь только одно. Сама Арвина. Точно сошедшая с небес светлая звездочка, о каких говорят, будто, когда они падают, нужно успеть загадать желание, которое непременно сбудется. До позднего вечера Соня просидела возле удивительного ребенка, а девочка, казалось, только и нужно было сейчас, чтобы кто-то был рядом. Наконец Арвина проговорила:

— Оставь меня. Я должна приготовиться к обряду. Встретимся в полночь.

Соня, не возражая, вышла за порог хижины. Бесцельно побродив по селению, она столкнулась с Марсалом и, как ни странно, Сабайном. Эта пара явно нашла общий язык, во всяком случае, они мирно и увлеченно беседовали, хотя на лице Марсала виднелись свежие синяки недвусмысленного происхождения, а на теле его нового приятеля поубавилось шерсти. Очевидно, прежде чем заявить дружбу, они решили померяться силой. Завидев Соню, Марсал бросился к ней навстречу.

— Послушай, я столько узнал!..

— Я вижу, — усмехнулась Соня, оглядывая его.

— Ну, это ерунда... — смущенно пробормотал парень. — Представляешь, они все в один голос утверждают, что эта Арвина местная святая и живет целую уйму лет. И она может исполнять любые желания! Ты только представь себе, вот этот ушастый змей — оборотень: месяц живет как человек, потом превращается в огромную гиену, а потом опять... Но ему это не нравится, потому что он... Сабайн, я расскажу, ладно? Он влюблен в одну девушку, и ради того, чтобы быть с нею вместе, решился попросить помощи у Арвины. Из самого Шема добирался, несколько лет ее искал. Говорит, только она способна изменить его судьбу. Как думаешь, если я тоже попрошу избавить меня от проклятия, ну, насчет лошадей — она сумеет?

— Помолчи, а? — попросила Соня.

Она и сама много чего узнала, весь день присидев возле маленькой горной звездочки. И чтобы узнать это, меньше всего были нужны слова.

Ближе к полуночи жители странного селения начали собираться около небольшого, сложенного из грубо отесанных камней мрачного храма, к которому вели древние полуразрушенные ступени, стертые тысячами ног. Соня заглянула в пахнущую плесенью и птичьим пометом тьму, разрываемую лишь светом нескольких невыносимо чадящих факелов. Следом за другими перешагнула высокий порог. При свете полной луны, па-

дающем длинными полосами на мозаичный пол, рассмотрела алтарь. Над алтарем огромным темным прямоугольным камнем возвышалась полуобнаженная фигура жреца-мага, и Соня поняла, что это и есть Тун, о котором говорила Арвина. Он стоял неподвижно, воздев сильные руки, и, погрузившись в транс, произносил заклинание на неведомом языке. Когда глаза привыкли к темноте, Соня разглядела, что мозаика пола образует идеальный круг, в который никто не осмеливается ступить. Люди входили и останавливались возле самой его границы, возбужденно перешептываясь. Лейн, Сабайн и еще несколько селян выступили чуть вперед, застыв в ожидании. Внутри круга мелкими лазуритовыми плитками был выложен квадрат, углы которого касались окружности, а в центре квадрата, являвшемся одновременно и центром внешнего круга, находилась пентаграмма, посреди которой и располагался алтарь.

Внезапно, словно повинуясь неслышному приказу, все замолчали и расступились, давая дорогу Арвине. Она шла одна, подняв голову и опустив руки вдоль тела. Замерла на границе внешнего круга... ступила внутрь и остановилась у «подножия» пентаграммы, меж двух нижних лучей. Тун приблизился к ней и встал позади, лицом к западу. Он коснулся лба, груди, левого и правого плеча и произнес в полной тишине: «Атэх, Малкус, ре Гебрах, ве Гебрах...», а затем со словами «Ле-Олахм, Амен» скрестил руки на груди. Затем, повернувшись на восток, он начертил в

воздухе пентаграмму, то же самое проделал при повороте на юг, запад и север. Слова тяжело, точно крупные капли дождя, падали с его губ:

— Ихвх... аони... ахих... агла...

Тун поднял скрещенные кисти рук вверх — и в тот же миг высокие белые свечи возле подножия алтаря загорелись. Арвина, доселе стоявшая неподвижно, вздрогнула, повернулась лицом к черному жертвеннику, взошла на него, легла и вытянулась, точно мертвая. У Сони перехватило дыхание, расширенными от ужаса глазами наблюдала она за происходящим. Что они хотят сделать?! Тун обеими руками поднял длинный остро отточенный нож и занес его над неподвижным телом Арвины.

— Не-ет!.. — Крик застрял где-то в груди, когда лезвие вонзилось в горло ребенка. У Сони потемнело в глазах, она готова была рвануться вперед и пусть даже ценой собственной жизни остановить этот кошмар. Алая кровь Арвины хлынула на черный камень алтаря, но не прошло и нескольких секунд, как страшная рана начала сама собой зарубцовываться, и вскоре на коже не осталось и следа разреза! А один из селян, стоявших чуть впереди прочих, радостно и изумленно вскрикнул:

— Я снова вижу! Чудо! Чудо!

Удовлетворенный вздох прошел по толпе. Но это было только началом.

— Сабайн, — возвестил Тун, — скажи, зачем ты пришел сюда в эту ночь? Что тебе нужно?

Получеловек-полузверь качнулся вперед.

— Я хочу стать... таким, как все. Избавиться от своего двойника оборотня.

Маленькая Арвина посмотрела на Сабайна огромными, полными слез глазами, улыбнулась и, чуть заметно кивнув, отвернулась. Нож Туна опять взметнулся в воздух и несколько раз полоснул девочку по лицу. Новые потоки крови обагрили холодный камень. Соня невольно отвела взгляд, не в силах смотреть на обезображенное лицо Арвины. Она чувствовала, что земля уходит из-под ног. Девочка не издала ни звука, хотя по тому, как судорожно сжались ее пальцы, было ясно, что ей больно и она бесконечно страдает...

Однако от этих жутких ран, как и от первой, не осталось и следа, а на том месте, где прежде находилось жуткое существо, теперь, с изумлением и восторгом разглядывая совершенно чистые, без следа шерсти, руки, стоял красивый высокий молодой мужчина. Тем, кто не видел, каким он был прежде, и в голову бы не пришло, что это бывший оборотень.

Тун назвал еще несколько имен. Всего Соня не видела. Сознание то и дело покидало ее, глаза застилали слезы.

— Лейн!..

Теперь вперед выступил старик. Губы его дрожали и не слушались, но он все-таки проговорил:

— Я устал жить. Пусть духи и боги позволят мне уйти. Прости меня, Арвина...

Тун отложил в сторону окровавленный нож. Видимо, исполнение такого желания требовало чего-то иного. Да, вместо ножа в его руке оказалось длинное копье. Произнеся короткое заклинание, колдун вонзил острие в грудь Арвины, туда, где билось сердце. В тишине было слышно, как копье с ужасным хрустом пробило ее тело насквозь, и наконечник царапнул алтарь. Арвина задрожала и выгнулась в агонии, глаза остекленели... Зажимая рот рукой и расталкивая селян, вытягивающих шеи, чтобы получше все рассмотреть, Соня выбежала из храма, спотыкаясь на высоких ступенях. Марсал рванулся за ней. Соня стояла, обхватив себя руками за плечи и безудержно рыдала.

— Ты тоже, кажется, чего-то хотел от нее?! — набросилась она на Марсала. — Ну так иди, попроси! Может, если ее разорвать на куски, ты и заберешься на лошадь?!

Марсал не ответил. Похоже, он был потрясен увиденным ничуть не меньше.

Сколько прошло времени, Соня не знала. Она стояла, окаменев от горя, как вдруг детская ладонь коснулась ее руки.

— Не плачь. Все кончилось.

Соня медленно обернулась. Маленькая Арвина нашла в себе силы на то, чтобы утешать ее. Девушка опустилась на колени.

— Но... как же? Зачем... зачем ты идешь на это?!

— Иначе нельзя, — с грустью проговорила девочка. — Вот уже много веков подряд я ложусь

на алтарь, но только... к этому никогда нельзя привыкнуть. Знаешь... когда уйдешь отсюда... без надобности не рассказывай обо мне никому, хорошо?

Соня кивнула. Конечно. Ведь иначе сюда повалят толпы страждущих, желающих осуществить свои мечты такой страшной ценой. Бессмертная девочка, умиравшая тысячи раз, не должна страдать еще и по ее вине.

— Нас было двое таких... — сказала Арвина. — Я и Лайн. Но он не мог быть жертвой. Он жил и хранил селение, чтобы несчастья обходили нас стороной. Но он больше не мог... Устал хоронить всех, кого любил, понимаешь? Теперь я осталась одна.

— Я могу помочь тебе, Арвина?

— Нет, милая. Не сомневайся, я справлюсь и с этим. Я рада, что Лайн теперь свободен.

— Но даже он не пощадил тебя, — с горечью проговорила Соня.

Как прошел остаток этой ужасной ночи, Соня не помнила. А наутро, разлепив глаза, она обнаружила, что осталась вдвоем с Марсалом. Поселок опустел. Очевидно, после совершения таинства, жители под предводительством Арвины бесшумно снялись с места и ушли неизвестно куда. Все-таки они кочевники, подумала Соня, хотя и задерживаются на одном месте по несколько лет. Или... Станный покалывающий холод где-то под кожей; чувство звенящего напряжения, накатывающее со всех сторон...

— Марсал! Уходим, быстрее!

Не спрашивая о причине такой поспешности, парень не медля последовал за Соней. Они снова устремились вверх из долины — и вовремя. Постыпался гул сорвавшейся с вершины лавины камней. Черная глыба стремительно неслась вниз и разбилась на тысячи разящих осколков. Камнепад продолжался долго, разрушая казавшиеся игрушечными домишками. Гора содрогнулась, качнувшись, накренилась над котловиной, закрывая просвет, в который заглядывали первые солнечные лучи. Громада вздрогнула и, надломившись, накрыла поселок.

Когда, добравшись до относительно безопасного места, Соня и Марсал оглянулись на поселок, на его месте, еще дымясь пылью, простипалось озеро камней. Чувство невосполнимой утраты сжало сердце Сони. Образ удивительной девочки с пепельным нимбом волос и мудрыми карими глазами не выходил из головы. Неужели ей больше никогда не доведется увидеть Арвину? Наверное, нет... Только золотая цепочка — подарок этого вечного ребенка — свидетельствовала о том, что происшедшее отнюдь не было сном.

В Ванахейме, где в былые времена о магии боялись даже говорить, ныне черные искусства процветали. Особенно в западной части страны, куда два века назад, спасаясь от костра, бежали немедийские некроманты. Мать Сони, родом из этих мест, рассказывала детям о злодействах, твори-

мых чародеями в неприступных цитаделях из серого камня...

Добравшись до окрестностей замка Эрдед, обиталища ведьмы Хегбы, Соне пришлось хорошенько поразмысльить о том, что делать дальше: одно лишь имя Хегбы наводило на местных жителей подлинный ужас. Эти люди, привыкшие к тяжелому труду, подобно тягловому скоту, были необычайно мрачны и грубы с себе равными, но боязливы в замке, они могли руками удержать волка, но падали ниц при появлении своей госпожи. Нанимаясь на службу в Эрдед,— а надо признать, за работу там платили не скучая,— они в деревянных бадьях носили воду из реки высоко на холм, в замок, чистили дворы и пропалывали клумбы с фиалками и розовыми кустами, ухаживали за обившим стены диким виноградом, зеленоватые соцветия которого наполняли воздух тяжелым ароматом, стирали горы белья, словом, несли, казалось бы, самую обычную службу. Однако в последние годы желающих добровольно стать слугами Хегбы поубавилось, ибо ее нечеловеческая жестокость отпугивала даже самых глупых и самых отчаянных. Поэтому Хегба приняла простое решение — верные и особо приближенные ведьме слуги обязывались обманом, послуями, а то и силой приводить к ней новых людей. Посланцы Хегбы неустанно рыскали по близлежащим деревням, как охотники в поисках добычи, а случалось, и сама госпожа не брезговала заниматься этим. Однако разговоры о том, что,

раз попав к ней в услужение, человек никогда уже не возвращался из Эрдеда (во всяком случае, живым и в прежнем обличье) не умолкали. Именем Хегбы здесь пугали малолетних детей, а при появлении ее посланников родители старались подальше спрятать своих юных сыновей и дочерей, да и сами не стремились лишний раз попадаться слугам ведьмы на глаза.

— Что будем делать, Соня? — спросил Марсал. — Как нам лучше добраться до этой твари?

— По-моему нам следует наняться к ней, — поразмыслив, ответила девушка. — Это самый простой способ.

— Да ты с ума сошла! Слышала, что люди говорят?! Будто Хегба убивает или превращает в оборотней всех, кто оказывается в ее замке. А у нас нет никакой магической защиты. Во всяком случае, у меня уж точно.

— Ты хотел предложить что-нибудь другое? Ну что ж, только учти, Эрдед прекрасно охраняется. Проникнуть туда незамеченными вряд ли удастся. Приступом мы его вдвоем тоже не возьмем.

— Это точно, — со вздохом согласился Марсал. — Придется рискнуть. Ведь мы не можем вернуться в Гиперборою, не выполнив приказа Белой Волчицы.

...Высокая женщина стояла у окна, скрестив на груди холеные белые руки.

— Госпожа, — уродливый слуга, лицо которого беспрестанно подергивалось в отвратительных

грифасах, осмелился прервать ее раздумья,— я привел новых людей.

Хегба медленно обернулась, сохраняя невозмутимо величественный вид. Ее черные, словно лишенные зрачков, глаза остановились на Марсале. Да, Север не ошибся. Эта женщина сказочно хороша. Высокий гордый лоб, светлые волосы, искусно уложенные под жемчужной диадемой, благородные черты, гладкая белая, точно мрамор, кожа, длинная тонкая шея... Марсал утратил дар речи, разглядывая это создание.

— Что ты так смотришь на меня? — спросила Хегба.— Подойди ближе.

Марсал повиновался. Она взяла его за подбородок и повернула лицом к свету, слегка прищурившись, потом едва заметно усмехнулась.

— Я не использую мужчин для внутренних работ в замке. Что же мне с тобой делать? Ты не слуга и не простолюдин. Голубая кровь, я права?.. Как твое имя?

Марсал назвался, лихорадочно соображая, как, даже в таком нищенском наряде, Хегба угадала в нем отпрыска знатного рода. Ведьма повторила его имя, словно пробуя на вкус, и удовлетворенно кивнула.

— Хорошо, что не солгал. Мне нужен помощник начальника стражи. Ты с виду крепкий, сильный мужчина и вроде не глуп — надеюсь, спрашиваясь.

Марсал разом воспрял духом. Подобной удачи он не ожидал. Сразу же такая высокая долж-

ность! И что самое главное — возможность выполнить задуманное.

— Фриск,— обратилась Хегба к уродливому слуге,— помоги Марсалу осмотреться в Эрдеде. Замок очень большой... Объясни, что он должен делать и покажи, где он будет жить. Ты привел кого-то еще?

— Да, госпожа. Девушку.

— Пусть войдет,— благосклонно кивнула Хегба.— Я поговорю с ней.

Едва Соня предстала перед ведьмой, от надменной невозмутимости Хегбы не осталось и следа. Она впилась в девушку хищными глазами, в которых словно полыхнуло темное пламя. На какой-то миг губы Хегбы искривились в почти зверином оскале, она с трудом взяла себя в руки, хотя, казалось, даже воздух задрожал от ее возбуждения.

— Ты хочешь служить мне? — спросила Хегба.

Соня стояла, скромно потупившись и почтительно склонив голову.

— Да, госпожа. Мы с братом весьма бедны и нуждаемся в деньгах и крове. Я получила хорошее воспитание и многое умею делать. Надеюсь, вы не откажете мне.

— Этот... как его... Марсал — твой брат? — рассмеялась Хегба.— Скажи лучше прямо, что ты делаешь с ним ложе, рыжая бестия. Впрочем, это меня не касается. Откуда ты?

— Из Хаурана. Мои родители погибли, когда я была почти ребенком, и я привыкла сама заботиться о себе.

— Доводилось ли тебе слышать, что обо мне говорят люди? — Теперь голос Хегбы звучал иначе, словно сделался глубже.

— Мало ли слухов,— пожала плечами Соня.— Я ничему и никому не доверяю, кроме собственных ушей и глаз.

— И ты не боишься меня? — Ведьма приблизилась к Соне вплотную, и та с трудом подавила желание отшатнуться. Боги, жизни в этой женщине было не больше, чем в куске камня. Может, Хегба и была красива, но холодное совершенство ее идеальных черт едва ли могло пробудить мысли о любви. Она бодрствовала, но не жила. Она была достойна поклонения, но отыскать сердце, в котором могло зародиться даже подобие теплого чувства к такому, словно вырванному из времени созданию, не удалось бы.— Нет,— сама себе ответила Хегба.— Ты совсем не похожа на тех скучных, тупых тварей, которые окружают меня, и от которых мне делается дурно. Они начинают заикаться стоит им на меня взглянуть... Но ты другая. Ты похожа на меня, и это мне нравится. Очень нравится... Соня.

Девушка могла поклясться, что не называла Хегбе своего имени. Может быть, Марсал?..

— Ты будешь при мне неотлучно, днем и ночью, являясь по первому моему зову и выполнять все, что я прикажу. Но учти: я не терплю возражений и болтливости. Если сумеешь мне угодить, узнаешь, как щедра бывает владелица Эр-

деда. Если нет... берегись,— в ее тоне прозвучала неприкрытая угроза.— Ты поняла?

— Да, госпожа. Я буду стараться.

...Первые две недели ничего не происходило. Жизнь в замке текла размеренно, будто в полуслне. Ничего сверхъестественного Хегба не совершала, разве что, как вскоре поняла Соня, эта далеко не молодая особа во что бы то ни стало стремилась сохранить вечную юность, а потому каждый день совершала возводившиеся в степень ритуала омовения настоями неведомых трав, придававших ее коже сияющую белизну и упругость. Так же тщательно она ухаживала за волосами, от природы темными, но с помощью специальных составов изменившими цвет. В обязанности Сони входило ранним утром высоко зачесывать волосы Хегбы и украшать ее прическу унизанной жемчугом сеткой. Каждую прядь она продерживала через кольца в сетке, а затем завивала их, укладывая волнами. Хегба не переносила прикосновений опухших и искривленных от черной работы пальцев слуг. Работой Сони она неизменно оставалась довольна, и, придиричива разглядывая себя в зеркале, не могла обнаружить никаких изъянов. Жемчугами были расшиты и кремовые шелка, в которые Хегба нередко облачалась, хотя предпочитала белые либо пурпурные цвета. Она была сказочно богата. Несколько раз случалось так, что ведьма нарочно, словно по небрежности, «теряла» свои драгоценности в самых неожиданных местах, но,

повинуясь приказу, Соня повсюду следовала за ней как тень и неизменно находила их и возвращала госпоже, не покушаясь на собственность Хегбы: заподозрить немногословную старательную новую служанку в воровстве было невозможно.

В тот день Хегба с самого утра была необычайно раздражена и взвинчена. Мрачная ярость переполняла владелицу Эрдеда и она искала, на ком бы сорвать клокочущую в груди злобу. Изучив невыносимый нрав Хегбы — в такие черные дни ведьма была способна на любые бесчинства — служанки в панике жались по углам, и только Соня сохраняла невозмутимое спокойствие. Время от времени Хегбу терзали невыносимые головные боли, превращавшие ее в обезумевшую фурию. Никто не мог предугадать, когда это произойдет с ней. Резкая, ослепляющая боль возникала внезапно, и горе тому, кто в такие минуты подворачивался ведьме под руку. На сей раз незавидный жребий выпал Соне. Придавшись к какой-то мелочи, Хегба в бешенстве разразилась жуткими проклятиями и обрушилась на свою рыжеволосую служанку, с криком занеся для пощечины унизанную массивными кольцами руку. Однако Соня перехватила и сжала запястье Хегбы.

— Не стоит так поступать со мной, госпожа! — в ярости проговорила она.

Служанки замерли, вытаращив глаза. Все они не раз испытывали на себе гнев Хегбы и до сих пор никто не осмеливался противиться и защи-

щать себя. Они не сомневались, что столь дерзкий поступок тотчас повлечет за собой страшную кару. Хегба, оскалившись и раздувая ноздри, замерла: она никак не ожидала, что ей окажут сопротивление, и кто — всего лишь служанка!.. Но гнев ее сменился на милость. Внезапно успокоившись, она проговорила:

— Что ж, это достойно, хотя и сумасбродно. Пойдем со мной, я желаю совершить конную прогулку по своим владениям. Это развлечет меня.

Оказавшись во дворе замка, Хегба щелкнула пальцами, подзываая слуг. Отвратительный урод, Фриск, впрочем пользовавшийся особой благосклонностью ведьмы, со всех ног бросился к ней.

— Вели седлать Винара — для меня и Чеиту для Сони.

Фриск неуклюже склонился в поклоне, торопясь выполнить распоряжение госпожи. Великолепный вороной жеребец Винар был любимцем ведьмы. Его не раз пытались купить, но Хегба отказалась продать его даже за несколько селений. Огромный и норовистый, он покорялся лишь ей одной. В нетерпеливом ожидании ведьма постукивала рукоятью хлыста по голенищу высокого сапога.

— О, — повернулась она к Соне, — вот и твой... брат.

И впрямь, к ним приближался Марсал. За прошедшие дни он виделся с Соней лишь несколько раз, да и то мельком: Хегба глаз не спускала с новой служанки, и перекинутая с Марсалом хотя

бы парой слов оказалось не так-то просто. Между тем время шло, а дело не двигалось с места.

— Как тебе нравится служба в Эрдеде? — спросила Хегба у Марсала.

— Благодарю, госпожа, я всем доволен. Ваши люди хорошо обучены и достойно несут службу. Сюда и мышь не проникнет незамеченной. Эрдед прекрасно защищен...

— Мои люди — недоумки и пьяницы, у них голова забита только тем, как бы сходить в ближайшее селение, набраться в харчевне до потери человеческого облика да поразвлечься с девками,— отрезала Хегба.— Подлинная защита замка — я сама. Проверяй посты и дозоры на дорогах так, как если бы от этого зависела твоя жалкая жизнь. Помни, что твой предшественник за недостаточное рвение поплатился головой.

— Я слышал эту историю.

— Ну вот и не забывай ее. Я не прощаю предателей... Странно, почему Фриск так задержался. Марсал, ступай за ним. Сегодня я хочу, чтобы не он, а ты привел моего коня.

Соня обомлела. Этого Марсал сделать не мог. Он и сам растерялся. Заметив его замешательство, Хегба грозно сдвинула брови.

— Поторопись!..

— Позвольте мне, госпожа,— поспешила предложить свои услуги Соня.— Для меня будет великой честью вести Винара на поводу.

Второй раз за это утро она осмелилась перечить ведьме, испытывая ее терпение. А что было де-

лать? Ждать, пока взбесившийся жеребец проломит Марсалу череп?.. Поэтому, даже не услышав ответа, Соня направилась к конюшням, где, вскочив верхом на белую кобылу, предназначенную ей, подхватила повод Винара и спустя пару минут вновь предстала перед Хегбой. Постспешино спрыгнув на землю, Соня помогла хозяйке оседлать ее любимца, и обе женщины покинули Эрдед.

Хегба пустила Винара в галоп. Черный как ночь жеребец мчался, точно подгоняемый демонами. Не менее своенравная и быстрая Чента, управляемая уверенной рукой Сони, не отставала, словно соревнуясь с ним в скорости. Несмотря на встречный ветер, на мертвенно белом лице Хегбы не появилось даже намека на румянец, губы ее были плотно сжаты. Добравшись до леса, ведьма придержала коня, и Винар перешел сначала на рысь, затем на шаг.

— Соня,— обратилась Хегба к своей спутнице,— через три дня я намерена устроить в замке небольшой прием. Ничего особенного, не более полутора сотни приглашенных. Возможно, ты думаешь, будто я живу затворницей, но это не совсем так. Все должно пройти на самом высоком уровне... ты с этим справишься.

За три дня подготовить замок к встрече ста пятидесяти человек — задача не из легких, но Соня сказала только:

— Да, госпожа.

— Я старею,— без всякого перехода продолжала Хегба.— Несмотря на все старания, время уходит,

унося с собой мою красоту, а ведь я всегда следовала советам людей... и древних книг. Но паучьи лапки морщин возле моих глаз говорят о том, что все они лгали, и даже собственное тело предает меня.

— Вы прекрасны, госпожа, — вежливо возразила Соня.

— Была прекрасна. Ты красива, рыжая bestия, но тебе не снилась та красота, которой сияло мое лицо лет тридцать назад. Ни один мужчина не мог устоять передо мной. Мой муж закрывал глаза на мои измены, лишь бы я была с ним, а ведь он был доблестным воином, и в бою не знал себе равных. Но я была ему дороже чести, рядом со мной он терял рассудок и превращался в безвольную игрушку, которая наскучила мне еще задолго до его гибели. — Хегба задумчиво покачала головой. — Страсть, которую я пробуждала в сердцах мужчин, бросала к моим ногам многих, но ни один из них не тронул моего сердца. Я рождена не для любви. Власть и вечность — вот, что влечет меня, заставляя кровь быстрее бежать по жилам, а вовсе не жалкая человеческая привязанность, делающая людей такими уязвимыми.

— Власть над людьми? — уточнила Соня.

— И над людьми тоже. Но прежде всего — над временем. А оно не желает мне покоряться, хотя даже природа не противится мне. Смотри!

Хегба коснулась ствола вяза, и густая темно-зеленая крона в считанные минуты покернела,

будто тронутая пламенем. Затем она подняла руки и произнесла короткое заклинание: три маленьких птицы замертво упали на землю под ноги коня, а ведьма только вздохнула, словно этого ей было мало. Оглядевшись, она подняла с земли камень и опять что-то проговорила. Очертания камня начали меняться. Он задрожал в ее руках, как живой, а затем появилась зубастая пасть и отросли четыре тонких лапки. Хегба положила бывший булыжник на землю, и он резво бросился бежать, на ходу с хрустом пожирая другие камни и перемалывая их в песок. Боги, подумала Соня, что же она способна делать с людьми?!

— Кровь... — мечтательно проговорила Хегба, прикрывая глаза, словно в сладострастной истоме. — Мне нужна кровь. За свою жизнь я выпила ее больше, чем ты воды, ибо я слышала, будто это помогает победить время и обрести вечность. Однако далеко не сразу я узнала, что не всякая кровь обладает такой силой. То, что я делаю, приостанавливает бег времени лишь отчасти, но о полной победе говорить еще слишком рано.

— Почему вы говорите мне все это, госпожа? — спросила Соня. Она уже поняла, что жуткие слухи о ведьме из Эрдеда чистая правда. Хегба даже не пыталась скрыть своих злодеяний, уверенная в том, что остановить ее невозможно.

— Скоро узнаешь, — ответила ведьма, поворачиваясь к Соне лицом. — Соня, Соня... я чую в тебе силу, подобную моей собственной. Впервые в жизни я вижу человека, способного сравнить-

ся со мной. Ты думаешь, я не знаю, зачем и по чьему приказу ты явилась в Эрдед? Гиперборейская Волчица послала тебя на верную смерть, ибо я не поверю, что она обо мне столь нелестного мнения. Я могла бы убить тебя сразу — и этого дурака, что пришел с тобой, но не сделала этого, потому что... я хочу быть с тобой всегда и разделить с тобой вечность... Я сказала тебе однажды, что Хегба умеет быть щедрой. Я не спрашиваю, согласна ли ты. Ты слишком молодое и глупое создание, чтобы принять правильное решение: я сделаю это за тебя, и поверь, со временем ты будешь мне благодарна, девочка моя.

От такого обращения Соню передернуло. Она чувствовала, что попала в ловушку, из которой нет выхода. Поистине, гнев ведьмы был не так страшен, как ее милость. Что она намерена сделать — превратить ее, Соню, в вампира, в вечную наперсницу своих ненасытных злодейств? О, проклятие!

— Что от меня требуется, госпожа? — Соня изо всех сил старалась, чтобы голос не выдал охватившей ее тревоги.

— Молчать, ждать и не бояться. — Был ответ. — Поедем назад... любовь моя.

Вот только этого еще не хватало. Теперь понятно, почему эту тварь не способен возбудить ни один мужчина, почему она окружает себя только девушками, одна прекраснее другой, а из мужчин ее не раздражают лишь такие, как уродец Фриск. Нужно срочно поговорить с Марса-

лом... Но как? Ведь оба они для Хегбы раскрытая книга, ведьма просто играет с ними, как кошка с придушенной мышью. «Вырви черное сердце Эрдеда», — велел Север. Да скорее Хегба вырвет ее собственное. Что, если их с Марсалом в самом деле предали? Неужели никому нельзя верить? Нет, пока об этом лучше не думать. Как бы там ни было, теперь Соня не понаслышке знает, что такое Хегба, и теперь у нее появились свои причины уничтожить ее. Тем более, что ведьма очень близко подошла к разгадке, иначе вряд ли она бы так уверенно раздавала обещания. И этот прием в замке... Постойте-ка... Прием! Не так уж плохо. Соберется масса народа. Хегба будет занята гостями, и можно попытаться проникнуть в ту подземную часть замка, где хранится проклятый череп. Правда, до сих пор Соне не доводилось там побывать ни разу. Эти мысли не давали Соне покоя, однако она вела себя как ни в чем не бывало, словно никакого разговора в лесу и не было. Она выполняла обычные обязанности и сверх того отдавала прислуге необходимые распоряжения, касательно грядущего приема. Эрдед гудел, как потревоженный улей, сама же Хегба оставалась невозмутимо холодной и с одобрением наблюдала за спокойствием Сони. Однако теперь в каждом взгляде и жесте проклятой колдуньи девушка видела сжигающую Хегбу страсть.

На следующий день ближе к ночи Хегба сказала:

— Пойдем, я хочу тебе кое-что показать.

Соня повиновалась и последовала за ней сквозь открывшийся в стене проход куда-то вниз по винтовой лестнице. Хегба шла впереди, держа в руке большую черную свечу. Комната, в которую она привела Соню, напоминала одновременно сокровищницу и храм. Девушка огляделась. Высокие сводчатые стены, украшенные магическими символами и гербом рода Хегбы, на котором был изображен дракон, кусающий собственный хвост. Алтарь... Что же он напоминает? Соня опустила взгляд на пол, рисунок которого в точности повторял тот, что она видела в горном селении: круг, квадрат, пентаграмма с жертвенником в центре, только на сей раз черный камень не был пуст — на нем возвышался хрустальный череп, совершенная копия человеческого, только прозрачный. Череп сиял изнутри, благодаря хитрой системе призм и трубок, отражавших и усиливавших свет свечей. Хегба вступила в круг и протянула руку Соне.

— Иди сюда. Не бойся. Как вошла, так и выйдешь. Сейчас здесь ничего не произойдет... то, что должно свершиться, увидишь в ночь полнолуния.

Опять! Ночь полнолуния... Совсем, как тогда.

— Выбери для себя украшения, какие пожелаешь, — проговорила Хегба, царственным жестом раскрывая один из стоящих возле стены сундуков. — Здесь их много. Посмотри вот на этот. Салмордин, один из девяти благородных камней, со-

занных вспышкой молнии, которая отдалет жизнь от смерти. Суеверные глупцы никогда не касаются этого камня, уверяя, что в нем соединились добро и зло, но он прекрасен, и талисманы из него даруют немалую силу.

Соня взяла из рук Хегбы тяжелый амулет в золотой оправе. Розоватый с красными прожилками и вкраплениями, напоминающими капли крови. В самом деле, очень красивый. Затем взгляд ее упал на еще один ни на что не похожий предмет жемчужно-серого цвета, переходящего в зеленоватый. Пожалуй, его можно было сравнить с букетом, насыщенным на золотые стержни, вроде пучка искусственных цветов. Каждый стержень заканчивался подобием зеленоватого рога с зубчатыми краями, походившего на кремниевый наконечник стрелы. Но материал этот был тверже кремния и цветом бледнее зелени китайской ивы.

— «Гадючий язык», — пояснила Хегба. — Окаменевшие языки змей. Они изменяют цвет, если в еде или питье есть яд. Я никогда не расстаюсь с таким же.

Соня кивнула.

— В Хауране для этого использовали, желтовато-коричневые камни-безоары, добывавшиеся из внутренностей серны, — сказала она. — Да только они не всегда помогали.

— Разумеется, чутье надежнее самого сильного камня, — согласилась ведьма. — Я все больше убеждаюсь, что не ошиблась в тебе. Среди таких

богатств твой взгляд ни разу не вспыхнул жадным блеском — ты выше земных ценностей. Но все же... к твоим роскошным волосам подойдут изумруды и бриллианты. Бери, не бойся. Твоя красота затмит самых знатных особ... ты — драгоценнейший бриллиант в моей диадеме, милая.— Дыхание Хегбы участилось.— Если бы ты знала, что делаешь со мной! Но нет. Я и пальцем к тебе не прикоснусь, пока мы рука об руку не переступим порог преходящего... Теперь уже скоро... Мы будем повенчаны с тобой вечностью, в которой человеческие предрассудки не значат ничего. Но довольно! Я покажу тебе еще кое-что. Следуй за мной.

Продвигаясь по лабиринтам подземной части замка, едва ли не более внушительной, нежели верхние помещения, Соня вскоре услышала приглушенные голоса и крики множества людей. Ее глазам предстали узники Эрдеда, числом не менее двух сотен, содржавшиеся, точно скотина в загоне, в огромной каменной нише, заглянуть в которую можно было сверху через частую металлическую решетку.

— Кто эти люди? — спросила девушка.— Что они сделали?

— Ничего особенного,— отозвалась Хегба.— Просто они ждут свидания... с моими детьми, которых ты скоро увидишь. Не обращай внимания. Ты выше этих ничтожеств. А вот здесь хранится мое самое дорогое сокровище.— Колдунья раскрыла дверь, ведущую в маленькую, совершенно пустую, комнату, более всего похожую на камеру темницы.

— Но здесь ничего нет,— в недоумении произнесла Соня.

— Пока нет. Будет... не позднее чем завтра. Не могу поверить, что усилия стольких лет наконец увенчаются успехом! Как долго я к этому шла!

Едва дождавшись, когда Эрдед стихнет, погрузившись в сон, Соня рискнула незаметно выскользнуть из своей крошечной комнаты, молясь всем богам сразу о том, чтобы она не понадобилась ведьме. Соня пробежала босиком по двору, проникнув в ту часть замка, которую занимали слуги мужчины. Только бы застать Марсала. Что, если в этот час он проверяет дозоры возле стен замка — ищи его тогда, а у нее так мало времени! Но Соне повезло. Единственный в Эрдеде друг Сони был на месте. Хегба неспроста сразу же вызвала их обоих. Соню и Марсала сторонились, считая приближенными ведьмы, их боялись и ненавидели.

— Марсал!

Парень вздрогнул и резко сел на постели.

— А, Соня... Что случилось?!

— Послушай, я знаю, где череп,— шепнула девушка.— Нам нужно торопиться. Я объясню, как туда пробраться. Когда начнется прием... В суете это будет проще сделать. Хватай череп и беги. Хегбе известно, кто мы, и думаю, скоро ей надоест играть с нами.

— Известно?! Но откуда?

— Думаю, нас предали. Вожак должен был знать о ее нечеловеческой проницательности. Но об этом после, Марсал. Сейчас важно уйти из Эрдеда живыми. Я отвлеку Хегбу, главная опасность исходит именно от нее, а ты проследи, чтобы твоя бдительная охрана хорошенко перепилась, и действуй. Обо мне не думай — я выберусь. Бери череп и возвращайся в Логово Волчицы тем же путем, каким мы пришли в Ванахейм. Я догоню.

— Соня, я не могу бросить тебя здесь одну! Это же безумие! Что ты говоришь?!

— Делай, как я сказала, Марсал, — прикрикнула девушка, но потом смягчилась, видя, что он не на шутку встревожился за нее. — Не забывай, что я все-таки могу передвигаться намного быстрее, чем ты.

— Нет, — решительно возразил он, — я ни в коем случае не соглашусь на это. Мы вместе пришли в Эрдед — и вместе его покинем. Соня, если то, о чем ты говоришь, правда, если Хегба знает, кто мы такие, нам уже не до черепа, пропади он пропадом. Самим бы ноги унести! Хоть прямо сейчас!

— Марсал, я понимаю, ты не трус, и слова твои разумны. Я бы, может, и согласилась с тобой, но ведь и Хегба думает так же! Она наверняка убеждена, что я не посмею сунуться в сокровищницу, что я не пойду на такой безумный риск. К тому же она уверена, что меня прельстили ее посулы. Она, видишь ли, совсем не против немедийской любви.

Марсал сплюнул от отвращения.

— Вот гадина. Пыталаась тебя соблазнить, да? Ну ничего, мы ей покажем немедийскую любовь... А тебе известно, что она гоняет в Эрдед людей со всей округи?

— Это правда. Я сама видела их в подвалах замка. Не знаю, что Хегба намерена с ними сделать, но ничего хорошего их уж точно не ожидает. Их необходимо спасти, Марсал, и способ только один... Им и нам не жить, если мы не сможем лишить ведьму ее колдовской силы!

Договорившись обо всем, Соня покинула Марсала. Замедлила шаг, осматриваясь — и вздрогнула: ей показалось, что какая-то темная тень мелькнула и тут же скрылась за углом. За ней следили?.. Кошка, тут же поняла девушка. Просто черная кошка, каких здесь множество.

Задолго до рассвета она вернулась к себе. Кажется, Хегба не заметила ее отлучки. Во всяком случае, утром ведьма держалась как обычно и даже проявляла признаки хорошего расположения духа. Впрочем, к середине дня она помрачнела. Казалось, будто Хегба чего-то ждет, и с каждым часом ее нетерпение возрастает. Наконец, на дороге, ведущей к замку, появилась одинокая фигура всадника, с головы до ног закутанного в длинный плащ. Завидев его еще издали, Хегба пришла в необычайное возбуждение.

— Элиос вернулся, — пробормотала она. — Фриск! Вели страже впустить его и провести прямо в мои покой, не задерживая для досмотра. Соня, оставь

меня. Проверь еще раз, все ли готово к приему. Я позову, когда ты понадобишься.

Девушке удалось заметить, что покрытый дорожной грязью и пылью всадник — очевидно, он не один день гнал коня — нес впереди себя большой сверток. Стремительно, чуть ли не перепрыгивая через несколько ступеней сразу, он поднялся в покой Хегбы. Элиос... Это имя, как ни странно, Соня слышала впервые. Что же за ценный груз он доставил в Эрдед? Разбираться в этом было некогда. Уже к вечеру начали собираться приглашенные, каждого Хегба приветствовала лично. На ее узких губах играла рассеянная улыбка. Соня стояла подле нее, стараясь на всякий случай запомнить каждого вновь прибывшего, и церемонно раскланивалась. То и дело она ловила на себе восхищенные взгляды богато одетых мужчин, впервые видевших ее и явно заинтересовавшихся, кто эта юная особа, отмеченная особым расположением Хегбы. Откровенно говоря, гости производили странное впечатление. Мужчины и женщины были либо откровенно уродливы, либо, напротив, очень красивы — ничего среднего. Соня не могла избавиться от ощущения, что большинство из них напоминают каких-то животных, шутки ради облаченных в человеческое одеяние. За трапезой, после того как гости осушили немало кубков, это ощущение усилилось. Они не ели, а жрали, издавая совершенно непристойное плотоядное урчание, вгрызались в мясо, точно свиньи, и крайне редко переговаривались между собой. Ведьма едва

притрагивалась к еде и взирала на собравшихся снисходительно и благосклонно. Соня сидела по правую руку от нее и наблюдала, ни о чем не спрашивая. Ее куда больше беспокоило, что сейчас происходит с Марсалом.

— Дети мои,— тихо, но не без гордости проговорила Хегба.— Смотри, Соня, все, кого ты видишь здесь, мои дети. Нет, рождены они не мною, но важно другое. Такими их сделала я... Теперь они счастливы. И раз в году собираются здесь, в Эрдеде, все вместе, чтобы поприветствовать меня и выказать свое почтение и покорность.

— Они... люди? — все-таки не удержалась от вопроса девушка.

— Нет, разумеется. Люди — ничтожный прах, идущий им в пищу. Они больше, чем люди, и созданы править и повелевать повсюду, куда только способны проникнуть,— а невозможного для них нет. Ведь это великие тайные властители Хайбории, живущие при каждом знатном дворе и управляющие десятками тысяч смертных от Ванахайма до Черных королевств. Но только здесь, в Эрдеде, они могут быть самими собой...

Хегба призвала собравшихся к тишине и поднялась со своего места. Орда нежити, как единое существо, стихла и повернулась к ней, затаив дыхание.

— Я рада снова видеть вас всех здесь и в добром здравии,— проговорила Хегба.— Мне известно, что все вы достойны предназначения, для которого избраны и подняты из праха. Ибо кто или что

может сравняться с вами? Есть ли силы, способные остановить вас?.. Но сегодня особенный день.— Голос ведьмы дрогнул от волнения.— Пришел мой час, час моего полного и безраздельного торжества. Отныне мое могущество будет неподвластно времени.— Хегба вскинула голову.— Однажды мой род не воспользовался дарованной ему великой возможностью, и понадобился не один десяток лет, чтобы возвратить утраченное. Альстан отдал свою бесценную кровь жеребцу, который с тех пор прожил более сотни лет, а дед мой Каорт, умирая, проклял свою опрометчивость, воскликнув: «Конь переживет меня, а ведь я мог бы жить вечно!» Вот цена нерешительности и человеческой ограниченности. Однако я хорошо усвоила урок предка, чтобы не повторять роковых ошибок, на память о которых мне осталась всего лишь дорогая игрушка. Каждый раз, когда я смотрела на нее, моя решимость крепла, и силы словно удесятерялись.

В отличие от остальных, для которых слова колдуньи не таили никакой загадки, Соня почти ничего не понимала.

— Не далее как сегодня днем мой верный Элиос доставил в замок бесценное сокровище,— продолжала Хегба.— Моя давняя мечта осуществилась. Я хочу видеть героя. Он заслуживает щедрой награды за то, что исполнил мой приказ.

Но Элиос не откликнулся. Ведьма недоуменно огляделась. Фриск тут же подбежал к хозяйке и принял что-то шептывать ей на ухо. Услышанное привело Хегбу в ярость:

— Что?! Элиос убит?! А девчонка?..— Фриск покачал головой.— Хоть это радует.— Хегба вздохнула и прижала руку к груди.— Друзья мои, я вынуждена покинуть вас, это крайне важно. Когда мы встретимся вновь, все уже будет позади, а пока... в честь моего торжества в загонах вас ждут три сотни жертв! Ступайте туда — и утолите свою истинную жажду!

Гости взвыли в восторге и разом кинулись прочь из-за стола, едва не давя друг друга. Ледяные пальцы Хегбы сжали руку Сони.

— Идем, любовь моя!

Они спустились в храм-сокровищницу Эрдеда. Соня сразу же бросила взгляд на алтарь. Хрустальный череп исчез. Значит, Марсал успел здесь побывать. Хегба тоже обнаружила пропажу, но, кажется, это ее ничуть не волновало.

— Убийца Элиоса найден? — обратилась она к следующему за ними Фриску, тот кивнул.

— Убийца и вор, моя госпожа. На его счету еще шестеро, кроме Элиоса. Он дерется как зверь. Соня обомлела — Марсал попался.

— Кто сумел остановить этого жалкого идита?

— Винар, госпожа. Спасаясь от преследования, негодяй бросился в конюшню, рассчитывая похитить лошадь. Винар вырвался из своего стойла, и... да все лошади словно взбесились, стоило ему появиться в конюшне.

— Жеребец оказался умнее вас всех вместе взятых и отнюдь не потому, что дольше прожил,—

бросила ведьма.— Надеюсь, вор жив? Быстрой смерти он не заслуживает.

— Да, жив. Велите привести?

— Разумеется, недоумок...— Едва Фриск отправился выполнять приказание, Хегба с торжествующей улыбкой повернулась к Соне: — Ну так что? Игра окончена, не правда ли? Мы обе знаем, о ком идет речь. Я думала, ты не так наивна.

На сей раз Фриск обернулся на изумление быстро в сопровождении слуг, ведущих Марсала. Руки парня были связаны за спиной, одежда изорвана в клочья. Он едва двигался и почти ничего не видел из-за заливающей глаза крови, но упорно продолжал сопротивляться, стараясь оттолкнуть конвоиров. Его бросили к ногам Хегбы.

— Тварь,— процедила она.— А ведь я предупреждала, что не прощаю предателей.

— Будь ты проклята! — крикнул Марсал.— Соня, прости меня...

Не обращая внимания на ведьму, Соня опустилась на пол, стирая кровь с его лица.

— Ты не виноват. Ты сделал все, что мог.

— Очень трогательно,— заметила Хегба.— Просто сердце разрывается.

— Если бы оно у тебя было! — Глаза парня сверкнули яростью.— Соня, Арвина здесь! Я видел ее... попытался освободить...

Девушка не поверила своим ушам.

— Ах, так вот оно что! — Ведьма вскинула брови.— Вы знакомы с Арвиной? Мне бы следовало раньше узнать об этом. Но теперь... какая разни-

ца. Фриск, Антар! Займитесь этим,— она указала на Марсала.— Он не стоит того, чтобы я сама тратила на него время и силы магии. Я хочу, чтобы он умирал долго и страшно, так что призовите на помощь ваше воображение... Отойди от него, Соня! Ты не понимаешь... Его жалкая жизнь не стоит того, чтобы жертвовать вечностью. А я все-таки не стану отнимать у тебя эту возможность. Глупцы, вы напрасно охотились за хрустальной игрушкой. Череп, который вы украдли — ничто. С самого начала вы были обречены. Ваятеля, что создал его от нечего делать, заточили здесь, в Эрдеде, так как он считался бессмертным. Два поколения моих предков безуспешно пытались узнатъ его тайну. В конце концов, моему деду это удалось. Нужно было покрыть свое тело кровью Альстана, смешав ее со специальным снадобьем из корней мандрагоры, но мой предок Каорт был чрезмерно осторожен и, прежде чем решиться использовать ее для себя, испробовал силу этой смеси на издыхавшем загнанном жеребце Винаре. Однако крови одного человека оказалось слишком мало для двух столь крупных существ. Альстан покончил собой, он вырвал себе сердце — единственный способ уничтожить таких, как он,— и Каорт остался ни с чем. Разве что с черепом, символом смерти, более столетия насмехавшимся над моим родом. Я безуспешно разыскивала того, кто мог бы заменить Альстана. Мои гонцы рыскали по всей Хайбории, и наконец мне повезло — я узнала о существовании Арвины. Но еще труд-

нее оказалось разыскать и доставить ее в Эрдед. Ее берегли великие силы, но моя магия оказалась могущественнее. Девчонку взяли в горах, но прежде истребили все ее племя, так и не сумевшее защитить свою святыню. Теперь она никуда от меня не денется. Ее кровь даст мне вечность — мне и тебе, Соня, потому что я не желаю разлучаться с тобой, и мне все равно, хочешь ты этого или нет. Ты никак не можешь мне помешать. Никто не способен встать на моем пути!

— Ты забыла об Арвине. Она сильнее тебя.

— Напрасно ты так думаешь, дурочка. Арвине не дано уничтожать даже своих врагов. Поэтому эта вечная жертва совершенно беззащитна.

Соня сидела рядом с Марсалом, приобняв его и успокаивающе похлопывая по руке. Если только Фриск и Антар попробуют к нему прикоснуться, она вцепиться им в глаза и будет драться насмерть. Ей уже нечего терять.

— Не трогай моего друга, Хегба, — сказала девушка. — Не смей!

— Что ж, мне вовсе некуда спешить. Если ты просишь за него... — Ведьма сделала вид, будто задумалась. — Пусть он тоже напоследок станет свидетелем величайшего чуда, совершающего на земле! Фриск! Иди за девчонкой.

Урод, готовый исполнить любую волю своей хозяйки, снова исчез и возвратился уже с Арвиной. Когда-то Соня мечтала еще хотя бы раз увидеть это ангельское лицо... но не при таких обстоятельствах. Арвина узнала Соню и даже обо-

дряще улыбнулась ей, затем с искренним состраданием глянула на Марсала, как всегда, в последнюю очередь озабоченная собственной судьбой. Хегба торжествующе оглядела свою добычу. Соня от души пожалела о том, что сейчас при ней нет даже ножа — Хегба никому не позволяла приближаться к себе с оружием.

Воспользовавшись тем, что ведьма пока не обращает на нее внимания, да и взгляды слуг прикованы к Арвине, девушка, ломая ногти, старалась незаметно развязать узлы веревки, стягивающей руки Марсала, и он помогал ей, как мог. Даже если им суждено погибнуть, они дорого проадут свои жизни! Пока они живы, Арвина не взойдет на алтарь! Ни капли ее священной крови не прольется ради прихоти ведьмы!

Между тем, девочка, влекомая Хегбой, уже вступила в круг. Она словно пребывала в трансе, и, хотя не была связана, не сопротивлялась. Похоже, ведьма сама собиралась совершить жуткий обряд, никому не доверив добыть для себя вечность.

— Атэх... Малкус...

На этот раз вместо белых свечей возле алтаря стояли черные, ждущие момента, когда магические силы воспламенят их.

— Ре Гебрах... ве Гебрах...

Арвина повела в воздухе рукой, точно так же, как тогда, когда создала для Сони золотую цепочку. Только теперь вместо украшения в ее руке блеснул короткий нож.

— Держи!

Соня поймала его на лету, вскрикнув от восторга. Девочка сделала как раз то, что было необходимо. Одним движением освободив кисти Марсала от пут, Соня прыгнула в лазуритовый круг, отталкивая Хегбу подальше от Арвины. Она не оглядывалась, зная, что по ту сторону круга — как же яростно сражается Марсал, раскидывая в стороны верных псов ведьмы. Хегба жутко расхохоталась, все еще уверенная в своей неуязвимости, однако, когда нож Сони полоснул ведьму по выставленной вперед руке, она взвыла от боли. Теперь Хегбе было не до веселья. В присутствии Арвины ее магия больше не действовала! Однако колдунья обладала недюжинной человеческой силой, она неистово набрасывалась на Соню, стараясь добраться до ее горла. Обезумевшая фурия на собиралась сдаваться. Фриск и Антар уже не могли явиться ей на помощь — одному из них Марсал размозжил голову об стену, другому — свернул шею.

— Беги, — крикнула ему Соня, — унеси отсюда Арвину!

Подхватив девочку и одной рукой прижимая ее к себе, Марсал отступал к выходу, озираясь в поисках хоть какого-то оружия, необходимого, чтобы вырваться из замка, — ведь наверху его ждало множество слуг Хегбы. Соня бросила ему свой нож, а сама, стараясь удерживать ведьму на безопасном расстоянии, метнулась к сундуку. Стремительно откинув крышку, она ската в ладони

«гадючий язык», зазубренные стержни которого были тверже кремня. Скрюченные длинные пальцы Хегбы тянулись к ее лицу. Ведьме удалось сбить Соню с ног, и обе женщины упали на мозаичный пол, сцепившись в смертельной схватке.

— Опомнись, — хрюпела Хегба, — подумай, от чего ты отказываешься! Я любила тебя, Соня! Мы могли бы быть счастливы!..

— Я буду счастлива, когда ты сдохнешь!

«Гадючий язык» менял цвета так, словно все тело Хегбы было насквозь пропитано ядом. Ведьма вцепилась в волосы Сони и, прижав девушку к полу, била ее головой о камни. Извернувшись, та вонзила в живот Хегбы наконечники «гадючего языка». Хватка колдуньи ослабла, кровь мгновенно пропитала одежду и потекла на мозаичные плиты. Крики обеих женщин слились в яростный вой. Соня выдернула свое оружие и наносила удар за ударом, пока «гадючий язык» не пронзил сердце хозяйки Эрдеда. Только тогда ведьма забилась в агонии.

Наслаждаться победой было некогда, наверху Соню ждали Марсал и Арвина! Девушка едва не упала, поскользнувшись в луже крови, но удержалась на ногах и кинулась к винтовой лестнице, ни на секунду не забывая, что именно в эту ночь замок полон мерзких оборотней, готовых растерзать на месте убийц своей создательницы. Так оно и было. Бросив взгляд в узкое окно, Соня увидела Марсала с Арвиной на руках. Круг чудовищ возле них сужался, твари наступали со всех сторон, сдер-

живаемые только магической силой, заключенной в маленьком теле Арвины. «Она не способна уничтожать, — вспомнила Соня слова Хегбы. — Эта вечная жертва совершенно беззащитна».

Выдернув из стены пылающий факел, Соня выбила слюдяные пластиинки окна и прыгнула вниз, оказавшись плечом к плечу со своим другом. Твари, боясь открытого огня, отпрянули, и Соня начала атаковать: размахивая факелом и стараясь ткнуть им в оскаленные морды, на которых запеклась кровь только что растерзанных жертв, она пробивалась вперед, освобождая узкий проход. Удушилый запах горящей плоти туманил сознание. Если ей удавалось зацепить кого-то из оборотней, тот мгновенно вспыхивал, подобно сухому хворосту, и с воем падал на землю, безуспешно стараясь сбить пламя и выкрикивая имя Хегбы, которая уже не могла явиться на зов. Исход битвы был совершенно неясен, потому что мужество двух людей все же не могло сравниться с силой такого числа нечисти...

И тут запылало левое крыло замка, подожженное по счастью уцелевшими узниками Хегбы. Поняв, что происходит, мужчины и женщины, вооружаясь на ходу кольями и факелами, пришли на помощь Соне, мстя за многолетний ужас, сковывавший окрестности Эрдеда. И даже прежние слуги Хегбы были в их числе! Теперь силы сравнялись. Вскоре весь замок охватило ревущее море очищающего огня. Бестолково мечущихся гадов добивали на месте.

— Соня, — винзапно воскликнул Марсал, — присмотри за Арвиной! Конюшни горят!

— Ну и демоны с ними, ты что?! — машинально перехватывая из его рук легкое тело девочки, взорвала Соня, но было поздно: парень побежал к охваченным пламенем воротам, из-под которых струился удушилый дым. Словно начисто забыв о тяготеющем над ним проклятии, о своем страхе, он отвязывал обезумевших животных от коновязей, и в последний момент, спасаясь от начавших обрушиваться перекрытий, успел вскочить на спину Винара.

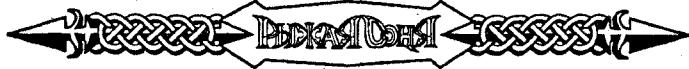
— Давай, мальчик! Не подведи!..

Одним прыжком вороной преодолел расстояние, отделяющее его и седока от ворот, и вынес Марсала во двор, где тот не медля спешился и вновь вступил в битву. К утру кошмар завершился полной победой. А потом внезапно хлынул сильный дождь, превращающий в потоки грязи дымящиеся развалины страшного замка и смывая копоть со счастливых лиц радостно смеющихся людей.

Арвина мирно спала на руках Марсала, который боялся пошевелиться, чтобы не нарушить ее хрупкий покой. Но вот девочка сама открыла огромные доверчивые глаза, пытливо оглядывая своих спасителей.

— Что ты собираешься делать? — спросила Соня. — Теперь ты осталась совсем одна. Может быть, пойдешь с нами?

— Нет, — покачала головой Арвина, — это невозможно. Я останусь в Ванахейме. Так надо. А

вообще я подолгу не задерживаюсь на одном месте...— Она вздохнула.— Вы уверены, что ни о чем не хотите меня попросить?

— Ни о чем,— твердо возразила Соня.

— Ни о чем,— эхом повторил Марсал.

— Но ведь я и сама знаю, что вам нужно,— улыбнулась она.— Чтобы совершить чудо, не всегда нужна кровь.

По двору потерянно бродил вороной жеребец, нервно втягивая чуткими ноздрями наполненный запахом гари воздух. Арвина негромко свистнула, подзывая его, и животное явилось на зов.

— Он твой,— сказала девочка, вкладывая пыль в руку Марсала.— Проклятие предков больше не властно над тобой. Так вы быстрее доберетесь до Гипербореи.

— Спасибо,— выдохнул парень, видя, что животное повинуется ему.

— За что ты благодаришь меня? — искренне удивилась Арвина.— Ты все сделал сам, сила твоего сердца победила проклятие. Чудес заслуживают лишь достойные. Соня! Для такой, как ты, трудно измыслить награду, но все же постараися не расставаться с созданным мною ножом: в любой битве он поможет тебе...

— Послушай,— говорил Марсал на следующий день,— а зачем нам возвращаться в Гиперборею? Эрдед сгорел, череп у нас — не знаю, имеет он какую-то силу или нет, но все-таки, я думаю, его можно дорого продать. Эти люди предали нас,

послав на верную гибель, и служить им дальше мне вовсе не хочется. Что, мы дела по душе не найдем?

— Допустим, я хочу взглянуть Северу в глаза,— ответила Соня.— А уж потом думать, как быть дальше. Я ничего не могу решать вот так, сходу, не разобравшись во всем до конца, но тебя не держу — поступай как знаешь.

— Я не хочу с тобой расставаться, Соня. Я отправлюсь с тобой в Гиперборею — да куда угодно! — если только у меня есть хоть какая-то надежда, что когда-нибудь мы сможем быть вместе.

— Нет, Марсал,— отозвалась она.— Такой надежды у тебя нет. Ты смелый человек, отличный боец и сможешь стать великим героем, я это признаю, но... Но я совсем не та женщина, которая тебе нужна. Уверена, что твоя суженая где-то ждет тебя и сможет дать тебе счастье... но не я.

— Ну что ж, Соня. По крайней мере, ты, как всегда, честна... Доберешься одна?

Она кивнула.

— Держи,— Марсал передал ей тяжелую сумку с Хрустальным черепом.— Я и так получил больше, чем мог желать. Прощай. Пусть тебе тоже повезет найти свое счастье.

Он пришпорил Винара и вскоре исчез вдали.

Соня в самом деле не сомневалась, что одиночество ей не страшно. Не впервые было путешествовать одной и при необходимости самой защищать себя. Она прикинула, что путь до Гипер-

бореи займет не слишком много времени — от силы несколько дней — и до Асгарда добралась без происшествий, словно ее беспокойная судьба была настолько утомлена последним приключением, что решила дать девушке передышку — для новых испытаний. В предчувствии близкого завершения пути и подгоняемая желанием выяснить, в самом ли деле Вожак настолько коварен, что отправил их с Марсалом на верную смерть, Соня ехала и днем и ночью, останавливаясь лишь для того, чтобы напоить лошадь. До Гипербореи было уже рукой подать, и она рассчитывала добраться до Логова Волчицы не позднее вечера следующего дня.

Обычно Соня, хоть и не считала себя суеверной, старалась не забредать на кладбища. Эти обители мертвых наполняли ее сердце глубокой печалью, напоминая о неизбежном конце всего сущего. Но что было делать, если как раз возле такого мрачного места бегущая легкой рысью Чейта внезапно захромала и наотрез отказалась идти дальше? Соне пришлось спешиться — у лошади оторвалась подкова. Значит, до ближайшей кузницы придется идти своим ходом, не мучить же ни в чем не повинное животное. Старое заброшенное кладбище с заросшими травой надгробиями выглядело вполне мирно, и все-таки Соня зябко покружилась — скорей бы убраться подальше отсюда.

Внезапно послышались приглушенные голоса. К кладбищу приближалась небольшая процессия — всего три человека. Они несли четвертого, однако не в гробу, а завернутого в темную холщовую

ткань. Девушка бесшумно шагнула в густую зелень кустов, способных скрыть и ее саму, и Чейту. Успокаивающее поглаживая кобылу, Соня принялась наблюдать, что же будет дальше. Небрежно сбросив свою ношу на землю, мужчины с помощью заступов быстро выкопали могилу, а точнее, не особо глубокую яму, куда и спихнули четвертого. Затем столь же поспешно они забросали яму землей и удалились. Все бы ничего, если бы девушке не почудилось, будто завернутый в ткань человек шевелился. А что, если это не труп? Дождавшись, пока они отъедут на достаточное расстояние, Соня осторожно приблизилась к могиле. Ее разрывали противоречивые чувства: оставить все как есть, взять Чейту и поскорее найти местного кузнеца — или проверить свою догадку. В конце концов, любопытство взяло верх над здравым смыслом. Неплохо зная себя, Соня понимала, что, если сейчас уйдет отсюда, то потом будет мучиться, и, возможно, даже вернется... но тогда уж точно будет поздно. И вот, опустившись на колени и закусив нижнюю губу, она принялась ножом и руками раскидывать свежую землю и довольно скоро добралась до цели. Вспоров плотную темную ткань, закрывающую лицо похороненного, она увидела средних лет мужчину — впрочем, точно определить его возраст было непросто, лицо представляло собой иссиня-багровое месиво. Должно быть, этого человека много часов подряд избивали, а, возможно, даже пытали. Руки его были крепко связаны за спиной. Соня приложила пальцы к

вене на шее мужчины. Да, она не ошиблась! Тройца «друзей» явно поспешила с похоронами. Подхватив мужчину под мышки, Соня вытащила его из могилы и перерезала веревку. Сняв с пояса флягу, девушка плеснула водой ему в лицо. Такая мера подействовала: мужчина со стоном замотал головой и попытался открыть чудовищно опухшие глаза. По мере того как к бедняге возвращалось сознание, его охватывал все больший ужас, причем, похоже, именно Соня была тому причиной. Мужчина шарахнулся от нее, словно от вампира, а потом повел себя и вовсе необъяснимо — приподнялся и пополз прочь, отталкиваясь от земли ногами.

— Н-нет... только не это... — бормотал он, не сводя с Сони глаз.

— Что «не это»? — Несмотря на трагизм происходящего, девушке отчего-то сделалось невыносимо смешно: с каких это пор она способна внушать такой страх?

— Дайва, — в отчаянии воскликнул несчастный, — что тебе еще от меня нужно?! Ты лишила меня состояния, сделала всеобщим посмешищем, оболгала перед кенигом... Да уймешься ли ты когда-нибудь?! Доколе ты намерена преследовать меня?

— Но я вовсе не Дайва, — возразила Соня, — ты меня с кем-то путаешь. Я вижу тебя впервые в жизни.. Похоже, тебя здорово стукнули по башке...

— Нергал! — прорычал мужчина, с ненавистью сверля ее глазами. — Ты еще издеваешься?! — С

неожиданной для столь плачевного состояния ловкостью он, не меняя положения, с такой силой пнул неосторожно приблизившуюся к нему девушку ногами в живот, что Соня, вскрикнув, отлетела в сторону, а мерзавец тяжело поднялся с земли и теперь стоял, готовый ударить ее еще не один раз. Его напряженные ноги были чуть согнуты в коленях, а пальцы рук напоминали лапы хищника с выпущенными когтями. Хорошенькая благодарность за спасение, искренне возмутилась Соня. Вот и делай после этого добро людям!

— Слушай, ты, — угрожающе предупредила она, — еще один шаг в мою сторону, и я с удовольствием завершу то, что не закончили те трое, которые приволокли тебя сюда!

Однако ее слова не произвели на мужчину никакого впечатления. Он собирался придушить Соню на месте и прыгнул на нее, преодолев внушительное расстояние, девушке едва удалось увернуться. Как только ослепленный бешенством человек пролетел мимо нее, она обрушила на него сокрушительный удар, способный проломить нападавшему череп, но тоже промахнулась. Мужчина откатился в сторону, миг — и он опять был на ногах и надвигался на нее, шумно дыша. Опасный противник, оценила Соня. Нож Арвины, вовремя вспомнила она, тут же воспользовавшись своим оружием и метнув его в нападавшего. Лезвие вонзилось в плечо чуть выше локтя. Мужчина вскрикнул, выдернул нож и зажал рану

рукой. Теперь он вел себя уж совсем странно. Он больше не пытался прикончить Соню; выражение его лица — если только подобное лицо вообще могло что-то выражать — сделалось куда более осмысленным.

— Ты не Дайва, — сказал он.

— Знаешь, до сегодняшнего дня мне отчего-то тоже так казалось, — заметила Соня, все еще дрожа от напряжения и предвкушения новых малоприятных неожиданностей.

— Извини, — проговорил мужчина, тяжело опускаясь на примятую траву и оглядывая себя в глубокой тоске. — Боги, боги... я даже не помню, как здесь оказался... и в таком виде...

— У тебя кровь течет, — сказала девушка, осторожно подходя ближе. — Давай перевяжу. Конечно, ты вряд ли можешь что-нибудь помнить. Вон яма, видишь? Тебя в ней похоронить собирались. Заживо. Я случайно рядом оказалась. — Что-то подсказывало Соне, что опасность миновала.

— Кровь?.. Да пусть хоть вся вытечет, — с горечью проговорил мужчина. — Мне больше незачем жить. Хуже собаки... ничего не осталось...

Соня молча оторвала кусок материи от подола своей рубахи и, вопреки протестам мужчины, перевязала ему плечо. Мало ли что он говорит. Жизнь всегда имеет смысл, даже когда кажется, что ниже падать некуда. В таком случае остается проделать обратный путь — наверх.

— Послушай, если твои «друзья» решат вернуться, они помогут тебе отправиться на Серые

Равнины, — усмехнулась девушка. — Так что лучше поднимайся и уноси отсюда ноги.

— Мне некуда идти, — произнес он едва слышно.

— Правда?.. Знаешь что, долг платежом красен, — решительно сказала Соня. — Я все-таки тебе жизнь спасла. Я ж не знала, что она тебе не нужна. А теперь, может, покажешь мне, как до кузницы добраться, а то у меня лошадь расковалась. — Она махнула рукой в сторону Чайты, невозмутимо пощипывавшей траву. — Судя по тому, как ты прыгал, иди ты можешь. Так что хватит сидеть, вставай!

Как ни странно, мужчина не стал сопротивляться. Соня отдала ему свой плащ, так как, помимо изрядно потертых кожаных штанов, на нем никакой одежды не было.

— И кто тебя так? — спросила Соня на ходу, косясь на своего нового спутника. Он шел, заметно прихрамывая и опустив голову.

— Нашлись добрые люди, — отозвался он, видимо, не собираясь посвящать Соню в подробности.

— Не хочешь говорить — твое дело. Я тоже не из болтливых. Но хоть имя-то у тебя имеется? Я зовусь Соней. Это чтобы тебе опять не взбрело в голову путать меня с какой-то Дайвой.

При упоминании последней мужчину передернуло, и он невольно сжал кулаки.

— Не к ночи будь она помянута, — с ненавистью проговорил он. — Понимаешь, ты просто поразительно на нее похожа, только волосы у Дай-

вы темнее, и метать ножи она, к счастью, не умеет. А зовут меня Дансубарг.— Он явно ожидал от Сони какой-то реакции, а когда таковой не последовало, добавил: — Вижу не веришь. Оно и понятно.

— Почему это я должна не верить? Мне-то какая разница, Дансубарг так Дансубарг,— пожала плечами Соня.

— Ты что же, никогда обо мне не слышала? — Он даже растерялся.— Ты не из Асгарда?

— Из Хаурана. Потом в Шадизаре... жила.— Соня не собиралась уточнять, чем она там занималась.— А последнее время в Гиперборее. Вот в Ванахейме еще довелось побывать... В Асгарде я впервые, а что?

— Значит, мне повезло натолкнуться на человека, который меня не знает.

— Выходит, ты благородных кровей, так что ли? — Соня посмотрела на него с интересом.

— Не так давно я был одним из главных военных советников кенига. И сам командовал войсками,— он усмехнулся.— Этими вот руками и мечом я много лет добывал себе славу... Э, да что теперь говорить! Все в прошлом...

— Да что ты все причиташь! — зло проговорила девушка.— Ничего не осталось... идти некуда... дайте мне умереть...— передразнила она.— Еще поплачь для убедительности. «Все в прошлом!» Можно подумать, тебе сто лет. Вроде молодой мужик, крепкий, жиром не заплыл, руки-ноги целы... или уже меч в руках удержать не можешь?

— Ну не сто, конечно,— согласился Дансубарг, неожиданно улыбнувшись.— Еще и до сорока время есть. А ты, вижу, не робкого десятка. Такую не просто выбить из седла... Ну, вот и кузница, гляди.

— Ага. Я быстро. Дождись меня.

— Зачем?

— Что значит «зачем»? — возмутилась Соня.— Я вовсе не собираюсь дарить тебе свой плащ! Стой здесь и жди меня!

Местный кузнец на удивление быстро управлялся с Чейтой, и Соня вернулась к Дансубаргу.

— Так. Одно дело сделала. Теперь не грех и поесть.— Она огляделась.— Постоялый двор в этой дыре имеется? Веди.

Договорившись с хозяином о ночлеге для двух человек, Соня велела принести для себя и своего спутника хорошего мяса и вина. Усевшись за стол, девушка брезгливо поморщилась.

— Чеснок... терпеть не могу. Подсунут тухлятину, а этой дрянью запах стараются перебить. Хотя, здесь не так уж скверно готовят, доводилось видеть места и похуже. Ты давай ешь, на обед к кенигу нас сегодня не пригласили.

— Не издевайся,— бросил Дансубарг.

— Ла-адно, я не со зла.— Соня с аппетитом приступила к трапезе, впрочем, к вину она почти не притрагивалась: в отличие от множества мужчин, она предпочитала иметь ясную голову.

— Эй, красавица,— фривольно обратился к Соне какой-то парень,— куда путь держишь?

— Тебе что за печаль? — не прекращая жевать, покосилась на него Соня. Вместо ответа тот попытался грубо обнять девушку и тут же получил увесистую оплеуху. — Мой тебе совет, убери руки и поищи себе подстилку в другом месте, — миролюбиво проговорила Соня.

Парень что-то злобно прошипел, но продолжать штурм не решился.

— Ты привыкла сама себя защищать? — спросил Дансубарг.

— Оно надежней. И дешевле обходится, — улыбнулась Соня. — А то так защитят, что костей не соберешь.

Ей показалось, что Дансубарг вздрогнул.

— Тебя, похоже, не раз предавали, — задумчиво проговорил он.

На лицо Сони набежала тень, губы плотно сжалась.

— Да. Случалось, — коротко бросила она.

Дансубарг накрыл ее руку своей.

— Мне это тоже знакомо, Соня.

— Ну, не велика редкость. И не повод, чтобы... — она решительно высвободила руку, — думать, будто я сейчас расчувствуюсь и предпочту твое общество прочим предложениям провести со мною ночь.

Впрочем, ночь-то им как раз предстояло провести вместе. Постоялый двор был переполнен, и не оставалось ничего иного, как терпеть общество друг друга, разделяя небольшую комнату.

— Вот дыра, — буркнула Соня, прикрыв за собою дверь — Ну да ладно, главное — крыша над

головой есть, до утра доживем. Рука-то сильно болит?

— Ерунда, — отозвался Дансубарг. — По сравнению со всем остальным эта царапина... — Он принял устраиваться на полу, но Соня решительно возразила:

— Брось дурака валять. Ты же не собака. На такой постели не только вдвоем, вчетвером разместиться можно, места хватит. Просто не думай обо мне как о женщине, и все.

— Да сейчас женщины меня волнуют в последнюю очередь, — заверил Дансубарг. — Сыт по горло.

— Весьма кстати, — серьезно кивнула Соня, укладываясь ближе к противоположному от него краю постели.

Дансубарг и впрямь не думал к ней прикасаться, однако заснуть Соне не удалось. Всю ночь ее новый знакомый метался и время от времени дико вскрикивал, покрываясь холодным потом. Покаже его мучили и кошмары и боль.

Под утро он разрыдался, шепча пересохшими губами:

— Дайва... Дайва... нет... Ила, прости меня! Где мой сын, Дайва, что ты с ним сделала?!

Соня не выдержала, положила руку ему на лоб.

— Успокойся. Нет здесь никого.

От ее прикосновения Дансубарг пришел в себя, перестал вздрагивать и обращаться к неведомым Соне личностям. Ну и досталось бедняге, сочув-

ственно подумала она. Может и правда, чем выше взлетишь, тем больнее падать.

Девушка уснула лишь на пару часов, достаточных для того, чтобы восстановить силы, потом поднялась, подошла к окну... и замерла. По двору расхаживал один из той троицы, что она видела на кладбище — высоченный здоровяк блондин. Похоже, он только что прибыл и следил за тем, чтобы его коня почистили и накормили. Мерзавец, подумала Соня. Как бы там ни было, хоронить живых — последнее дело. Ее раздражение усилилось, когда — Соня не слышала слов, но прекрасно понимала, что происходит — этот громила принялся нагло требовать, чтобы его пятнистому жеребцу предоставили место Чайты. Хозяин униженно кивал, готовый выполнить это распоряжение, и Соня, ничуть не опасаясь быть узнанной, — в конце концов, ее-то на кладбище никто не видел, — решительно вышла во двор, чтобы восстановить справедливость.

— Эй ты, оставь-ка в покое мою лошадь!

Здоровяк обернулся и оторопел:

— Госпожа Дайва?..

Вот это номер. Выходит, не один Дансубарг способен обмануться, приняв ее за другую женщину.

— Нет, — отрезала Соня. — Ее вездесущий дух.

Тот понял свою ошибку и гнусно ухмыльнулся.

— Пошла вон, рыжая шлюха. Указывать она мне будет!

Хозяин подобострастно захихикал, будто мерзавец произнес нечто весьма забавное.

— Это в какой канаве тебя научили так разговаривать с женщиной? — взорвала Соня.

Громила угрожающе двинулся в ее сторону, рассчитывая мгновенно расправиться с дерзкой девчонкой. Соня подпустила негодяя поближе и врезала ему между ног, да так, что он взвыл и согнулся пополам. Затем Соня схватила его за волосы на затылке, с размаху разбила его гнусную физиономию о свое колено и нанесла завершающий удар согнутым локтем в шею. Обидчик упал на землю, подняв тучу пыли, а Соня поспешила возвратилась к себе в комнату.

— Дансубарг, вставай!

За ночь его лицо распухло еще больше, и он с трудом разлепил глаза.

— Да вставай же ты, говорю. Этот здесь... жирный такой, один из тех, которые тебя...

Дансубарг вскочил, как распрямившаяся пружина.

— Что?! Лойор?!

— Он забыл представиться, — сказала Соня. — Скверно воспитан. Вон, гляди. — Во дворе успевший очухаться наглец тяжело поднялся на ноги, огляделся по сторонам налитыми кровью глазами, схватил за грудки хозяина, куда, мол, подевалась рыжая, и тут же бросился мстить, даже не выяснив, что она не одна.

— Ну-ну, иди сюда, боров, — процедила Соня.

Дансубарг встал ближе к двери, которую пару секунд спустя сотрясли внушительные удары снаружи. Соня отодвинула засов. Громила ввалился

в комнату, сходу набросившись на девушку, но просчитался: Дансубарг охладил его воинственный пыл ударом такой силы, что хватило бы и медведю, и тут же связал. Однако Лойор оказался на редкость живучим и почти сразу задергался, стараясь освободиться.

— Ну, добро пожаловать,— с ненавистью произнес Дансубарг, наступив носком сапога ему на горло.— Рановато ты меня похоронил.

— Т-ты? — выдавил тот.— Я... я только выполнял приказ...

— Ты выполнял его очень старательно. С удовольствием. С завидным рвением, я бы сказал. Мне ты так не служил.

Видно, поняв, что уйти отсюда живым ему все равно не удастся, Лойор напоследок прохрипел:

— Да тебе все равно конец. Госпожа давно решила от тебя избавиться...

В бешенстве Дансубарг с хрустом раздавил негодяю горло.

— Ну теперь нас здесь ничего не держит,— спокойно проговорила Соня.— Только одежду у него позаимствуй, ему-то она все равно уже не понадобится.

Заодно они «позаимствовали» и коня. Хозяин постоянного двора, поняв, что к чему, возражать не осмелился. Проскакав часа три без остановки в сторону Гипербореи, Соня сказала:

— Предлагаю вот что. Давай сначала разберемся с моими делами, а потом займемся твоими.

— Но ты ведь не знаешь, какие у меня дела,— с сомнением возразил Дансубарг.

— Как будто ты знаешь о моих,— парировала Соня.— Но сдается мне, у нас с тобой есть что-то общее.

— Допустим, ты права. Вот только ты ведь привыкла сама себе помогать, а с какой стати еще и мне?..

— Ну все-таки ты из благородных,— протянула Соня.— Вот восстановим справедливость, может, на радостях пару поместий пожалуешь. Буду я завидная невеста с большим приданым, выйду замуж за какого-нибудь проходимца, нарожаю штук пятнадцать детей...

Дансубарг засмеялся:

— С тобой не соскучишься, рыжая. Но насчет справедливости я и сам не пойму. Чем больше думаю, тем сильнее убеждаюсь, что я сам во многом виноват.

— Ну тогда сиди и всю оставшуюся жизнь кайся, посыпая голову пеплом... а сына своего только и будешь видеть, что в кошмарах по ночам.

— Откуда знаешь... про сына?

— Ты орал всю ночь, то Дайву звал, то Илу какую-то... и про сына тоже говорил. Ясно теперь?

— Хорошо. Что надо сделать?

Стараясь не посвящать Дансубарга в сакральные тайны Логова Белой Волчицы, Соня объяснила, что ее вместе с еще одним человеком послали выполнить одно довольно сложное задание, а оказавшись на месте, они узнали, что были

раскрыты еще до появления в Ванахейме. Вот теперь и требуется выяснить, кто же все это подстроил. Дансубарг слушал внимательно, не перебивая. Соня попросила, чтобы, оставаясь за пределами обители, он подготовил ей пути отступления. Мало ли как дело обернется.

Соня рассчитывала, что в ответ на ее откровенность Дансубарг хоть что-нибудь расскажет о себе, но ошиблась. Он вовсе не собирался ничего рассказывать, хотя помочь согласился охотно. Перед тем как оставить его в пяти милях от Логова, Соня сказала:

— Если через два дня я не вернусь, значит, дело плохо. Жди меня до вечера второго дня, если не приду — подведи мою лошадь к ограде обители, но не пытайся проникнуть внутрь, иначе тебя убьют. Все понял?

— А чего ж тут не понять...

В Логово Волчицы Соня возвратилась как победитель. Север встретил ее с такой радостью, что на мгновение девушка даже усомнилась в своих подозрениях, однако, когда Вожак положил ей руку на плечо, Соня неприязненно отстранилась.

— Должно быть, ты не рассчитывал еще раз увидеть меня живой, — с вызовом усмехнулась она. — Но надо же такому случиться — я все-таки пришла... В отличие от Марсала, который благоразумно предпочел больше не видеться с вами.

Наставник растерялся.

— О чем это ты?

— По-моему, я выразилась достаточно ясно. Может быть, ты счел нас чересчур опасными для себя.

— Соня, — Север посмотрел ей прямо в глаза, — должно быть, от усталости ты сама не понимаешь, что говоришь.

— Да, я устала. От вранья. Забирай свой череп, и можешь доложить Волчице, что задание выполнено.

Не собираясь далее ничего объяснять, Соня прошла в свою комнату и, сбросив с гудящих ног сапоги, не раздеваясь, легла на постель и принялась обдумывать, как быть дальше. Может, и не стоило показывать Северу, что она знает о затяжной им игре. Но ведь при их разговоре присутствовало несколько послушников: если наставник захочет расправиться с нею, ему будет не просто сделать это так, чтобы не навлечь на себя подозрений. Интересно, что он предпримет? Что ж, посмотрим, кто окажется сильнейшим на этот раз...

Ночью Соня не сомкнула глаз, хотя искусно притворялась спящей. Чувствовала: что-то должно произойти. Обязательно произойдет. Так и есть: слабый звук, точно шебуршание мыши, заставил девушку затянуть дыхание. Шорох сменился негромким, но настойчивым стуком в дверь. Соня встала и распахнула дверь, готовясь отразить возможное нападение. Перед ней стоял Киджер, один из хорошо знакомых ей послушников.

— Что нужно? — резко спросила Соня.
— Поговорить. Впусти меня. Это важно для нас обоих.

Она пожала плечами, пропуская его и закрывая дверь.

— И что ты хотел мне сказать?
— Сегодня днем я слышал ваш разговор с Вожаком.

— И что?

— Ведь он... предал тебя и Марсала, так? Не возражай, я знаю больше, чем ты думаешь. Север боится, что кто-нибудь займет его место, а ты для этого подходишь, вот он и решил побыстрее от тебя избавиться.

Соня невольно кивнула. Ее подозрения подтвердились.

— У меня есть доказательства, — продолжал Киджер. — Между прочим, Разара ничего не знает, и кто, если не ты, должна открыть ей глаза на то, что происходит в Логове? Если пойдешь со мной прямо сейчас, я покажу тебе нечто весьма интересное. Пойми, Север обязательно постараится тебя прикончить, а то, что есть у меня, поможет его разоблачить и спасти твою жизнь.

— И что же это?

— Послание, которое он адресовал... Впрочем, сама увидишь. Нам только надо выйти за пределы обитали, и поскорее: не исключено, что за тобой следят.

Девушка поспешила одеться. Молодец Киджер, что обратился к ней.

Они быстро миновали главный вход. Киджер ничего не объяснял — оно и понятно, он очень торопился. Отойдя от обитали примерно на милю, он остановился и начал раскапывать землю.

— Помоги мне. Вдвоем мы быстрее справимся.

Соня присела рядом с Киджером, как вдруг за ее спиной раздался странный звук. Не долго думая, девушка отпрянула в сторону.

Некто летел прямо на нее из темноты. Соня подпрыгнула и выбросила обе ноги, ударив ими неизвестного, вскочила и вновь приготовилась встретить противника. Он приближался с ножом в руке. Соня перехватила его руку и, сделав переднюю подсечку, вывернула нападавшего на землю, вывернув у него из кулака нож. Оружие упало на траву, но враг, верткий как змея, выскользнул из захвата и вновь ринулся на Соню — девушка встретила его ударом правой. Враг остановился, но Соня не смогла сдержать новый замах и упала ему под ноги. Оба свалились на землю. Враг был быстрее, он оказался сверху и нажал предплечьем Соне на горло. Девушка попыталась оттолкнуть его, но противник уже обхватил ее второй рукой...

— Киджер, — извиваясь, прохрипела она, — что же ты стоишь?!

Но Киджер не сдвинулся с места. Скрестив руки на груди, он с удовлетворением наблюдал за дракой и был явно не на стороне Сони. Девушка увидела бесовский горящий взгляд — и все поняла. Ловушка, опять ловушка, в которую она

так глупо попалась... Соня ухитрилась двинуть врага в пах, сбросила его с себя и поднялась, тяжело дыша. Одна против двоих! Теперь Киджер тоже надвигался на нее... Внезапно в схватку вступил кто-то еще. Силы сравнялись. Тот, что дрался с Соней, выпрямился. По его лицу текла кровь. Он подобрал нож и снова кинулся на девушку, но та подножкой свалила его на землю. Противник прыгнул еще раз, взмахнул ножом и прорезал Соне рукав. Девушка потянулась за своим ножом, но быстрый взмах вражеского клинка рассек ее рубашку, и она ощутила резкую боль в напряженных мышцах живота. Противник взмахнул оружием, развернулся, и Соня сбила его на колени. Прежде чем тот успел подняться, девушка воткнула клинок ему в горло.

Соня жадно хватала ртом воздух, а ее нежданный спаситель сражался с Киджером. Дансубарг! Что он здесь делает?! Значит, он пошел за ней сразу, как они расстались...

Киджер с размаху ударил Дансубарга в раненое плечо. Перекатившись, асгардец припал к земле и тут же бросился на послушника. Тот ждал, что Дансубарг попытается встать на ноги, а потому внезапный нырок противника заставил его отступить, он покачнулся, и асгардец сбил его с ног. Киджер быстро поднялся, но Дансубарг, шагнув вперед, двинул ему кулаком в ребра. У Киджера перехватило дыхание, но он ударил асгардца в скулу и рассек кожу. Второй удар слева угодил в подбородок. Послушник снова замахнулся,

а асгардец, уклонившись, врезал ему в живот. Киджера развернуло. Дансубарг нанес отвлекающий удар по ребрам и, когда послушник опустил руку, резко двинул ему в ухо. Руки Киджера взметнулись, и тут Дансубарг ударил его снизу в солнечное сплетение, потом слева в лицо, еще раз, и снова — это были ложные, отвлекающие удары, за которыми последовал настоящий — под ложечку. Киджер рванулся вперед и внезапно занес ногу, целя противнику в пах. Дансубарг вовремя заметил это, отступил и споткнулся о корень дерева. Он покачнулся и упал, а Киджер прыгнул вперед, метя ногами ему в голову. Асгардец перекатился, чтобы уклониться, но все-таки получил удар каблуком в лицо. Дансубарг вскочил на ноги. От этого подлого приема он пришел в бешенство, начал бить Киджера в лицо короткими резкими ударами. Обманный слева и еще один справа — так, нос разбит, справа и слева под ложечку, и еще один правый в шею под ухом. Киджер зашатался, а Дансубарг пошел вперед. Враг наткнулся на ствол дерева, получил еще один удар в солнечное сплетение и снова в лицо. Киджер начал падать, но асир поймал его за рубашку, держа на весу, врезал еще раз, и только потом бросил на траву.

— Отлично, — похвалила Соня. — Ты здорово умеешь драться. Вовремя ты подоспел, а то бы мне тяжко пришлось с двумя.

Дансубарг молча отошел к своей лошади и положил голову на седло. Воздух вырывался из его

легких резкими толчками, но вскоре дыхание успокоилось.

— Я никогда не был трусом и не боялся драк,— сказал он.— Ты тоже отличный боец, но до чего ж неосторожна!

— Да, глупо попалась,— согласилась Соня.— Зато теперь мне кое-что ясно.

Она не сводила глаз с Киджера и его приятеля. Как они похожи на «детей» Хегбы! «Они живут при каждом знатном дворе... великие тайные власти Хайбории». Чтобы удостовериться в своей догадке, Соня подожгла сухую ветку и поднесла к лицу Киджера. Ее противник был мертв, но этот еще дышал. При виде огня он заорал от ужаса.

— Говори, ты предал нас с Марсалом? Мы уложили полторы сотни таких как ты и прикончили ведьму, и я знаю, что делать с тобой! — Для убедительности Соня ткнула горящей веткой в неподвижное тело напарника Киджера, и оно тут же вспыхнуло и начало обугливаться.

— Не делай этого со мной,— завопил «послушник»,— я все скажу!..

— Не сомневаюсь. Отвезем его к Северу, Дансубарг. Жаль, что второго с собой не прихватить, от него мало что осталось. Заодно я вас и познакомлю. Не бойся. Если ты скрываешься от асгардских властей, то тебя им не выдадут. Я обещаю.

Их появление вызвало в Логове переполох. Выслушав Соню и распорядившись допросить Киджера, Север покачал головой.

— Все становится на места. Киджер исчез сразу после вас с Марсалом, но вернулся он гораздо раньше, поведав историю о том, что ему, якобы, срочно понадобилось отлучиться, чтобы помочь попавшей в беду сестре. В этом нет ничего странного, ведь вы двигались пешком, а он на коне.

— Север, я прошу простить меня за то, что оскорбила тебя недоверием,— проговорила Соня.— Я думала, что ты знал о способностях Хегбы читать мысли и умышленно не предупредил нас об этом.

— Я могу тебя понять,— кивнул Вожак.— Ладно, забудем об этом. Надеюсь, теперь ты мне веришь. А когда ты успела обзавестись новым другом?

— В Астгарде,— начала было Соня и осеклась, заметив, как Дансубарг смотрит на Вожака.

— Север?..— хрипло проговорил асгардец.

Тот поглядел на него внимательно, но явно не узнавая. Потом глаза наставника расширились.

— Ты?.. Поистине мир тесен! Вот не думал, что доведется свидеться, Дансубарг... Это сколько же лет прошло!

— Пятнадцать,— проговорил тот, волнуясь.— Нет... больше...

Соня с интересом переводила взгляд с одного на другого. Выходит, они знакомы, причем давно...

— Ила,— сказал Север.— Она все еще с тобой? Дансубарг опустил голову.

— Нет. Мы прожили вместе много лет, но потом расстались... и в том только моя вина. Я не смог ее удержать.

— Она жива?

— К счастью, жива. я...

— О, глупец,— Север отвернулся, стараясь справиться с волнением.— Прекраснейшая женщина на земле была у твоих ног, и ты потерял ее! Думаю, нам будет о чем поговорить. Соня! Ты прекрасно справилась, девочка, я горжусь тобою. Отдыхай. Поешь, выспись, восстанови силы. Дансубарг, останься. Я распоряжусь, чтобы тебя накормили и позвали лекаря, а то ты что-то неважно выглядишь.

Тroe суток Вожак не вспоминал о Соне и не вызывал ее к себе, дав возможность хорошенько отдохнуть. Дансубарга Соня видела редко. За время, прошедшее со дня их знакомства, его кровоподтеки и ссадины на лице поджили, и теперь на конец можно было разглядеть его истинные черты. Оказалось, он недурен собой. Такие должны нравиться женщинам, в сердцах которых мужская красота способна пробуждать какие-то чувства. Особенно хороши были глаза — светло-карие, окаймленные густыми темными ресницами, только очень печальные, даже когда он улыбался, что случалось не так уж часто.

На четвертое утро Соне сказали, что Вожак велел ей явиться. Север спросил, готова ли она выполнить еще одно задание, и Соня, не раздумывая, кивнула.

— Как я понял, ты вызвалась помочь Дансубаргу. Что ж, это весьма кстати. Я объясню тебе, что надо делать.

Как выяснилось, Север знал Дансубарга с детства. Дансубарг был единственным, причем поздним, вымолненным у богов, ребенком. Север, приходившийся этому семейству дальним родичем, частенько гостила в доме у сверстника. Мальчики быстро сдружились и были, что называется, не разлей вода. Более смелый, рослый и сильный Север нередко защищал своего приятеля, но и тот при необходимости стоял за друга горой. Они считали друг друга братьями. Целыми днями мальчишки болтались по улицам, иногда подворовывая, иногда зарабатывая на жизнь маленькими представлениями, которые устраивали на потеху толпе, благо Дансубарг искусно подражал голосам и повадкам птиц и зверей, а при желании мог передразнить и любого человека, да так похоже, что не раз нарывался на крепкую оплеуху от тех, кому это не нравилось. Север не раз выручал приятеля, помогая ему вовремя сделать ноги, и вставал с ним плечом к плечу, если убежать не удавалось, а приходилось драться. Так же поступал и Дансубарг, если его друг попадался на воровстве. Но этой веселой жизни не суждено было продлиться долго.

В их жизни появилась красавица Ила. Север влюбился в нее с первого взгляда, и она, казалось, отвечала ему взаимностью, но лишь до той минуты, когда в голову ему пришла несчастная мысль

познакомить девушку со своим названным братом. С той поры Ила могла думать лишь о Дансубарге и старательно избегала встреч со своим прежним возлюбленным. Север сходил с ума от ревности, но что он мог сделать? Даже если он убьет своего друга, сердце Илы не вернуть. Что ж, пришлось признать, что этот прекрасный цветок расцвел не для него. Север любил Илу больше жизни и хотел, чтобы она была счастлива, с ним или без него. Он не стал вставать на пути Дансубарга, заявившего, что хочет жениться на ней. С того времени их пути разошлись. Север покинул родину и многие годы странствовал по Хайбории: жил в Кхитае и Черных Королевствах, затем в Шеме, и наконец судьба привела его в Логово. А Дансубарг сражался в королевских войсках, очень быстро получил под свое начало легион, а затем еще несколько. Он был необыкновенно смел и удачлив и не знал себе равных ни в дальних военных походах, ни на поле брани, ни при дворе кенига. Он отличался отчаянным мужеством в бою и безупречными манерами на светских приемах, суровой справедливостью к нижестоящим и умением сохранять достоинство перед теми, от кого зависела его собственная судьба. После смерти кенига не кто иной как Дансубарг возглавил дворцовый переворот, который привел на асгардский престол его боевого соратника Раммара. Раммар немедленно пожаловал своему верному сподвижнику титул ярла, но и после этого Дансубарг продолжал выступать во главе легионов во славу Асгарда и сво-

его кенига. Многие придворные ненавидели дерзкого выскочка-простолюдина, но Дансубарг был выше злобного воя этих псов. А рядом с ним всегда была его верная и бесконечно преданная жена Ила, чья красота с годами не увядала, а лишь сияла все ярче. Казалось бы, все шло хорошо, если бы не слабость Дансубарга к женщинам. Увы, он нередко изменял Иле, заставляя ее безмерно страдать, хотя и возвращался к ней всегда. Но пропустить новую юбку было явно выше его сил. В его постели оказывались все новые и новые женщины: замужние дамы и совсем юные девушки, фрейлины и простолюдинки сменяли друг друга бесконечной чередой, и отнюдь не всегда он запоминал их лица. Чувствуя свою вину перед Илой, Дансубарг каялся, клялся, что совершил ошибку в последний раз, и умолял простить его. Ила давно перестала верить его словам, но лишь вздыхала и качала головой: она по-прежнему любила Дансубарга, и любовь ее оказывалась сильнее отчаяния. Между тем, родители Илы умерли, и она, испросив позволения мужа, взяла в дом свою младшую сестру Дайву, коей в ту пору минуло одиннадцать лет. Сестры ни в чем не походили друг на друга. Младшая не отличалась скромностью и кротостью, присущей старшей сестре, зато безумно завидовала высокому положению Илы. Дайва ни в чем не знала отказа, но ей хотелось самой стать хозяйкой этих бескрайних земель, иметь поместья и драгоценности. Разглядывая свое отражение в зеркале, Дайва приходила к выводу, что ни в чем не усту-

пает старшей сестре — природа наградила ее броской красотой, да и возраст был на ее стороне. До поры до времени Дансубарг не обращал никакого внимания на длинноногую девчушку, старавшуюся почаще попадаться ему на глаза. Он разговаривал с нею вежливо и безразлично и видел в ней всего лишь ребенка, но Дайва была терпелива: она не сомневалась, что ее час пробьет. Эта девочка была прирожденной интриганкой. Едва ей минуло четырнадцать, множество молодых людей принялись искать ее руки, однако, проявляя потрясающую разборчивость, Дайва отвергала всех. Она решила задержаться в доме Дансубарга как можно дольше. Юная красотка могла бы сделать блестящую партию, но ей хотелось не столько получить, сколько отнять, ведь слаще всего именно запретный плод.

Ребенок вырос, превратившись в образец женского совершенства, и вскоре Дансубарг все чаще стал бросать на Дайву заинтересованные взгляды. Однако он понимал, что всему есть предел. Завести интрижку с сестрой собственной жены в своем же доме было бы верхом гнусности, и он, стараясь не замечать весьма прозрачных намеков юной дивы, боролся с собой сколько мог. В конце концов, он решился избавиться от искушения, срочно выдав семнадцатилетнюю красавицу за весьма достойного молодого человека. Казалось бы, Дайве следовало смириться с судьбой, но не тут-то было. Во время брачной церемонии она была хороша как никогда прежде. Дансубарг глаз

с нее не сводил и вместо чувства облегчения испытывал невыносимую тоску и ярость при мысли о том, что девушка достанется другому. Он был вне себя и совсем обезумел от страсти. Когда же красавица будто ненароком кинула на него ответный, обжигающий, призывающий взгляд своих чарующих серых глаз, сознание ярла взорвалось единой мыслью: «Она должна быть моей!» Улучив момент, он приблизился к Дайве и шепнул: «Пойдем со мной!» Новобрачная и не пытаясь возражать, а сбежала прямо со свадебного пира. Едва приведя Дайву в свои покои, Дансубарг поспешил овладеть ею, и она отвечала на его ласки столь охотно и бойко, словно всю жизнь ждала этой минуты. Дансубарг был почти на вершине блаженства, когда горестный вопль заставил его прервать свое занятие и обернуться. Ила, с полными слез глазами, взирала на него и свою сестру.

— Что же ты творишь, мой повелитель?! — Даже она, прежде безропотно сносившая его измены, была поражена подобной непристойностью. — Разве мало женщин, с которыми ты можешь удовлетворять свою страсть? И разве я не делаю все возможное, чтобы только угодить тебе?.. О, лучше бы свет померк в глазах моих, лучше бы мне этого не видеть...

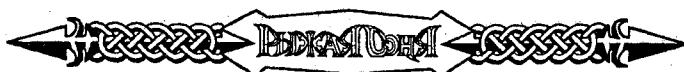
А Дайва глядела на сестру из-за плеча Дансубарга, изображая стыдливость, но взгляд ее был полон торжества и злобы. Ярл так и не нашел чем оправдаться.

На следующий день оскорбленная женщина, чаша терпения которой была наконец переполнена, попросила Дансубарга отпустить ее. Ярл понял, что перешел все границы. Он дорожил Илой и жалел о содеянном, однако было поздно. Вне себя от растерянности, он выкупил Дайву у мужа, которому так ни разу и не довелось насладиться ее прелестями, и по прошествии некоторого времени, как ему показалось, все взвесив, объявил ее своей женой взамен Илы. Возможно, он бы не пошел на это, однако Дайва сообщила, что ждет от него ребенка. Иле за все годы их брака так и не довелось подарить Дансубаргу сына, о котором тот страстно мечтал. Младшая сестра прочно заняла место старшей, а та просто ушла, исчезнув из его жизни, и с тех пор ярл ее больше не видел.

С триумфом завершив одну игру, Дайва тут же принялась за другую. Она вовсе не собиралась останавливаться на достигнутом и быть покорной тенью мужа. Ей хотелось безраздельно владеть его состоянием, а главное, порочная натура Дайвы не могла выносить, чтобы близким ей людям жилось спокойно. Она была рождена разрушать и уничтожать, чем с наслаждением и какой-то мрачной истовостью и занималась.

За считанные недели жизнь Дансубарга превратилась в кошмар. Дайва оказалась немыслимо скандальной, своим равной и склонной, не говоря уж о ее сверхъестественных запросах. О, ей бы не хватило и всех богатств Асгарда! Она постоянно тре-

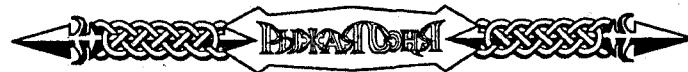
бовала от Дансубарга дорогих подарков, и если только ее что-нибудь не устраивало, поднимала такой крик и визг, словно ее убивают. Дансубаргу с трудом удавалось укрощать сию строптивую кобылицу, которая единственным законом почитала собственную спесь. Угодить ей было почти невозможно. Ярл попробовал было не обращать на нее внимания и снова поискать утешения на стороне, но он явно недооценил Дайву. То, о чем Ила молчала годами, сделалось всеобщим достоянием, и о нем пошли такие слухи и разговоры, что впору лезть в петлю. Дансубарг постоянно слышал сдавленные смешки за спиной, к которым отнюдь не привык, и принял отстаивать свою честь тем способом, которым владел в совершенстве — мечом и кулаками, он не сомневался, что сможет заткнуть рот кому угодно. Однако его действия привели к прямо противоположным последствиям. О Дансубарге стали говорить, будто он сошел с ума и бросается на всех, как дикий зверь, не различая ни врагов, ни друзей. Он и вправду сделался подозрительным и совершенно неукротимым. В каждом обращенном к нему слове Дансубаргу мерещился скрытый подвох. Кончилось тем, что во время великосветского приема он устроил жуткую драку во дворце кенига Раммара, и дело только чудом не дошло до убийства. Раздражение Раммара было весьма велико. Он уже устал выслушивать жалобы на своего фаворита, и готов был бросить его в камеру тюрьмы за попытку убийства. Но Дайва, рыдая, испросила у кенига ауди-

енции и принялась на коленях молить за своего беспутного мужа. Раммара растрогал вид беременной красавицы, проявившей такое мужество и верность брачным обетам, и он ограничился лишь тем, что запретил Дансубаргу в течение года появляться при дворе.

Весть о поступке Дайвы облетела весь Асгард. Народ был на ее стороне, и она ходила с видом терпеливой мученицы, потупив взгляд, иначе в нем бы слишком явно читалось торжество. Теперь ей оставалось разыграть последнюю карту, что она и сделала. Лойор, прежний оруженосец Дансубарга, явился к Раммару с известием, будто его господин из мести пытался подготовить верные ему отряды к бунту, и часть войск ждет лишь сигнала для начала действий. По словам Лойора, Дайва случайно услышала беседу мужа с одним из старших офицеров, но сама не может явиться во дворец, так как чудовище, Дансубарг, зверски избил ее, узнав о том, что ей все известно. По просьбе своей госпожи, находящейся чуть ли не при смерти, он, Лойор, поспешил с докладом к своему правителю...

Дансубарга немедленно арестовали, лишили всех прав, состояния и бросили в камеру. Дайва свидетельствовала против него. Поверить в то, что женщина, совсем недавно так отчаянно защищавшая своего мужа, с какой-то стати возьмется лгать, подписывая ему смертный приговор, было никак не возможно. Несчастный не сознавался в измене даже под пытками. Ни огонь, ни

плеть не могли заставить его возводить на себя напраслину, хотя от боли и унижений он почти лишился рассудка, тогда как Дайва сделалась едва ли не героиней Асгарда. По распоряжению кенига все состояние ярла перешло в ее безраздельную собственность, а самого Дансубарга ждала публичная казнь.

Он так и не узнал, кто подкупил охранников и устроил ему побег, кто был тем единственным другом, что не предал его в роковой час. Ярл бежал за два дня до казни, но совершил еще одну непростительную ошибку...

Пока Дансубарг был в тюрьме, Дайва благополучно разрешилась от бремени, и вместо того, чтобы немедленно покинуть Асгард, ярл явился в свой бывший особняк, чтобы увидеть сына — и, конечно же, вновь был схвачен слугами Дайвы. Однако Дайва не спешила вернуть мужа в камеру, а приказала своим прихвостням во главе с Лойором прикончить несчастного, и с удовольствием наблюдала за тем, как его, связанного и не способного оказать сопротивления, избивали. Убедившись, что Дансубарг вот-вот испустит дух, Дайва, которой пришла на ум новая мрачная фантазия, приказала: «Похороните его живым». Что и было исполнено. Ребенка Дансубаргу так и не довелось увидеть.

Вот такую историю бывший асгардский ярл рассказал Северу, а Вожак поведал Соне. Девушка слушала его долго и внимательно, потом тряхнула огненными локонами и проговорила:

— Между прочим, так ему и надо. Знала бы раньше, и не подумала бы его выкапывать.

Вожак ждал продолжения. Он не ошибся. Соня посидела пару минут молча, затем добавила:

— Впрочем, он уже и так достаточно жестоко наказан. А эта Дайва еще отвратнее, чем ярл, или кто он там теперь. Терпеть не могу, когда такие стервы торжествуют. Это несправедливо. Пожалуй, я помогу ему, но с одним условием.

— Каким? — улыбнулся Север, любуясь ее суровым выражением.

— Позови Дансубарга. При нем скажу.

Презрительно глянув на вошедшего, Соня произнесла:

— Говоря откровенно, ты настоящий мерзавец. Если хочешь, чтобы я тебе помогла, поклянись, что разыщешь Илу и вымолишь у нее прощение. Во всяком случае, теперь ты знаешь, как больно, когда тебя предают.

— Да,— с горечью сказал он, не смея поднять взгляда.— В тюрьме я понял больше, чем за всю прошлую жизнь. Я сделаю все, чтобы вернуть Илу.

— Хорошо,— удовлетворенно кивнула Соня.— Тогда собирайся. Мы возвращаемся в Асгард.

По дороге девушка заставила Дансубарга подробнейшим образом описать жизнь в его поместье, назвать имена слуг, рассказать, как выглядит каждый из тех, кто ближе всех находился к нему и Дайве.

Когда ярл в конце концов спросил, зачем ей все это нужно, Соня фыркнула:

— Хорошо же я буду выглядеть на месте твоей женушки, понятия не имея, к кому как следует обращаться. Ты что, в самом деле так глуп или прикидываешься? Не ты ли говорил, что я похожа на Дайву? Ну-ка, скажи, чего не хватает для полного сходства.

— Ну... она немного повыше ростом, волосы темнее, скорее бронзовые. Губы более полные...

— Это поправимо,— подытожила Соня.

— Но, во имя всех богов, что ты задумала?

— Небольшой розыгрыш, всего-навсего. Неужели не понятно?

Соня посвятила Дансубарга в дерзкий план, успевший созреть в ее хорошенькой головке, план, которым она имела все основания гордиться. Вот только удалось бы его осуществить... Соня надеялась, что удача не покинет ее: в таких рискованных делах любой пустяк способен перечеркнуть все.

— Но ты не сможешь проникнуть в поместье,— возразил Дансубарг.— Его охраняют огромные псы. Их пятеро, злобных, точно демоны, и выученных нападать, не лая. Меня они знают, но ты...

— И что, они весь день свободно бегают возле дома и живьем съедают каждого входящего?

— Нет, разумеется, их спускают с цепи только по ночам.

— А мы придем днем, только и всего.
 — По-моему, то, что ты предлагаешь, слишком опасно. Один раз я уже попался...
 — Ну, тогда ты был один и плохо соображал. Да что с тобой, Дансубарг? Неужели в тюрьме из тебя выбили все мужество, а Лойор с товарищами довершили начатое? Встряхнись! Вожак не даром послал с тобой именно меня. Я считаюсь одним из лучших бойцов в Логове...

— И ты презираешь меня, Соня,— тихо сказал он.— После того, что узнала обо мне...

Девушка пустила Чейту шагом, бок о бок с конем Дансубарга.

— Давай поговорим начистоту. Мне не важно, что было с тобой раньше. Я стану судить о тебе по тому, как ты поведешь себя теперь.

...С Эрдедом, воспоминания о котором были все еще слишком свежи в памяти Сони, особняк в поместье Дансубарга, не шел ни в какое сравнение, однако строил его человек, наделенный изысканным вкусом и смелой фантазией.

— Я хотел, чтобы дом освещался солнцем постоянно, ты увидишь, сколько там окон,— сказал Дансубарг.— Терпеть не могу темноту, мрак, низкие потолки, тесные комнаты. Воздуха и света никогда не бывает слишком много.

— Красиво,— проговорила Соня, залюбовавшись домом.

— Тебе нравится, правда? Здесь все придумано мною,— не без гордости сказал Дансубарг.— До

малейшей детали. Знаешь, мне никогда не было все равно, где жить.

Соне хотелось сказать, что лучше бы он занимался о том, не где, а с кем, но сдержалась.

Вместо глухой каменной ограды особняк окружала ажурная решетка. Несмотря на высоту, перелезть через нее для Сони не составляло никакого труда, хоть с завязанными глазами. Возле дома был разбит огромный парк — тоже весьма кстати, есть где спрятаться.

— Ну что ж,— улыбнулась Соня,— веди меня в свои владения.

Действовать требовалось предельно осторожно и уж конечно не лезть напролом через главные ворота. Навыки ловкой шадизарской воровки и здесь пригодились Соне. Оказавшись на территории Астера и памятуя о том, что до темноты необходимо попасть в дом, дабы не растерзали собаки, девушка через черный ход пробралась туда, оставив Дансубарга снаружи — ему псы не страшны. Если бы требовалось похитить какую-нибудь вещь, подумала Соня, то хватило бы получаса — как ни странно, никакой охраны Дайва не выставила, да и ее самой дома не оказалось.

Соня поднялась на второй этаж и с помощью нехитрой отмычки открыла замок двери, ведущей в покой Дайвы. Добравшись до гардероба, Соня подыскала себе подходящее одеяние и, прижав платье к груди и немного покрутившись перед зеркалом, осталась собой довольна.

Стук копыт во дворе возвестил о том, что Дайва вернулась и, судя по всему, как поняла Соня, осторожно выглянув в окно, с охоты. Особняк немедленно ожила. Слуги готовы были сбиться с ног, стараясь угодить спесивой хозяйке. Копия Хегбы, неприязненно подумала Соня, проскользнув в комнату личной прислуги Дайвы. Если эта стерва не успела сменить служанку, все пройдет лучше некуда...

Дайва ворвалась как ураган и тут же накинулась на прислугу — Соня услышала звук звонкой оплеухи. Знакомая картина! Служанка Сурайя, естественно, смолчала и принялась заниматься туалетом своей госпожи, которая продолжала поносить ее на чем свет стоит, перемежая бранью сетованиями на то, что «эта тварь опять ускользнула», а ведь она, Дайва, подняла на ноги две сотни егерей для охоты на «проклятого оборотня» и приказала пустить в ход стрелы с серебряными наконечниками... О чем это она, не поняла Соня. Похоже, тут появились новые загадки.

Не прошло и часа, как Дайва была готова спуститься в столовую, и Сурайя, сопроводив ее и препоручив заботам других слуг, возвратилась к себе. Каков же был ужас девушки, когда, открыв дверь своей конуры, она лицом к лицу столкнулась... со своей госпожой! От потрясения Сурайя и вскрикнуть не смогла, только прижала руку к груди и, закатив глаза, сползла по стене на пол. Соня слегка похлопала ее по щекам, приводя в чувство, и когда взглядела Сурайи

принял более осмысленное выражение, прошептала:

— Тихо, милая; я не призрак и не твоя хзяйка.

Та судорожно закивала, ничего не понимая.

— А... а... кто ты?!

— Не бойся. Ты помнишь своего прежнего господина, Сурайя?

Глаза молодой служанки мгновенно наполнились слезами.

— Ну, брось плакать. Я знаю, ты любила его, — улыбнулась Соня. — Так вот, ему нужно помочь.

— Он жив? — недоверчиво спросила та. — Боги, о, если бы это было правдой! Дайва всех со свету сживаєт, совсем обезумела... Ярл, тот всегда слуг ценил, он добрый был и на деньги, и на подарки... Мы все его любили, не я одна. А теперь одни крики да оплеухи! Никакого житья не стало!

— Ладно, не болтай, и гляди, не выдавай, что я здесь. Бернется твой господин, наведет порядок. Помоги-ка мне лучше. Сделай прическу в точности как у Дайвы, сумеешь? Я слышала, ты по этой части весьма искусна, и насчет лица мастерица.

Сурайя хихикнула.

— А то нет. Дайва бы давно меня выгнала или еще чего похуже, но обойтись без меня не может.

Дансубарг не ошибся, отзовавшись об этой девушке как о не очень умной, но честной и пре-

данной ему: когда-то он спас ее отца, выплатив за него большой долг, и в семье Сурайи его весьма почитали. Эти простые люди умели помнить добро.

К моменту возвращения Дайвы служанка успела сделать все, что от нее требовалось, проявив поразительную расторопность и незаурядное мастерство, и тут же занялась исполнением прихотей своей госпожи. Дождавшись, пока та уснет и весь дом затихнет, Сурайя снова скользнула к себе.

— Ну до чего вы с ней вышли похожи! — прикрыв рот рукой, чтобы не ровен час не хихикнуть слишком громко, восхитилась она плодами своего труда. — Отличить невозможно!

— Ты молодец, — похвалила Соня. — Но это только начало, веревку принести можешь?

Сурайя исполнила и это. Закрепив веревку и выкинув свободный конец в окно, Соня перегнулась через подоконник и негромко свистнула. Спустя минуту Дансубарг поднялся к ним. Увидев своего господина живым, Сурайя не смогла сдержать чувств и бросилась ему на шею.

— Ты меня задушишь, дурочка... — улыбнулся Дансубарг. — Давай лучше делом займемся.

...Пробуждение Дайвы было таким, что она не сразу отличила его от продолжения сна. Перед нею стоял... ее собственный призрак-двойник в белом, слегка колышущемся одеянии и со свечой в руках! Сказать, что она была потрясена, значит не сказать ничего. Дайва лишилась дара речи.

Боги, лицо, которое она сотни тысяч раз видела в зеркале... Нет, это невероятно! Но и это еще не все, ибо за спиной первого призрака возник второй, еще более жуткий: мертвый — в том, что он мертв, Дайва не сомневалась — Дансубарг в боевых доспехах стоял, опираясь на меч, и не мигая взирал на нее.

— Все кончено, Дайва, — проговорил он, и она потеряла сознание.

...Наутро Дайва явилась к завтраку чуть позже обычного, была несколько рассеяна и выглядела усталой, но и только. Отдала несколько незначительных распоряжений и вернулась к себе, сославшись на разыгравшуюся мигрень. Спустя час явился дворецкий с докладом, сообщив, что ее аудиенции дожидается начальник городской стражи. Хозяйка Астера велела впустить его; разумеется, Соня видела этого человека впервые в жизни и понятия не имела, о чем пойдет разговор, но тот, раскланявшись, заговорил первым:

— Мы до сих пор не нашли убийцу Лойора.

— Это ужасно, — резко проговорила она. — Возможно, плохо искали.

— Но дело запутывается по известным вам обстоятельствам... Единственный свидетель продолжает утверждать, что женщина, совершившая убийство, как бы это точнее сказать...

— Знаю, знаю, слышала уже. Этот пьяница указывает мои приметы? Он не способен отличить одну женщину от другой! Как мне это надоело!

В день убийства Лойора меня видели десятки людей здесь, в Астере, я не выезжаю за пределы поместья, тем более без сопровождения, с тех пор, как мой бедный муж бежал из тюрьмы. Ведь он очень опасен и, кстати, его тоже до сих пор не поймали. Кошмар, просто кошмар!

— Но, моя госпожа, та женщина была не одна. С нею был сообщник... разглядеть его лица наш свидетель не смог.

— Да. Мой призрак ходит по Асгарду на пару с неведомым приятелем и убивает моих людей. Я в восторге от ваших успехов,— язвительно проговорила Соня.— Убрайтесь вон из моего дома и не появляйтесь в Астере до тех пор, пока не сможете сообщить ничего более вразумительного.

Выпроводив начальника стражи, Соня, изображая крайнее бешенство, швырнула в стену хрустальный графин, а спустившись вечером к обеду, извела слуг придираками по поводу отвратительно приготовленных блюд, сервировки и тому подобного, следя только за тем, чтобы не переиграть, но, кажется, все проходило просто замечательно, во всяком случае, украдкой бросая взгляд на Сурайю, Соня неизменно встречала заметный ей однажды одобрительный кивок. Дайва из нее получалась хоть куда.

Но оказалось, что ей уготовано еще одно испытание. Ближе к ночи Сурайя предупредила:

— Сегодня заявится Гантар... будь осторожна.

Дансубарг много чего говорил Соне об этом человеке.

— Он ведает охраной Астера,— пояснила Сурайя.— Прежде был телохранителем ярла.

— Я знаю, кем он был,— кивнула Соня.— Но что значит «заявится»? Что, я не могу попросту не впустить его к себе?

— Вряд ли. Гантар спит с Дайвой, и уже давно.

Ах вот как! ИграТЬ роль любовницы этого предателя?! Да никогда в жизни. Ничего, теперь ему придется попоститься.

Тот, кого Сурайя называла Гантаром, тоже был знаком Соне. Он оказался одним из той троицы на кладбище. Вероятно, он привык к более радушному приему, нежели тот, который был оказан ему на этот раз. Войдя в спальню Дайвы, он уж слишком рьяно взялся за дело и был неприятно поражен, когда Соня бесцеремонно оттолкнула его.

— В чем дело, любимая? Я тебя просто не узнаю,— произнес он торопливо.— Ну, не ломайся, не капризничай.

— Да неужели? — прищурилась она.— Знаешь, Гантар... я много думала и поняла, что ты ведешь со мной нечестную игру. Лойор не идет у меня из головы.

— При чем тут Лойор, дорогая? И зачем мне обманывать тебя, мать моего сына?..

Соня едва не расхохоталась. Так вот как давно длится эта связь. Ребенок Дайвы не имеет к Дансубаргу никакого отношения.

— Кто убил Лойора? Ты думаешь, я способна поверить, будто это дело рук женщины?!

— Ну не моих же. Ты знаешь, что я вернулся в Астер сразу же, как мы все закончили, и не покидал его несколько дней.

— Не твоих. Дансубарга.

Гантар рассмеялся, неестественно и зло.

— Дайва, забудь о нем, он давно мертв! Милая моя, мы забили его почти насмерть у тебя на глазах и сбросили в яму, не развязывая. Он не мог выбраться, это исключено, и тем более на следующее утро кого-то убить...— Гантар предпринял новую атаку.

— Не трогай меня,— взвизгнула Соня.— Я видела кошмар... будто Дансубарг встает из могилы... Это видение каждую ночь не дает мне покоя, я боюсь, Гантар — что он сделает с нами, если... если вернется?!

— Знаешь, Дайва, от твоих фантазий голова идет кругом. То тебе мерещилась какая-то белая олениха, теперь оживший мертвец! Говорю тебе, все в порядке!

— Нет, Гантар, нет. Прошу тебя... ради нашей любви... проверь еще раз. Богами тебя заклинаю! Поехай туда, посмотри... Я не могу ни о чем думать, не могу предаваться любви, пока ты этого не сделаешь!

— Ну что ж,— со злостью и явным разочарованием прошипел Гантар, сверля ее мутными от страсти глазами,— я поеду немедленно и еще до рассвета привезу тебе его руку или голову. Лишь бы ты прекратила изводить себя дурацкими сомнениями!

Он хлопнул дверью так, что, кажется, весь дом содрогнулся, и Соня облегченно откинулась на подушку, услышав по стуку копыт, что Гантар ускакал. Нелегко же ему будет исполнить обещанное, злорадно подумала она. До рассвета!.. Как бы не так! Интересно посмотреть, с какими глазами он вернется назад. Соня позвонила в колокольчик, призывая Сурайю.

— Я его выпроводила, полагаю, надолго. А ты слышала о белой оленихе?

— Это странная история.— Служанка побледнела и передернулась, словно на нее внезапно повеяло холодом.— Бродила тут одна; ее многие видели, особенно в сумерках или когда опускались туманы. Точно ручная, близко людей подпускала, и трубила так страшно, будто плакала. Однажды на охоте Дайва сама с нею столкнулась, а выстрелить не смогла, словно руки отнялись. Потом ночью позвала меня, вот как ты сейчас. Я прибежала, смотрю — госпожа сидит на полу и трясется так, что зуб на зуб не попадает, и на окно показывает, говорит, та олениха только что в упор на нее глядела... А до земли-то сколько?! С утра всех подняла, велела окрестные леса обыскать — не нашли даже следа копыт. Выходит, олениха-то по воздуху летает. Потом ее опять видели...

— Действительно странная история,— задумчиво проговорила Соня.— Ты, Сурайя, сбегай завтра домой, погляди, что там и как.

— Не волнуйся, мои отец, эту стерву не проморгает,— улыбнулась служанка.

Утро принесло новые неожиданности и загадки. Гантар все-таки возвратился, хоть и не до рассвета, как обещал, и... бездыханный. Его принесли в Астер в середине дня с проломленным черепом, причем удар, отправивший предателя на Серые Равнины, был нанесен не человеком, это Соня определила сразу, хотя старательно изображала панический ужас и растерянность. Все говорило о том, что его лягнула лошадь или... какое-то другое животное, имеющее копыта. Гантара нашли на старом кладбище возле разрытой пустой могилы. Что он там делал, да еще ночью, никто, кроме Сони, не понимал. На мертвом лице его застыло выражение предельного страха: что увидел Гантар в последние мгновения? Этого не знала и она.

Навестив своего отца-лесничего, Сурайя пришла в Астер в прекрасном настроении и сообщила, что все складывается как нельзя лучше: Дайва еще не оправилась от потрясения и даже не пытается бежать, просит только не убивать ее.

— Мне она нужна живой,— сказала Соня.— Так что пусть не беспокоится за свою драгоценную шкуру.

Узнав о смерти Гантара, Сурайя весьма воодушевилась, произнеся что-то вроде «собаке — собачья смерть», но тут же встревожилась:

— А кто его...

Соня пожала плечами.

— Не я. И не Дансубарг. В общем, понятия не имею, но похоже на то, что какое-то животное.

Сурайя смертельно побледнела.

— Она... это она!..

— Да кто?! Тебе что-то известно?

— О... олениха! — выдавила служанка.— Ой, я боюсь... боюсь привидений, оборотней!..

Соня как могла успокоила свою подругу, хотя у нее самой душа была не на месте. Никаких других «привидений», кроме самой себя, она не ожидала здесь встретить ни в человеческом, ни в зверином обличье. Но отмахнуться от жутких рассказов было невозможно. Тем более после того, как той же ночью Соня убедилась в их правдивости. Она проснулась около полуночи от сжавшей сердце необъяснимой тревоги, чувствуя на себе чей-то пристальный взгляд. Соня медленно повернулась к темному окну... и едва не закричала: на нее глядели огромные влажные карие глаза. Снежно-белое животное, как бы замерло в воздухе по ту сторону окна, и в его совершенно человеческом взгляде стыла тоска, чуткие ноздри вздрагивали и раздувались. Пересилив страх. Соня поднялась с постели и подошла к самому окну, стараясь выдержать этот взгляд и ни в коем случае не отвести глаз.

— Кто ты? — спросила она.— Что тебе нужно, неприкаянная душа?

Глаза зверя изменили выражение: теперь в них читалось удивление. С минуту олениха белым облаком колыхалась в воздухе, потом развернулась, пошла прочь, горестно трубя — от этого жуткого звука кровь стыла в жилах,— и растаяла в темноте, так и не коснувшись копытами земли.

Только тут Соня почувствовала, что ноги у нее дрожат, а все тело покрыто липкой испариной. Она никак не могла перестать трястись, вдобавок принялась неудержимо икать от страха. Ей хотелось позвать Сурайю, но она и голоса-то лишилась — рот открывала, а звуки не получались. Лишь спустя полчаса она успокоилась настолько, чтобы соображать, и решила сохранить ночное происшествие в тайне: что толку больше прежнего пугать Сурайю? Еще наделает глупостей... Ни к чему так рисковать.

Еще через три дня покончил с собой третий участник казни Дансубарга, его нашли болтающимся в петле в собственном доме. Своей ли рукой он накинул себе веревку на шею или с чьей-то помощью, осталось тайной, но, учитывая, что дверь была заперта изнутри и окно плотно закрыто, выходило, что он все-таки сам свел счеты с жизнью. Вот только с чего бы, не совесть же замучила?! Что-то неладное творилось в Астере, в дело явно вмешивались потусторонние силы — в этом Соня не сомневалась, весьма сожалея о том, что не владеет магией. Она испытывала непреодолимое желание поскорее разделаться с этой историей, но для этого требовалось добиться приглашения во дворец Раммара.

Однажды вечером в одиночестве прогуливаясь по парку возле особняка и обдумывая, что делать дальше, Соня внезапно остановилась как вкопанная. Прямо перед ней выросла белая олениха, только на этот раз она твердо стояла на зем-

ле, нагнув голову и ударяя копытом в землю. Соня невольно отпрянула — похоже, ей предстояло разделить судьбу Гантара. Олениха вела себя так свирепо, будто защищала потомство. Опомнившись, Соня выхватила нож: убегать от такого животного не имело смысла, человеку не сравниться с ним в скорости. Олениха прыгнула на девушку, рассчитывая сбить с ног и затем затоптать копытами, Соня едва увернулась и метнула нож, тот самый, созданный для нее Арвиной и не знающий промаха. Однако он пролетел мимо, даже не задев животное! Лишившись своего оружия, Соня поняла, что обречена. Она могла теперь только уворачиваться, ибо олениха бросалась на нее как безумная. Отступая, Соня поскользнулась на влажной от вечерней росы траве и не удержалась на ногах. Смертоносные копыта были всего в нескольких дюймах от ее головы, и тут Соню словно озарило.

— Я не Дайва! — крикнула она. — Не Дайва...

На миг сознание померкло, а когда девушка вновь открыла глаза, никакой оленихи не было. Все еще в изумлении и страхе, Соня встала на ноги и подняла свой нож. Почему он подвел ее? Уже второй раз. Ведь, брошенный в Дансубарга, он тоже только ранил противника, вонзившись в плечо, а не в сердце. А тут и вовсе... Что, если этот нож сам знает, кого убивать, а кого нет?! Значит, белая олениха не заслуживала смерти...

Соня привыкла любое начатое дело доводить до конца, но теперь ей было попросту не изба-

виться от желания покинуть Астер. Ждать пришлось недолго. Раммар не забыл о Дайве. О ней в Асгарде всё еще продолжали много говорить, и, узнав о странных событиях в поместье, о том, что хозяйка Астера растеряна и напугана загадочной гибелью уже троих верных ей людей, что она никуда не выезжает, кениг решил сделать широкий жест, лично засвидетельствовав ей свою благодарность и готовность оказать любую поддержку. Гонец Раммара прибыл в Астер со столь необходимым Соне приглашением, и девушка немедленно принялась готовиться к выходу в свет. По счастью, ее с детства обучали премудростям этикета. Через Сурайю известив Дансубарга о том, что близится развязка, Соня думала теперь только о том, как бы не случилось ничего непредвиденного. Сурайя непрерывно восхищалась Соней, уверяя, что она в сто раз красивее Дайвы, но девушку это вовсе не радовало.

— Да я не должна отличаться от нее, пойми ты! — втолковывала она служанке. — Представь себе, Дайва запугана, подавлена и вдруг является этакой богиней! Нарисуй-ка ты мне лучше темные круги под глазами, которые я вроде как изо всех сил стараюсь скрыть под слоем белил. Пойми, сейчас Дайва не должна быть неотразимой!

Уразумев, что от нее требуется, Сурайя постаралась на славу. Посмотрев на себя в зеркало. Соня удовлетворенно кивнула. Выглядела она теперь так, словно не спала минимум неделю и изряд-

но сбросила в весе. Можно себе представить, какое впечатление она произведет, явившись во дворец в таком виде.

Прибыв в резиденцию правителя Асгарда, «Дайва» была невероятно рассеянна и чуть ли не заговаривалась. Ее тряслось, как в лихорадке, и на сочувственные вопросы она отвечала, едва шевеля губами: «моя жизнь в последнее время ужасна...» Казалось, она едва сдерживает слезы. Сам кениг принял усилия успокаивать ее, уверяя, что дерзкого преступника вот-вот поймают, но «Дайва» была безутешна. Она не могла ни есть, ни танцевать, ни толком поддерживать беседу, делясь час от часу все более встреможенной. Бедняжка собрала вокруг себя толпу сочувствующих и кончилось тем, что она вдруг пошатнулась и упала в обморок, вызвав тем самым подлинный переполох. Подоспевший лекарь суетился возле несчастной, но привести ее в чувства никак не удавалось, казалось, «Дайва» вот-вот умрет. Но вдруг она с диким криком открыла полные ужаса глаза.

— Змеи... змеи... — лихорадочно шептала она, вцепившись в свои волосы. — Они ползают по мне, душат меня! О, не-ет... Дансубарг, прости, я поступила ужасно, оболгав тебя перед кенигом! Спасите меня... змеи... я умираю... своими раздвоенными языками они слизывают кровь невинного с моих рук, но она пропадает снова... — Она подняла трясущиеся кисти и поднесла их к лицу,кусая губы. — Боги, что же я натвори-

ла... Все мертвы... Лойор, Гантар, Керр... все, кто был причастен к моему преступлению... Теперь моя очередь... Змеи высасывают мое сердце за то, что я совершила, предав невинного... ибо я обрекла его на ужасные пытки и позорную смерть...

— Ведьма,— проскряжал Раммар, содрогаясь от ее откровений.— Взять ее!

Задыхающуюся и разрывающую на себе одежды «Дайву» грубо поставили на ноги, а она сопротивлялась и все норовила рухнуть к ногам кенига, продолжая каяться во всех смертных грехах и не забывая при этом приукрасить свою исповедь бормотанием о змеях. Слуги Раммара поволокли ее прочь, и теперь Соня была готова молиться кому угодно, лишь бы Дансубарг не опоздал: подвергнуться пыткам и быть сожженной вместо Дайвы ей вовсе не хотелось. Когда Соню выводили из парадной залы дворца, она наконец-то услышала возглас:

— Остановитесь!

Дансубарг бежал к ней через анфиладу залов, Раммар шагнул ему навстречу.

— Дансубарг... боги мои... она только что во всем призналась!

Ярл склонился перед кенигом.

— Это должно было случиться,— задыхаясь, проговорил он.— Я служил честно тебе и Асгарду... Мог ли я думать, что судьба моя будет разбита из-за навета собственной жены? Если я кого-то предал — то только мою Илу, но не тебя, мой

господин и повелитель. Позволь же мне теперь сказать этой ужасной женщине несколько слов наедине — а потом да будет воля твоя на то, как с нею поступить! — Он схватил Соню за руку и увлек за собой. Дансубаргу не стали препятствовать. Захлопнув за собой дверь одной из парадных комнат, ярл прошептал:

— Соня, ты всех перехитрила...

— Да ладно тебе,— отмахнулась девушка.— Бежать мне надо, пока не сожгли! Где настоящая Дайва, Нергал тебя разорви?!

— Здесь она.— За маленькой дверью в стене на ступенях, ведущих вниз, без чувств лежала связанная Дайва.— Поменяйся с ней платьем,— сказал Дансубарг и втащил женщину в комнату.

Соня мгновенно выполнила его просьбу.

— Дальше что?!

— Теперь быстро вниз: иди, я приду за тобой,— пообещал Дансубарг, благодарно глядя на Соню.

— Пожалуй, мне проще уйти одной,— возразила она.— Я пойду, разумеется, не в Астер, а к родителям Сурайи, у них и встретимся. Не хватало еще, чтобы все узнали, что у Дайвы был двойник.

Соня без труда покинула дворец, где всех занимало лишь одно — признание Дайвы.

Дансубарг возвратился на следующий день. Он с трудом находил слова, способные выразить его благодарность, но Соня быстро прервала его восторженную речь:

— Ладно, хватит. Свою часть договора я выполнила, а ты?.. Ведь ты клялся мне и Северу разыскать Илу.

Дансубарг как-то странно посмотрел на нее.

— Соня... я уже сделал это. Но она...— Он замолчал, борясь с волнением.

— Говори,— попросила девушка.— Что произошло? Наверное, она не хочет тебя видеть. Расскажи мне правду.

Он поднял глаза, полные невыразимой муки.

— Ила больше не человек.— Голос Дансубарга сорвался.— Не знаю, как тебе объяснить...

Соня положила руку ему на плечо.

— Не надо ничего объяснять. Я знаю. Я видела... белую олениху. Это... она, ведь так?

Дансубарг закрыл лицо руками.

— Да, Соня. Когда мы расстались. Ила стала жить вместе с моими родителями, попросив их ничего не сообщать мне. Они приняли ее как родную дочь. Она очень страдала... она даже хотела покончить с собой, если бы не одно обстоятельство: Ила ждала от меня ребенка! Ну почему, почему она мне не сказала?!

— Она не хотела только этим удержать тебя.

— Может быть... не знаю... Все могло быть совсем иначе, Соня!

— И что же?

— У нее родился сын... *мой* истинный сын! Однако Ила, препоручив его заботам моей матери, каждый день уходила из дома к реке и плакала там, пока не иссякнут слезы. А когда я

попал в тюрьму, она стала думать, как вызволить меня оттуда. Ила решилась подкупить стражу, но у нее не было ни денег, ни драгоценностей, ничего, чтобы заплатить за меня, ведь она ушла из Астера, ничего не взяв с собою. Тогда Ила пошла к знаменитому колдуна, и он предложил ей денег, но с одним условием. Ила должна была продать единственное, что у нее осталось — свою красоту — уродливой от рождения дочери этого колдуна, а взамен получить обличье дикого зверя.

— И она согласилась.

— Да. Она пошла на это, спасая мне жизнь. Я бежал, а Ила в ту же ночь превратилась в белую олениху.

— Как же ты узнал об этом, Дансубарг?

— От отца Сурайи. Он хранил тайну Илы даже от собственной дочери. Я встретился с нею... Боги... Она узнала меня, Соня! Но она не хотела, чтобы я видел ее *такой*, и попыталась бежать. Я погнался за нею... крикнул ей: «Ила, ты принимала меня, когда я был безумнее зверя: неужели теперь я не приму тебя? Вернись ко мне, иначе я убью себя». Она остановилась, подошла ко мне, и я увидел, что глаза у нее остались прежними. Соня, я жестоко отверг ее и не умел ценить, когда она была прекрасной женщиной, а теперь, клянусь, до конца дней своих готов любить ее в облике оленихи, ведь не только глаза, но и ее верное, смелое сердце осталось прежним. Я понял это! Идем: я хочу, чтобы и ты узнала мою Илу.

Вместе с Соней Дансубарг вышел из дома и осторожно двинулся вперед. Он шел, то и дело озираясь и произнося имя своей жены, но она не отзывалась.

— Я не понимаю, что происходит,— растерянно проговорил он, оборачиваясь к Соне.

И тут треск веток разорвал тишину леса. Красавица-олениха шагнула им навстречу, явившись на зов своего возлюбленного, но это было последним, что она могла совершить. Ноги едва держали ее, а по белоснежной шерсти на траву стекала алая кровь. Дансубарг в отчаянии закричал, бросился к ней, а олениха опустилась на колени и тяжело легла на землю у его ног.

— Подожди.— Соня отстранила его.— Смотри: стрела! Ее кто-то ранил. Сейчас... я сама все сделаю. Ила! — Девушка посмотрела в полные боли глаза животного.— Доверься мне, потерпи, удержи кровь, милая, я помогу тебе.

С этими словами Соня извлекла стрелу из груди животного, бросив взгляд на окровавленный наконечник.

— Серебро,— прошептала девушка.— В нее стреляли как в оборотня! Это приказ Дайвы...

Дансубарг прижал голову оленихи к своей груди и, не переставая, гладил белоснежную шерсть.

— Ила, Ила, я уйду вместе с тобой...

И тут зверь начал меняться. Как происходит с оборотнем, которого коснулось серебро. Человеческий облик стал стремительно возвращаться к Иле, и спустя несколько минут на траве лежа-

ла прекрасная светловолосая женщина. Однако бедное сердце Илы билось всё слабее, она с любовью смотрела на Дансубарга, молча прощаясь с тем, кто был ей дороже жизни.

Соня бессильно наблюдала за происходящим, понимая, что уже ничего нельзя ни исправить, ни изменить. В глазах у нее стояли слезы. Но вдруг что-то обожгло ее бедро сквозь одежду. Соня вздрогнула, опуская глаза: раскалившись сам собою нож Арвины напомнил о себе! Ни о чем не думая, повинувшись порыву, Соня выхватила его из ножен и приложила лезвие к открытой ране на груди Илы...

Несколько дней Ила боролась со смертью, пока не стало ясно, что она выживет. Дансубарг ни на секунду не отходил от жены и не отпускал ее руки, словно отдавая ей свои силы и согревая жаром своего сердца. И только позже, вновь обретя способность говорить, Ила сама рассказала о том, что произошло с нею; о том, как она приходила в Астер, чтобы отомстить сестре за Дансубарга, как убила Гантара, довела до безумия Керра и готовилась убить Дайву, поняв, что черному сердцу этой гадины не ведомо раскаяние...

Соня провела в Астгарде около двух недель (разумеется, в тайне от тех, кто мог заподозрить в ней двойника Дайвы). Для Илы и Дансубарга кошмар закончился. Как-то, разговаривая с ними, Соня поймала себя на мысли о том, что она вов-

се не против того, чтобы на свете существовал человек, на которого она могла бы смотреть так, как эта женщина на своего мужа. Но только она, Соня, не способна безоглядно прощать предательство, какой бы ценой оно ни было искуплено... Впрочем, что об этом думать. Пока ее ждет Логово, Разара, Север. При мысли о нем сердце Сони забилось сильнее. Сколько же времени она не видела Вожака? Да, пора возвращаться. Дорога в Гиперборею вновь властно звала ее, и сейчас Соня твердо знала, что это дорога домой.

СОДЕРЖАНИЕ

Джордж Бейли
ВЛАДЫКА ПАДШИХ

7

Энтони Уоренберг
ВРАТА ЧЕРЕПА

314

Литературно-художественное издание

ДЖОРДЖ БЕЙЛИ
ЭНТОНИ УОРЕНБЕРГ

РЫЖАЯ СОНЯ И ВЛАДЫКА ПАДШИХ

Ответственный редактор *Наталья Баулина*
Выпускающий редактор *Наталья Памфилова*
Главный художник *Сергей Шикин*
Шрифтовой дизайн *Дмитрия Вяземского*
Художники *Владислав Асадуллин, Кирилл Рожков*
Художественный редактор *Андрей Татарко*
Верстка *Корнея Дамаскинского*
Корректор *Вера Чаленко*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 25.06.98 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Палатино». Печать
высокая с ФПФ. Бумага типографская. Усл. п. л. 23,52.
Тираж 7000 экз. Заказ № 1041.

Издательство «Северо-Запад».
Лицензия ЛР № 071380 от 20.01.1997 г.
194352, Санкт-Петербург, ул. Кустодиева, д. 16, корп. 3.

Для писем:
197046, Санкт-Петербург, а/я 771.
E-mail: sevzap@infopro.spb.su.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от
27.08.97. 220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35—305.

Ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат
ППП им. Я. Коласа. 220005, Минск, ул. Красная, 23.

Качество печати соответствует качеству предоставленных
издательством диапозитивов.

РЫЖАЯ СОНЯ

Через пятьсот лет после правления Конана
Аквилонского, орды варвров предают
Хайборию огню и мечу.

В этот жестокий мир приходит воительница,
неустрашимая гирканка Рыжая Соня,
встреча с которой ждет Вас в новом сериале
героической фэнтези издательства
«Северо-Запад»

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ВЛЕДЫКА ПАДШИХ

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ВЛЕДЫКА ПАДШИХ

Северо-Запад[®]

В СЕРИИ
«САГА О КОНАНЕ»
ВЫШЛИ СЛЕДУЮЩИЕ ТОМА:

1. Конан и четыре стихии
2. Конан и боги тьмы
3. Конан и меч колдуна
4. Конан бросает вызов
5. Конан и повелители пещер
6. Конан и песня снегов
7. Конан и Небесная Секира
8. Конан на Дороге Королей
9. Конан принимает бой
10. Конан и карусель богов
11. Конан и дар Митры
12. Конан и Ночные Клинки
13. Конан и грот Дайомы
14. Конан и Зеркало Грядущего
15. Конан и Время Жалящих Стрел
18. Конан и бич Нергала
19. Конан и город плененных душ
20. Конан и Источник Судеб
21. Конан и сердце Аримана
22. Конан и Багровое Око
23. Конан и призраки прошлого

•Северо-Запад®

24. Конан и воинство мрака
25. Конан, варвар из Киммерии
26. Конан и Рыжий Ястреб
28. Конан и заговор теней
29. Конан и копье Крома
30. Конан и врата вечности
31. Конан и алмазный лабиринт
32. Конан и расколотый идол
33. Конан и чаша бессмертия
34. Конан и ледяной страж
35. Конан и торговцы грезами
36. Конан и алтарь победы
37. Конан и битва бессмертных
38. Конан и пожиратели плоти
39. Конан и Берег проклятых
40. Конан и оковы безмолвия
41. Конан и Владычица Небес
42. Конан и Древо Миров
43. Конан и кольцо власти
44. Конан и зов Древних
45. Конан и пророк Тьмы
46. Конан и гнев Сета
47. Конан и Храм Ночи
48. Конан и король воров
49. Конан и подземный огонь

•Северо-Запад®

**ЧИТАЙТЕ
диалогию
«ПОЛУНОЧНАЯ
ГРОЗА»**

т том 49
«Конан и подземный огонь»
т том 50
«Конан и мятеж четырех»

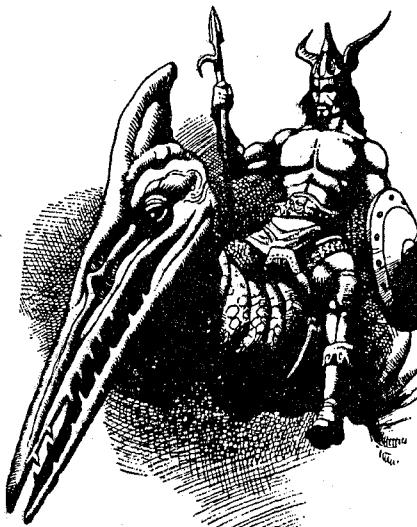
Роман выдающегося мастера
героической фэнтези Олафа Бьорна
Локнита заставит вас пережить
катастрофу, едва не погубившую
Хайборию, и позволит раскрыть
самую сокровенную тайну мира
Конана.

•Северо-Запад®

Читайте
новый том
захватывающей
«Саги о Кулле»

**КУЛЛ
И БРАТСТВО
МЕЧА**

•Северо-Запад®

Впервые в России!

**ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
МАСТЕРА ФЭНТЕЗИ,
СОЗДАТЕЛЯ «САГИ О КОНАНЕ»
РОБЕРТА ГОВАРДА**

Вместе с героями Говарда
окунитесь в мир
головокружительных приключений,
где клинки и отважные сердца
противостоят
чёрному колдовству.

Впервые в России!

**ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ**

МАСТЕРА ФЭНТЕЗИ,
СОЗДАТЕЛЯ «САГИ О КОНАНЕ»

РОБЕРТА ГОВАРДА

**вышли в свет
следующие тома:**

- Черный камень•
- Ночь волка•
- Гончие смерти•
- Проклятие океана•
- Клинок судьбы•
- Железный кулак•
- Кровь Богов•
- Лик смерча•
- Тень ястреба•
- Врата Империи•
- Знак огня•
- Воин снегов•
- Тропа войны•
- Брат бури•

***** fantasy *****

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД»
ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ «FANTASY»

ОДИН ТОЛЬКО ШАГ В СТОРОНУ —
И МИР ИНОЙ РЕАЛЬНОСТИ ОТКРОЕТСЯ ПЕРЕД ВАМИ.
ВООБРАЖЕНИЕ — КЛЮЧ К ЕГО ВРАТАМ

МУЖЕСТВО И ВЕРНОСТЬ —
НАДЕЖНЫЙ щит против зла

**БАРБАРА ХЭМБЛИ и МАЙКЛ МУРКОК,
РОБЕРТ ГОВАРД и ТЭНИТ ЛИ,
ДЖОН М. РОБЕРТС и МЕРСЕДЕС ЛЭКИ**

СТАНУТ ВАШИМИ ПРОВОДНИКАМИ
В ЗАГАДОЧНОМ МИРЕ ФЭНТЕЗИ

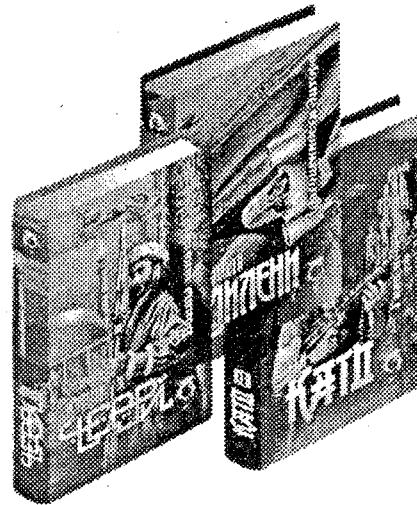

SCIENCE FICTION

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД»
ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ «SCIENCE FICTION»

МИРИАДАМИ СВЕРКАЮЩИХ ГРАНЕЙ
ВСТЫХИВАЕТ МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ
НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ,
ОГРАНЕННЫЙ ТАКИМИ МАСТЕРАМИ КАК

**КЕН КАТО, МИКАЭЛА РОССНЕР,
КЭТРИН КЕРР и КЭРОЛАЙН ЧЕРРИ,
КИТ ЛАУМЕР, СЭМЮЕЛ ДИЛЕНИ**

КАЖДЫЙ ИЗ НИХ ВОВЛЕЧЕТ ВАС
ВО ВСЕЛЕНСКУЮ ИГРУ, ПРАВИЛА
И ЗАКОНЫ КОТОРОЙ — ЗАГАДКА.
НО ЕСЛИ ВЫ ВЫЙДЕТЕ ПОБЕДИТЕЛЕМ —
ВАМ ЭТОГО НИКОГДА НЕ ЗАБЫТЬ!

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

"СЕВЕРО-ЗАПАД"

ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ В ФИРМЕ
"ACT"

По вопросам покупки книг обращаться по адресу:

г.Москва, Эврейский бульвар, дом 21, 7-й этаж.
Тел. (095) 215-4338; (095) 215-0101; (095) 215-5513

Или заказать по адресу:
107140, г. Москва, а/я 140

